

ВАЙНАХ

Ежемесячный литературно-художественный журнал

7. 2013

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Министерство Чеченской Республики по национальной политике, печати и информации.

Адрес: 364051

г. Грозный, ул. Маяковского, 92

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 27 марта 2009 г. Регистр. свид-во ПИ № ТУ 20-00064

Журнал выходит с 1991 г.

Главный редактор –
Ахмадов

Муса Магомедович

Редколлегия:

Л. Абдулаев

М. Бексултанов

Л. Довлеткиреева

Р. Межиева

М. Музаев

С. Мусаев

Р. Талхигова

А. Шайхив

Рукописи принимаются редакцией в первом и втором экземплярах, а также на электронных носителях. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Адрес редакции: 364051

г. Грозный, ул. Маяковского, 92

Тел.: 8 (8712) 22-32-45

E-mail: vaynah_az1@bk.ru

http://www.vaynah.at.ua

Журнал выходит один раз в месяц. 16+

Журнал набран на компьютерной базе ГУ «Литературно-художественный журнал «Вайнах».

Отпечатано в ГУП «ИПК

«Грозненский рабочий»

364021 ЧР, г. Грозный,

ул. Интернациональная, 12/35

Подписано в печать

23.07.13

В случаях полиграфического брака обращаться в типографию, указанную в выходных сведениях журнала.

Тираж – 2500 экз.

Свободная цена

Заказ № _____

СОДЕРЖАНИЕ:

ПРОЗА

- Муса БЕКСУЛТАНОВ. *До рассвета оставалось три часа... Они приходили утром, на рассвете...* Рассказы. Перевод с чеч. Саламбака АЛИЕВА.....2
- Алвади ШАЙХИЕВ. *Горский характер. Возмездие. Рассказ старца.* Рассказы.....24
- Шаран ДАШАЕВ. *Здравствуй, сестра.* Рассказ.....48
- Зура ИТСМИОЛОРД. *Я ненавижу тебя, Буратино.* Записки Карабаса.....54

ПОЭЗИЯ

- Валид ДОКАЕВ. *Я просто по-другому не умею.* Стихи.....28
- Майрбек ЛУЛУЕВ. *Ирс-кхоччуш.* Стихаш.....40

ЮБИЛЕЙ

- Балкан АНЗОРОВА. *Желтая птица.* Стихи.....14
- Адиз КУСАЕВ. *Поэтесса из народа.*.....17

ПАМЯТЬ

- Саламбек АЛИЕВ. *Наши постоянный автор*.....31
- Ахмет ДЕНИСУЛТАНОВ. *Из цикла рассказов «Бригада № 6»*.....33

ГОЛОСА ДРУЗЕЙ

- Роза АГОЕВА. *Чего ты ждешь...* Стихи.....21
- Григорий АРОСЕВ. *Первая песнь.* Стихи.....42
- Магомед КУДАЕВ. *Добрейшей Души Кёкей.* Рассказ.....75

XX-чу БЕШАРИЙН НОХЧИЙН ЛИТЕРАТУРА

- Ибрах Им ЮСУПОВ. *Нене.* Стихаш.....35

ДЕБЮТ

- Исмаил ХАБАЕВ. *Слово о языке.* Стихи.....37
- Лейла КУСАЕВА. *Мозаика.* Рассказ.....59

ДРАМАТУРГИ

- Муса АХМАДОВ. *Нуц хьовзор. Вовшаххетар.* Пьесаш.....66

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

- «Собирать свою историю по крупницам...»
С Шарпуддином АХМАДОВЫМ
беседует Иса ОКАРОВ.....85

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Тауз ИСС. *Чеченский космос.* Эссе.....90

К НАШИМ ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

- Мадина АБДУЛВАГАПОВА. *Вдохновение Жизнью*.....94

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

- «Топонимия Чечни», «Мир просветителя».
Подготовила Мадина АБДУЛВАГАПОВА.....95

- СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И ПЕРЕВОДЧИКАХ.....96

Муса Бексултанов

До рассвета оставалось три часа...

Рассказ

Ему показалось, что это сон или обрывки сна, когда телефон, несмолкаемо звонивший, внезапно разбудил его. Рукой пошарив по тумбочке и отыскав телефон:

– Алло! – едва произнес он, еще полусонный, затем, через пару минут: – Амин! Пусть Всевышний будет тобой доволен... Что? Да, да, первым же самолетом.

Вокзал отвечал долгими гудками – на том конце никто не снял трубку. До рассвета оставалось три часа.

Он заметался по комнате, зная, что надо что-то делать, не бездействовать! что-то делать! но что?

В голове не было никаких мыслей, сознание было в ступоре.

Немного спустя нашел себя одевающимся.

Остановился на месте, оглядывая себя, обнаружил, что натянул рубашку, не надев майку.

Опустился медленно на кровать, уцепившись за самый ее край.

Зарыдал горько, положив локти на колени, прикрыв руками лицо, как беспомощный ребенок, лишившийся матери, оставшийся один во всем мире без всякой надежды и опоры.

Позже, когда выплакался, вытирая слезы, подойдя к телефону, позвонил в справочную – еще два часа до следующей электрички на Москву.

Не прихватив дорожную сумку, закрыв дверь, вышел в ночь, до рассвета было долго ждать, и лишь под светом фонарей виднелся застоявшийся снег.

Такси стояли с работающими двигателями, словно отдыхали, пуская из глушителей белый дым.

– В Москву кто из вас, в аэропорт?

– В какой? – спросил таксист.

– Не знаю, где первый рейс до Грозного...

– Я щас, в справочной, – таксист побежал в здание вокзала...

– Нам в Домодедово, – сказал таксист, – самолет в 11.30... накиньте, шеф, еще тыщонку, это аж самый конец города и дальше столько же!

К его приезду в аэропорт регистрация закончилась, на сверкающем табло был виден его рейс – 131.

Он поспешил к кассам.

– Подождите чуть, может, кто опоздал, – ответила кассирша, позвонив куда-то.

Он отошел в сторонку, чувствуя исходящий от себя жар.

Внутри все горело и как будто в голове тлели угли.

– Мужчина, мужчина! – услышал окрик. – Подойдите, кто в Грозный...

Он протянул паспорт.

– Идите быстро, может, успеете еще на экспресс.

Завершил регистрацию и прошел к посадочной секции.

– Где вас носит, возиться с вами тут еще! – крикнув на него: – Алло, рейс 131 на юг, ваш пассажир тут... да, один, – и вновь обратившись к нему: – Идите в 17 секцию.

Его одного отвезли на машине к самолету, рядом сидела работница аэропорта.

Она же поднялась с ним по трапу, протянув стюардессе его билет.

Пассажиры сидели на своих местах, бросая на него, протискивающегося по проходу, взгляды.

Его место оказалось с краю – «17Д».

Двое парней сидели, притиснувшись друг к другу, разгадывая в журнале кроссворд.

– Молодые люди, – сказал он, когда уложил пальто и шапку на верхнюю полку, – разрешите мне сесть возле окна, только без обид.

Ребята пересели.

За окном виднелись самолеты, аэровокзал, и мысли его уносились от всего этого далеко, мысли, сотканые из грусти.

Увидев со всех сторон облака, он понял, что самолет набирает высоту, высоко-высоко в небо, и, протянув руку, чтобы пристегнуть ремень, нашел его уже пристегнутым.

Когда самолет вышел из-за облаков, впереди предстало блестящее синее небо, солнце, сияющее пронзительным светом; как белый океан, лежали облака, в промежутках обрываясь на островки, и образовавшиеся вокруг пустоты напоминали зелено-голубые озера...

Его мысли вот так же ринулись сквозь это бездонное небо, вслед за этими облаками, далеко-далеко туда, впервые и вдруг осознав, что человек есть ничто, человек, который внезапно и неожиданно может умереть, сгинуть со всеми своими чаяниями, оставив после себя со сверкающим, как сейчас, ослепительным солнцем этот белый свет, который нисколько не потревожится оттого, что ты его покинул...

Обернувшись на возникший в салоне шум, он увидел столпившихся людей, суetyщихся женщин, доносящиеся оттуда рыдания и спешащую стюардессу.

Затем стюардесса ушла и вернулась с водой в пластиковом стакане:

– Успокойтесь, все сели на свои места, – протянув девушке, сидящей на центральном сиденье воду и таблетку: – Попейте, лучше станет, – выговорила она сухо.

Шум затих, иногда лишь доносилось глухое всхлипывание.

Ему стало не по себе, он разозлился на них, на этих женщин, устроивших тут причитания.

Он снова начал всматриваться в окно, видя перед собой синее небо, пустоту, расположенное на самом склоне, разделенное посередине речушкой свое маленькое село, и нану свою – бедную нану – и брата...

Отца он не помнил, кроме рассказа наны о том, что он умер за пять месяцев до рождения Лемы.

Когда он видел его фотографию, отца фотографию, ему казалось, что он помнит его тогдашнего, сразу забывая, как только переставал смотреть на снимок.

Брат был младше его, он даже помнил день, когда тот родился. В июне это было, когда созрели вишни.

С полной пазухой вишен подошел он к матери, с полной пазухой красных вишен.

Мать лежала спиной к нему, лицом к стене, за ее спиной доносился детский плач – а-а-ау-ау...

Он стоит, она оборачивается, протягивает к нему руку и обнимая: «Своему Куми (его зовут Куйра), Мана (он никогда не произносил полное имя матери – Манажа) родила красивого брата, потому как мой Куми один, потому и родила ему Лему!» – сказала мать.

Ему очень сильно захотелось взглянуть на плачущего ребенка.

Он постеснялся посмотреть.

Мать, очистив его носик, сказала: «Беги, поиграй... смотри только, не упади», – ласково потеревив только что очищенный носик.

Он понесся стремглав, улыбаясь, делясь со сверстниками радостной вестью, что у него родился брат.

– Уважаемые пассажиры! Наш самолет летит на высоте девять тысяч метров. Командир корабля и экипаж желают вам приятного полета, – прозвучало в динамиках. – Спасибо за внимание.

Он вспомнил, как много позже, когда Леме исполнилось четыре-пять лет, они пошли на канал искупаться.

Детей было много, двадцать, а может, и тридцать их было; все прыгали в воду, с берега прыгали в воду.

Оставив Лему с ребятами помладше в том месте, где речка достигала до колен, сам он начал прыгать с берега, соревнуясь с остальными в сальто.

Речка вся была заполнена детьми; те, кто прыгали с берега, шумно выстраивались в очередь по три-четыре человека.

В этом шуме и гаме, готовясь к очередному прыжку, он расслышал Лемин голос: ва Кума... Мана! – доносящийся откуда-то из воды, среди стольких голов не различима его голова.

У него вырвался такой крик, будто хотел разорвать барабанные перепонки Вселенной, и следом прыгнул в воду.

Он трижды уходил под воду, не различая перед собой ничего, и лишь в третий раз ухватился за конечность – руку или ногу...

Он плакал, навалившись на бесчувственного Лему, пока проезжающие на машине незнакомые люди не оторвали его от него.

– Кума, – позвал Лема, – Кума!

Потом вечером, до того как зашло солнце, отправив Лему домой, он пошел играть в футбол с командой с той стороны речки.

Когда деревяшка, что впервые запустила в него мать, пролетела мимо, он понял, что Лема заплакал и все рассказал.

Две ночи он провел у бабушки, отца матери, вместе ездили на телеге, чтобы накопить травы.

Вспомнилась ему и земляника, что тогда кушал.

Вспомнил также день, когда его забирали в армию, как пришли на сборпункт мать с братом.

Когда уже попрощались друг с другом, Лема кинулся на него и, обняв крепко, зарыдал.

Мать пыталась улыбнуться – улыбнуться, чтобы не заплакать: «Не позорься перед людьми, прекрати, вот пойдем домой, где кроме нас с тобой ни одной живой души и стыдить никто не будет, вот и наплачемся вволю».

«Перестань, перестань, – сказал он, сдавливая собственное горло, – перестань, неловко, ты же взрослый парень, тебе же 14 лет!»

Брат, не прекращая рыдания: «Оставь меня, оставь».

– Уважаемые пассажиры! Мы вам сейчас предложим легкий завтрак, приведите свои кресла в вертикальное положение и откройте свои столики; столики находятся на спинках впереди стоящих кресел, – дошло до его слуха.

Он вновь затих у окна, разглядывая на занесенной снегом земле коричневые пятна населенных пунктов и расходящиеся, как петушиные следы, кривые изгибы рек.

– Ваша, извините... тут в кроссворде... жена мужика кто, ваша, из четырех букв... Клянусь, это... – что-то забормотал парень, сидящий рядом, и только из слова «ваша» он понял, что обращаются к нему.

– Баба, – ответил он.

– Точно! Благодарю, ваша... Ты посмотри, Аслан, что оказалось-то – баба! Что и требовалось доказать, елки...

– Мужчина, вам рыбу или курицу? – спросила у него, в забытьи прильнувшему к окну, стюардесса.

– Воду мне, пожалуйста, простую воду, – сказал он, обернувшись на ее слова. Одна из двух стюардесс пошла для него за водой, вторая стала доставать из передвигаемого на колесах шкафчика пластиковые коробки с едой и раздавать по сторонам.

– Нана, оставь... оставь меня... – донесся опять голос той самой девушки; слышно было, как мать приглушенным голосом ругала ее. Девушка вскочила со своего места, но две женщины, что сидели по краям (одна из них, наверное, и являлась матерью), удерживая за руки, усадили ее на свое место.

– Еще с аэропорта эта девушка плачет, – парень, что сидит с ним рядом, обращаясь к своему товарищу: – красивая-то какая, жалко...

– Кто знает, горе какое...

– Кто-то умер, слышал я... По-моему, говорили, что брат, не помню...

– Ну, короче, кто-то да умер, ты взгляни на это фото... красота-то какая!

«Эти женщины, – думал он, – где их только не носит... Везде со своими лицемерными штучками, поминки устраивают, где им вздумается, а через время так хохотать станут, как будто ничего и не случилось...»

В первые два-три месяца армейской службы он почти каждый день писал Леме, рассказывая свой каждый шаг.

Лема в ответ писал про их кота, про теленка, про красного петуха, про его славные похождения и победы.

Он очень сильно любил брата, настолько сильно, что невозможно было представить более братской любви. Ему даже казалось, что не брат он ему вовсе, а сын или вместе – и брат и сын, несмотря на то, что разница в возрасте была всего-то три-четыре года.

Всему этому способствовала мать, ее мудрость, ее милосердие, она видела в нем, в старшем сыне, главу семьи, тем самым превратив старшего для младшего и в отца, и в брата, и в друга.

Ему вспомнилось, что окружающий мир во времена его детства казался много прекраснее, мир, над которым и не задумывался – есть он, нет его, и что это все – голубой, зеленый, белый мир, где каждый раз после пробуждения ото сна всегда светило горячее солнце.

Будучи маленьким, взяв под руку своего брата Лему, вместе они пускались за матерью, которая занималась прополкой, на отдаленном от дома клочке пахотной земли, правда, до матери, заигравшись, порой так и не доходили.

Бывало и так, что наступал вечер – а они все еще в пути – им навстречу показывалась мать, возвращающаяся обратно.

Лема, вырывая свою руку из его руки: – Кума, смотри-и, – надувая щеки, делал удивленное лицо, устремляясь вслед убегающему жуку или муравью, опускался на корточки, показывал на насекомое пальцем, чтобы и он обратил на него внимание.

При виде жуков, бабочек, муравьев или ос – забывалась и дорога, и мать, присев и заигравшись с придорожными камнями, изображая из них машин; лишь позже, когда почувствовали голод или от жажды пересыхало во рту, вспоминали и про мать, и про дом.

В такой момент у Лемы вырывался крик: – Нана! – как будто она стояла рядом.

Мы забывали время – полдень, после полудня, вечер – не разбирая, что зачем следует.

Иногда нас возвращала домой какая-нибудь из знакомых женщин, заметившая нашу беспечность: – Идите домой, ваша мать давно как дома.

Тогда мы поворачивали к дому, заводили меж собой разговор, чтобы скоротать дорогу.

Мать занималась ужином: готовила галушки из кукурузной муки, смешанные с крапивой или какими-нибудь другими травами.

Он любил яичницу, много яичницы, с горячей домашней лепешкой.

Мать готовила лепешки, белые, горячие домашние лепешки, разводила в печи большой огонь, доводила огонь до жара и выпекала лепешки.

Горячие лепешки вкусно было запивать молоком, со свежим молоком горячая лепешка, с парным, только что выдоенным теплым молоком.

Врезалось в память – сейчас уже он вспоминал это с болью, – как в последний свой приезд, в ноябре, он накричал на брата.

Тот стоял на одном месте, молча стоял и выслушивал: как скажешь, Кума, как тебе угодно, Кума! Говори, что хочешь! Нет у меня на свете более любимого человека, чем ты!

Такая его привязанность к нему обезоруживала его и каждый раз заставляла отступать.

«Мужчина, не женившийся к тридцати пяти годам, он не мужчина и не женщина, – сказал он ему в тот день. – Валлахи, Богом тебе клянусь, если в течение полугода ты не женишься, я забираю своих жену и детей в Подмоскowie, и будешь тогда возиться с больной матерью один вместо хозяйки».

«Я тебе не брат, Кума, если за три дня до восьмого марта не передам тебе весточки: приезжай, Кума, восьмого марта у твоего брата свадьба».

– Ты много надавал мне обещаний! – сказал он.

– На этот раз уж железно, Кума, это последнее слово: восьмого марта у твоей будущей снохи день рождения, и в этот день, Кума, але-лай, что в этот день будет твориться! Танцы, веселье, мордобой!

...пошел на снижение для посадки в аэропорту «Северный» города Грозный ...кресла приведите ...застегнуть привязные ремни ...мокрый снег с ветром, – обрывками доносились до него, занятого мысленным подсчетом дней, что оставались до 8-го марта.

Их, оказывается, был ровно 21 день, считая и это утро, когда его на рассвете разбудили телефонным звонком с вестью, что его брат Лема в очередной раз – как и всегда – обманув его, вчера ночью, в одиннадцать часов, на собственной машине врезался в «КАМАЗ»...

«Дап-дип-дап» – когда самолет сильно ударился о бетон: «Просьба ко всем пассажирам оставаться на своих местах до полной остановки самолета», – слышен был голос стюардессы.

К горлу подкатил ком, когда в окне показался грозненский аэропорт, захватило дыхание, на глазах выступила влага.

Он сделал глубокий вдох-выдох, издав протяжный грудной звук, большой и глубокий вдох-выдох, как будто пытался высвободить душу от гнетущей тяжести, чтобы не заплакать, вытерпеть.

Спустившись с самолета и проникнув после контрольной секции в зал, он заметил встречающего его племянника Рамзана, который звонил ему утром, и еще одного человека, стоящего с ним рядом.

Рамзан подошел и обнимая: «Прилетел, Куйра... Пусть Всевышний простит и помилует душу Лемы!...»

– Амин, – произнес он, – амин, – похлопав Рамзана по спине. – Пусть Всевышний будет тобой доволен... нам с тобой надо спешить... успеть, пока люди не выехали на кладбище...

– Пусть Всевышний простит твоего брата, – обратился к нему тот мужчина, что стоял рядом с Рамзаном. – Пусть Аллах наградит тебя терпением, чтобы выдержать стойко...

– Амин, Аллах пусть будет доволен и тобой...

– Это... он приехал встречать свою сестру... невесту нашего Лемы... – пояснил Рамзан: – 8-го марта у них был назначен день свадьбы... с Москвы тоже летит... с матерью за покупками к свадьбе...

– Что? Это она, та девушка? – обернувшись, он узнал ее – высокую, с гордой осанкой, девушку, которая шла за матерью, с опущенным взглядом, величественная и сникшая как сама смерть.

Ветер швырял снегом.

Снег бил по лицу.

Снег был мокрый, мокрый, как грязь.

«Во второй раз пережил я твою смерть, во второй раз», – промелькнула в его сознании мысль о брате и о той девушке, которая не была для него не близкой и не чужой, а лишь осталась щемящей болью всей его дальнейшей жизни...

Они приходили утром, на рассвете...

Я не знал, что мне сейчас делать и какое решение будет верным.

Я сидел на одном месте, вглядываясь в окно примыкающей к дому кухни, на заснеженный в сумерках двор.

Снега шло слишком мало и слишком мелко, временами снежные крупы, подхватываемые ветром, превращались в белую пыльцу прежде, чем добирались до земли.

Я всматривался.

Я не понимал происходящего, не понимал, почему так случилось, не понимал, где я и что со мной.

Я бездействовал, отдалившись от всего, сидя на кухне у окна, разглядывая разбитые ворота своего дома.

Ворота пришли в полную негодность – ни замка не повесить, ни засовом не закрыть.

Снега не было.

Снега шло слишком мало, настолько мало, что нельзя было скрыть.

Его следы – кровавые его следы, что тянулись за домом вдоль забора, – я пытался замести снегом и мусором, еле различая в темноте.

Он пришел оттуда, через задний двор, весь окровавленный, в грязи.

Он не осознавал, куда он попал, к кому и что с ним происходит.

Он так и шел – пересекая дворы, пока впереди не возникла стена, в стене дверь, дверь, закрытая изнутри.

Он бился об дверь, дергая ее на себя.

Слышно было бормотанье, слов невозможно было разобрать.

Услышав взрыв – глухой, тяжелый, постепенно усиливающийся взрыв, – я вскочил, сознание мое, еще полностью не отошедшее ото сна, не понимая происходящего, на мгновение отключилось. Потом выстрелы, долгие выстрелы, теряющиеся в ночи и вновь воскресающие.

Внезапно шум прекратился и тишина накапливалась, готовая взорваться. Тишина таила в себе опасность, тишина, что наступала вслед за взрывами и выстрелами, коварная, притихшая, примолкшая, притаившаяся, отдыхающая, с тревожным дыханием тишина.

Я не сдвинулся с места, с того места, где я лежал.

Я всматривался в тишину, приглушая собственное дыхание, всем телом превратившись в слух.

Город был безлюдный – лишь изредка люди.

На нашей улице жили трое, вместе со мной трое.

Были солдаты, были дома, разрушенные до основания, из разворошенного нутра которых зияли бетонные плиты.

Кроме солдат не было никого.

Солдат было много.

Змейкой тянулись мертвые улицы и облака пыли, подымавшейся из-под колес БТРов.

Сверху летали самолеты, были видны БМП и БТРы, иногда танк на большой скорости, будто убегающий от преследования.

Власть находилась в Гудермесе, чеченская власть.

Я из села приехал в Грозный, чтобы ездить туда, в Гудермес, в поисках работы: надо было думать о семье, как прокормить ее.

Дом, в котором я пытался обжиться, был мой, вернее, был моим домом, теперь разрушенным.

Единственно уцелела кухня, примыкающая к дому, только крыша была разбита, с торчащими обломками стропил и осколками шифера.

И стекла в оконных рамах были разбиты, некоторые и вовсе без рам.

Я накрыл крышу клеенками, кусками клеенок, чтобы уберечь потолок от дождей.

В Гудермесе творилось что-то невообразимое из-за огромного скопления людей.

Таких, как я, было еще больше – люди искали работу.

Я не знал чиновников из новой власти, да и из старой не знал.

За те двадцать четыре года, что проработал в школе, я с ними никогда не сталкивался, и кроме директора с завучем не знал другой власти.

В пятый или в седьмой мой приезд кто-то из чиновников пообещал, что подыщет мне работу.

Он, оказывается, был из Урус-Мартана, с нашего района. Я у него и документы видел – удостоверение замначальника департамента, но не разобрал, какого именно.

Я боялся каждый день ездить в Гудермес: везде стояли блокпосты или возникали то тут, то там совсем неожиданно, перекрывая дороги.

Издавались над людьми, вымогали деньги, некоторых арестовывали.

Арестованные пропадали бесследно.

Я боялся оставаться в Грозном.

Из села в Гудермес и обратно в село приехать за день не получалось. В лучшем случае доезжал до Грозного: дни были короткими, рано темнело.

В ночи я боялся оставаться один, один на один со своими страхами: ты становился собственностью любого, собственностью того, кто захочет тебя убить, если только он не поленится приставить палец к спусковому крючку.

Днем я прикладывал к чему-нибудь руки, чтобы гости незваные заметили меня за работой, за работой у себя дома, чтобы видели во мне хозяина.

Так мне казалось, что меня не убьют – не убьют, если не буду скрываться, а буду открыто, на виду, занят работой.

Убитых было немало – снайпер расстреливал даже тех, кто залезал на чердак, чтобы починить крышу.

Казалось, все было во власти черного воронья, ворон было так много, черных, как уголь, ворон, нависших над мертвым городом наподобие крыши. Как тучи черные, ветром разносимые черные тучи. Они любого убьют, думал я, наблюдая за ними, стоит им только захотеть – любого. Их было так много, что днем закрывали солнце, а ночью лунный свет. Да, они и ночью летали, низко, будто в поисках жертвы.

Ночью становилось страшно, ночью душа, как сито, просвечиваемая насквозь, растекалась – и лишь до одури, до боли щемящей оставалось острое желание жить.

Тишина содрогнулась от выстрелов в ночи, ощущаемых каждой клеткой кожи.

С тех пор, как услышал первый взрыв, я не сдвинулся с места.

С того самого пробуждения, боясь заново заснуть, натянув на себя одеяло, съежившись, я так и лежал, с бьющимся, как у мышонка, сердцем, с ощущением, что выстрелы раздаются уже в моей голове.

Где-то в доме завелась мышь, или это только мне казалось, что мышь что-то грызла. Звуки, невозможно было определить – под полом или на чердаке, слышны были по всему дому. Они не прекращались.

Слух мой обострился, и сердце билось, как у загнанного зверя.

Они приходили утром, до рассвета или на рассвете, пока свет не разливался по земле.

Однажды чуть не пристрелили: разбуженный шумом в доме, я вскочил и уперся о холодное дуло автомата, приставленного ко лбу.

Так же утром пришли другие, молодые чеченцы, представились ОМОНовцами, расспрашивали про боевиков – видел-нет?

Я их не видел, тех, про кого они спрашивали.

Я к ним уже привык, к тем, кто приходил рано утром.

Я их ждал, ждал с каждым наступлением рассвета.

Дернули дверь или это было окно, нет, дверь, задняя дверь дома. За дверью кто-то находился, дергая ее, пытаюсь открыть, сорвать с петель или проникнуть сквозь нее. Я не знал, что делать, не знал – кто там.

Я сполз с кровати и присел, только присел – я боялся, что если встану, меня увидят в окне. Дверь дернулась еще и еще раз. Все так же, вприсядку, задерживая дыхание, я подошел к двери.

Слышен был стон, обрывки фраз, дыхание.

Когда я рванул дверь на себя, резко рванул и открыл, человек, стоящий за дверью, грохнулся мне в ноги:

– Ты чеченец... спрячь... ранен...

Миг превратился в вечность, пока я стал осознавать свои действия.

Позже, на кухне, когда ко мне вновь вернулся страх, вспомнив, что спрятал раненого, я резко вскочил.

Доносились стоны, стоны этого человека.

Я начал метаться по дому, выскакивать на улицу и забегать обратно, не зная, что делать в первую очередь, как быть, что делать вообще.

Заскочил за дом.

Было темно, и трудно было что-либо разглядеть. Лишь еле различаемая полоса следов крови, идущая от забора к дому.

Нашел лопату, еще не украденную, начал забрасывать следы снегом и мусором, закидывать ветками. Затем заскочил в дом и перевернул всю комнату, которую до этого целый месяц пытался привести хоть в какой-то порядок, начал разбрасывать весь свой жалкий скарб по углам, раскрыл уцелевшие оконные рамы, разбил об пол несколько стекол.

Матрас, на котором спал, перетащил в кухню. Кухню вычистил, некоторые вещи из кухни занес в комнату.

Раненого спрятал в маленьком погребе, где до войны хранились соленья, положив две оконные рамы сверху, закидал вещами.

Погреб был слишком маленьким, всего лишь в полметра длиной. Я понимал, что скрытое будут искать из соображений того, что это скрыто, а то, что лежит на поверхности, зачастую оставляют без внимания.

Вооружившись лопатой, я начал крушить и стены, и потолок на той половине, где находился погреб, пытаясь придать заброшенный и неприглядный вид.

Кухню же старался довести до блеска, затащив туда все ценное, что у меня было.

Керосинку же не посмел зажечь – боялся, могут увидеть.

Электричества не было.

В необходимых случаях светил себе зажигалкой.

Я ею пользовался для газовой плиты – газ пока еще поступал.

Когда закончил со всем этим, обратил внимание, что проходит время утреннего намаза, несмотря на то, что было еще темно.

Быстро, не разбирая что, как и в какой последовательности, прочитав суры и аттахиг¹, уселся напротив окна, поставив стул спинкой к себе и уложив руки на край спинки, а подбородок на руки, как сторожевой пес, стал всматриваться во двор.

Стены раздавались часто – длинные и глубокие.

Я всматривался.

Мои глаза вперились в ворота в ожидании, что вот-вот, и сердце бешено колотилось в груди.

Я ждал рассвета, большого и яркого света.

Рассвет не наступал, только чуть-чуть рассеялась мгла, в которой возможно было отличить человеческий силуэт на расстоянии двух-трех метров.

Мне бы хотелось полного рассвета, чтобы избавиться от чувства одиночества.

Одинокий или пропадал, или же его убивали.

Люди не ходили в одиночку.

На дорогах везде были посты.

Только через посты можно было куда-то уехать. Если видели, что кто-то движется в обход поста, его убивали или забирали. Арестованный пропадал.

Мне надо было что-то предпринять – куда-то убрать этого человека, найти и передать его родственникам, ну, хоть кого-нибудь попросить о помощи.

Свет разлился настолько, что были различимы ветви дерева и небо.

Я видел перед собой только ворота.

Я смотрел на ворота, слух же мой был устремлен к тому человеку, к той опасности, что исходила от него.

На воротах зияли отверстия от осколков и пуль, через которые видна была улица.

В какой-то момент мне показалось, что дырки почернели и в ту же секунду начали просвечиваться.

Я схватил кружку и поставил ее на газовую плиту, алюминиевую кружку, чтобы вскипятить чай.

И сигарету зажег.

Мне хотелось чем-то заняться, представить себя абсолютно беззаботным человеком – курящим сигарету, попивающим чай.

Они ворвались во двор внезапно.

Их было много, с затынутыми за голову, как у женщин, платками, замазанными сажей лицами.

Половинки ворот от сильного удара разлетелись далеко в стороны.

Стоял БТР... Как же так? Почему я ничего не слышал? Когда... как... без звука...

Скинув с себя тулуп, отстегнув верхние пуговицы рубашки, с сигаретой в зубах, с босыми ногами, я вышел и встал на ступеньках.

Их было шестеро: двое были на улице, четверо во дворе. Двое из тех, что были во дворе, вздернув автоматы, с двух сторон заняли позиции.

– Туда! – отдал приказ один из оставшихся двоих, указав пальцем, что надо обойти дом с той стороны.

– Я пойду! – один из тех, кто ранее занял позицию с автоматом, молодой солдат без платка сорвался с места и побежал на заднюю часть двора.

Тот, кто отдал приказ, двинулся на меня, отбросив, вошел.

На мгновение остановился.

Начал оглядываться по сторонам, как собака обонянием, глазами оценивая обстановку.

Взял со шкафа мои документы, которые я намеренно положил так, чтобы сразу бросались в глаза: паспорт, трудовую книжку, удостоверение «Отличника народного образования ЧИАССР».

Пролистал все три документа, изучая каждую страницу.

– Все чисто! – доложил солдат, что бегал за дом.

– Ну, чему учишь детей-то, Хамзатов Гелани Са-парбиевич? – спросил, растягивая слова.

– Истории... – выдавил я из себя.

– А какова она, ваша история, а? Знаешь, что сказал Ермолов Алексей Петрович?

– Много чего, наверное...

– Гадов надо давить, сказал он, а ты – гад!

Я побоялся возразить, побоялся сказать правду.

Правды-то и не было.

– Видел кого... раненых, ползущих, бегущих...

– Тут никто не ходит... нас тут мало, я да дед с бабкой и Надежда Петровна, – ответил я, делая вид, что не понял его вопроса.

Я боялся стона, боялся, что тот сейчас застонет. Мне хотелось о чем-то говорить, болтать, не важно – о чем, лишь бы не молчать. Но говорить много было столь же опасно, как и не говорить ничего.

– Знаю, кто и где! – бросил мои документы на стол, разворачиваясь, взгляд его остановился на пачке «Парламента», что лежала за тарелкой.

– Вот сука, что курит! – злая ухмылка соскочила с его лица.

Я стоял как вкопанный, будто сердце остановилось, в ожидании стона за своей спиной.

Вытянув одну сигарету и протянув ее мне со словами: «На, возьми, выкуришь щас, перед смертью», – спрятал пачку в карман, застегнув следом карман на пуговицу.

– Не видел, говоришь, никого? – спросил заново, шагнув в направлении комнаты, где находился погреб, но так и не перешагнув за порог.

– Да кто тут будет... – с трудом проговорил я, заставляя себя не бросить взгляда в сторону погреба.

– А живет как свинья, – как бы сам с собой разговаривая, – как свиноматка, блядь, отличник народного образования... мать!

– Тут ночью бомбили, – сказал я, – не знаю, что было-то...

– Не знаешь? Крыс давим в своих норах! – и, развернувшись, глядя прямо в глаза, – таких крыс, как ты!

Я промолчал.

Я стоял не двигаясь, считая тысячные доли секунды.

Секунда тянулась слишком долго, как предсмертный миг.

Жизнь висела на тоненькой ниточке, за которой проступала смерть с весами и гирьками.

Пройдя к ступенькам, офицер махнул рукой.

Солдаты побежали к БТРу.

– Коренных выжили, коренных русских... А вернем, еще как вернем! С цветами встретите, гады, с маршем Мендельсона! – быстрым шагом пошел.

Когда дошел до ворот:

– Кстати, «злой чечен», кружка твоя давно сгорела! – сказал, обернувшись:

– Мы еще вернемся...

Я не смел зайти до тех пор, пока БТР не исчезнет: мои ворота были открыты.

Я боялся, что выстрелят, боялся, что выстрелят в спину.

Когда БТР тронулся, солдаты, сидящие на нем, обернулись в мою сторону.

И мне показалось, что они сейчас будут стрелять.

Не выстрелили.

Не помню, сколько времени прошло.

Когда я вновь выглянул за ворота, БТРа не было видно и ни одной души на улице.

Закрывая ворота, обратил внимание, что следы солдата, который побежал смотреть заднюю часть двора, так и не добежав за дом, поворачивают обратно.

Я побежал за угол и... следы, кровавые следы, снег, смешанный с кровью, то, что вчера в потемках я пытался скрыть, закидывая лопатой.

У двери, где тот ночью стучался, лужа крови, застывшая лужа крови.

Заскочив в дом: «Нет... нет уж, дорогой... ты меня не убьешь... так ты больше не сделаешь! – начал раскидывать наваленную мной кучу с погреба, – вставай, дорогой, живо, живо... давай мы с тобой исчезнем отсюда... уедем... убежим... ты же чуть не погубил меня, чуть не убил меня! – когда я потянулся к нему, чтобы вытащить из погреба, моя рука наткнулась на остывшее холодное тело...

Он умер, он был мертв, давно как мертв...

«Будь проклято! Да будь все проклято!» – крик, боль, плач, проклятье вырвались из моей груди, истерзанный, изможденный, подкошенный, упал на колени.

Перевод с чеченского Саламбака АЛИЕВА

¹ Аттахиг – составная часть намаза-молитвы.

Балкан Анзорова**Желтая птица***(по народным мотивам)*

Рыдая моими слезами,
 Со мною смеясь без слов,
 Есть желтая птица, мама,
 Что ищет в лесу любовь.

Со мною рыдая или
 Со мною смеясь в тишине,
 Живет по соседству милый –
 Другого не надо мне.

Он статен, высок, заметен,
 И, верность ему храня,
 Скажу, что с милым соседом
 Разлучит лишь смерть меня.

Кудал¹

Гонит воздух мех без лени,
 Ярче чтоб огню гореть.
 И на угли для каленья
 В самый жар кладется медь.

Позже мастер со стараньем
 Листья эти раскроит,
 Смастерит кудал
 И граням
 Он придаст изящный вид,

Чтоб с кудалом спозаранку,
 Как и в прошлые века,
 На свиданье шла горянка
 К струям звонким родника.

Но сегодня у кудала
 Нету девушек-друзей:
 Он из моды вышел –
 Сдали
 За ненадобностью в музей!

Старый чурт²

Старый чурт...
 Кому же ты поставлен?
 Кто лежит в могильной темноте?
 Кем же этот бранный мир оставлен,
 Подойдя к намеченной черте?

Имени не знаем, место даже,
 Где родился,
 Где он жил и рос...
 Без ответа –
 Тайна тут на страже –
 Остается наш немой вопрос.

Различим едва уж холм могильный,
 Только чурт стоит невозмутим,
 Омываем грозами обильно,
 Летним солнцем, не щадя, палим.

Человек лежит в земле хороший,
 Кем бы и каким бы ни был он...
 И ему, остановясь, прохожий
 Отдает последний свой поклон.

Чечне моей

Пробуждая мужественные мысли,
 Пробуждая нас к счастливой жизни,
 Хорошеешь ты день ото дня,
 Дорогая, милая Чечня.

С каждым днем тебя сильнее любим,
Потому что мир приносишь людям,
И трудом, завет отцов храня,
Возвышаем мы тебя, Чечня.

Все в тебе:
И мужество, и мудрость,
Вера в завтра
И в сиюминутность,
И, характер гордый твой ценя,
Воспеваем мы тебя, Чечня.

С верой в Родину

Когда болезнь овладевает мной
И силы все борьбе с тревогой отданы,
Советуюсь доверчиво с тобой
Я, проходя пути земные, Родина –
Я без тебя ничто не значу, Родина.

Когда я в схватке с жизненной пургой
Отчаюсь,
Хоть и полпути не пройдено,
Я обращаюсь к тебе –
И ты рукой
Отеческой меня поддержишь, Родина –
Я без тебя ничто не значу, Родина.

Вся жизнь с твоею светлою судьбой
Навек, Отчизна дорогая, связана.
Я счастлива,
Что все дело с тобой,
Что всем тебе я,
Родина, обязана –
Я дочь твоя –
И этим все мной сказано...

Любимому городу

Мой город, ты красив на загляденье,
Проспектов, скверов вид приятен мне.
Прошу тебя –
Ты продолжай цветенье,
Чтоб лучшим стать
На солнечной земле.

Я никогда тебя не забывала,
Где б кров ни обретала вновь и вновь,
Не только потому,
Что испытала
Здесь веру,
И надежду,
И любовь.

А потому
Что тут себе открыла
Раз навсегда привязанность к тебе
И потому, что дал
На счастье крылья
И что опорой стал
В моей судьбе.

По меркам лет переживаешь детство,
Тебе еще мужать,
Расти,
Цвести...
Мой город, на тебя не наглядеться:
Красой чаруешь –
Глаз не отвести.

Прокляните войну!

Как стреляют в людей –
Не видеть бы мне.
Как землю сжигает злодей –
Не видеть бы мне
И невинный плач детей –
Мать убита на войне.

Кто стрельбы любит речь –
Пусть от пули погибнет,
Кто мечтает мир сжечь –
Пусть в пожаре и сгинет.

Встаньте, жизни дивясь,
За детей, за весну,
Люди, объединясь,
Прокляните войну!
Прокляните войну –
Мир отходит ко сну!

Более всего...

Более всего на свете белом
Я люблю лелеять и ласкать
Малышей,
Лежащих в колыбели, –
Им готова все тепло отдать.

Хочется для них мне поименно
Яркие цветы всегда сажать.
«Вам дарю на счастье мир зеленый!» –
Им на разных языках сказать.

Хочется всегда, чтобы счастливо
Улыбались дети разных стран.
А не лили слезы сиротливо
От войною нанесенных ран.

От материнства эту
К людям мира обращаю речь:
Дороги для всех народов дети –
Их должны мы от беды беречь.

Ведь всегда без озорного детства
Пуст, безжизнен,
Безголос и сир
Мир огромный,
Данный нам в наследство,
Солнечный, неповторимый мир.

Потому сильнее всего на деле
Должен человек,
Особо – мать
Мальшей,
Лежащих в колыбели,
Более всего любить, ласкать.

Тихий вечер

За окошком ночь затихла
В синеве грустит луна...
А меня любовь настигла –
С сердцем спор ведет она.

Вдаль зовет
И беспокоит
Лунной ночью в тишине...
Как любовь мне успокоить?
Как утешить сердце мне?

То ль на севере,
На юге –
Где-то милый должен быть,
Не грустит, коль по подруге,
Значит, будет мной забыт.

И любовь и сердце легче
Вместе переносят грусть,
Хоть сильнее давит плечи
Бремя ночи
Дальность чувств.

За окошком ночь затихла,
В синеве грустит луна...
А меня любовь настигла –
С сердцем спор ведет она.

Была весна...

Когда впервые к роднику шагнула,
Не зная восемнадцати еще,
Мне молодец из нашего аула
В любви вдруг объяснился горячо.

Душа играла молодо и смело,
Огромным счастьем было,
Как земля,
Но каждый раз при встрече я краснела
В ответ на твой «Привет!»
Смущенно я.

Ты говорил,
Я лишь в ответ немела,
Молчала я,
Не находила слов.
К тому же многословьем не хотела
Я нарушать традиции отцов.

С тех пор,
Тебя у родника встречая,
Язык немеет почему-то мой,
Потупив взор,
Стою, не замечая
Кудал свой, переполненный водой.

Какой незабываемой по страсти
Была весна моей любви тогда.
Казалось,
Что любовь на крыльях счастья
Нести нас будет высоко всегда.

Но, улетев на журавлиных крыльях,
Весна одну оставила меня...
Во сне то было?
Или было былью?
Став девушкой, как все, гадаю я.

Перевод с чеченского Адиза КУСАЕВА

¹ Кудал (к1удал – чеч.) – кувшин.

² Чурт (чеч.) – надмогильный камень.

Адиз Кусаев

Поэтесса из народа

В этом году народной сказительнице и поэтессе Балкан Анзоровой исполнилось бы девяносто лет. И ей бы еще жить да жить и песни петь, и стихи писать, такие, например, как «Чечне мой» (здесь и далее перевод – А. К.):

*Пробуждая мужественные мысли,
Пробуждая нас к счастливой жизни,
Хорошеешь ты день ото дня,
Дорогая, милая Чечня.*

К сожалению, этого не произойдет, потому что вот уже около двадцати лет, как ее с нами нет. Не случится это еще и потому, что поэтесса, и при жизни очень тихая и скромная, сегодня незаслуженно забыта всеми и ее имя мало кто помнит, а молодое поколение вообще не знает. И это несправедливо, почему мы и хотим напомнить всем о Балкан Анзоровой, хотя бы в этом, юбилейном, году.

Собирая материал для этого очерка, зашел я как-то в одну из городских библиотек. Встретила меня очень внимательная сотрудница и приветливо спросила: «Что вас привело к нам?»

– Есть у вас что-нибудь из сочинений поэтессы Балкан Анзоровой? – спрашиваю.

В ответ слышу недоуменное:

– А разве есть такая? Впервые слышу это имя.

– Как? – удивляюсь я. – Неужели не знаете ее? Неужели не читали ее книжек? А вы и видеть, наверное, должны были ее – она ведь жила тут, в поселке имени Калинина, недалеко. Может быть, часто заходила к вам.

– Нет, не знаю, не видела, не читала, – отрезала библиотекарь. – И книжек ее у нас нет. Хотите, посмотрите сами.

И подумалось мне: если даже библиотекари не знают о Б. Анзоровой, народной сказительнице, выросшей в поэтессу, то чего ждать от нынешних молодых людей? А ведь она еще недавно жила среди нас. И в недавнем прошлом ее имя было хорошо известно читателям и коллегам-писателям. «Когда я работал старшим редактором Чечено-Ингушского книжного издательства, – вспоминал, например, известный чеченский писатель и публицист Хамзат Саракаев, – мне доводилось готовить к печати сборники стихотворений поэтессы Балкан Анзоровой. Работалось над ними всегда легко, потому что были они написаны хорошим, чистым языком, отличались содержательностью, образностью. Особенно трогали камерные, лирические, глубоко личностные строки поэтессы. И лучше всего ей удавались стихи, навеянные устным народным творчеством, потому что она хорошо знала чеченские национальные лирические и девичьи песни».

А поэт, журналист и знаток чеченского фольклора Докка Кагерманов так вспоминает в беседе со мной поэтессу: «Мне нравилась поэзия Балкан Анзорой. Многие ее стихи были пропитаны фольклорными мотивами, поэтесса широко использовала изобразительные средства устной народной мудрости. Поэтому

они всегда были близки мне. Жаль, что творчество Балкан совсем забыто сегодня и читателями, и литературной критикой, и литературоведами».

Она начинала свой творческий путь как народная сказительница, исполняла девичьи песни и еще до Великой Отечественной войны начала писать свои авторские песни и стихи. Основой почти всех их была устная народная мудрость, потому что, как писал литературовед, доктор филологических наук Хасан Туркаев, в тридцатые-сороковые годы прошлого столетия «чеченские поэты и писатели с самого начала своей творческой деятельности почувствовали свою кровную зависимость от народного творчества... Обращаться к народному творчеству и его эстетическому богатству их заставляло отсутствие каких-нибудь традиций создания своей литературы... В поисках форм, языковых средств, тем и сюжетов чеченские литераторы обращались, прежде всего, к тем поэтическим традициям, которые были им знакомы» (Исторические судьбы литератур чеченцев и ингушей. Грозный, 1978. С. 180-181, 184)

В числе этих литераторов была и Балкан Анзорова, поэтическое творчество которой началось в пятнадцать-семнадцать лет в 1938–1940-м годах и которая не была, к сожалению, избалована вниманием литературоведов, критиков и читателей. Она редко издавалась и почти что не переводилась на русский язык. Поэтому, естественно, не была известна широкому кругу читателей. Здесь сыграла свою роль и ее исключительная скромность.

Я много раз видел ее на собраниях писателей республики, и всегда было одно: Б. Анзорова тихо сидела, внимательно слушала всех, не старалась привлечь к себе внимание громкими комментариями, не рвалась на трибуну, как некоторые. Она не стремилась на встречи с читателями, считая неудобным напрашиваться. Но в этом были и свои «плюсы» для нее: поэтесса не знала людской черной зависти. Прошла свой творческий и жизненный путь честно, творя добро и стихи, которые остались жить после нее.

Балкан Анзорова была истинной дочерью своей Родины и родного народа, как писала в одном из стихотворений, рисуя образ женщины-чеченки:

В просторы Родины любимой
Сильней влюбляясь час от часа,
Иду тропинками родными
Горянка – дочь Чечни,
Кавказа!

Жизненный и творческий путь Б. Анзоровой не был усыпан розами. Родилась она в с. Урус-Мартан в 1923 г., куда ее родители были выселены из с. Дойкур-Эвла как кулаки. Как это делалось, мы знаем из истории. Окончив семилетку, она в 1937 г. начала свой трудовой путь учительницей на курсах по ликвидации безграмотности. Позже работала пионервожатой, заведующей клубом и библиотекарем в родном селе.

Но это не удовлетворяло ее, она хотела большего и верила в свое призвание. В 1942 году Балкан была назначена председателем артели, в которую входили швейные, торговые и другие мелкие предприятия местной промышленности.

Об этом периоде ее жизни так вспоминал бывший преподаватель Чечено-Ингушского государственного университета Инал Романович Лоов (свидетельство дочери поэтессы, Раисы): «Волей судьбы, в 1930-е годы наша семья была заброшена в с. Урус-Мартан, где среди дружелюбных чеченцев прошло мое детство. И помню, как мы, мальчишки, специально бегали по утрам смотреть, как из дома выезжает на фаэтоне Балкан – грациозная, стройная,

строгая, в длинной черной кожанке, в изящных сапожках, с маленьким пистолетом на поясе. Это было в те годы такой редкостью среди горянок».

Правда, пистолет у нее отобрали при выселении 23 февраля 1944 года, но печать артели она сумела сохранить и вывезти с собой в Казахстан, где жила с родителями вначале в городе Алма-Ате, потом в поселке Тостак Талды-Курганской области. Там, в самые страшные первые голодные и холодные годы ссылки, когда чеченцы вымирали целыми семьями, Б. Анзорова выписывала людям справки о составе семьи, ставя печать своей артели, будто они были выданы еще дома. Люди получали дополнительный паек и этим спасались от неминуемой голодной смерти. Прекратила она делать это только тогда, когда возникла реальная угроза разоблачения и ареста. Да она и не могла иначе, потому что творить добро было сутью ее жизни – поэтессы и народной сказительницы.

Она продолжала писать и в ссылке, без надежды увидеть свои стихи опубликованными, а песни – исполненными. Но, как только возникла первая же возможность, когда в 1955 году из г. Алма-Аты Казахский государственный радиокомитет начал транслировать передачи на чеченском языке и начала выходить газета «Знамя труда», Б. Анзорова вместе с М. Айдамировой, Ж. Шамилевой, Й. Ганукаевой стала исполнять по радио чеченские песни в полный голос. Вскоре она была зачислена солисткой в Чечено-Ингушский государственный ансамбль песни и танца и с ним в первом же эшелоне чеченцев-возвращенцев приехала на Родину, где ее творчество стало развиваться уверенно и вдохновенно.

Балкан Анзорова впервые увлеклась чеченским фольклором и поэзией еще в школьные годы. Поэтому ее поэтическое творчество всегда питалось родниками устной народной мудрости. Вот образец этого благотворного влияния:

*Когда у родника встречаю
Тебя, язык немеет мой.
Потупив взгляд, не замечаю
Кудал, наполненный водой.*

Она заучивала и записывала народные сказки, песни и легенды и, обладая хорошим голосом и прекрасно играя на гармонии, исполняла их на вечерах художественной самодеятельности. Затем и сама стала сочинять первые стихи. Это были, чаще всего, короткие лирические песни. Ее талант и труд очень рано получили всенародное признание: за большие заслуги в пропаганде народного творчества и активное участие в общественной жизни в 1939 году (в шестнадцать лет от роду!) Б. Анзорова Указом Президиума Верховного Совета СССР была награждена орденом «Знак почета», а в 1940 г. принята в члены Союза писателей СССР.

Об этом периоде становления чеченской литературы и, в частности, о творчестве Балкан Анзоровой литературовед, доктор филологических наук Х. Туркаев пишет в своей монографии «Путь к художественной правде»: «В середине 30-х гг. параллельно с творчеством профессиональных художников слова развивалась и поэзия сказителей. В стихах-песнях, сложенных в те годы известной сказительницей и поэтессой Б. Анзоровой, говорится о радостях жизни, воспеваются труд (например, песня «Орденосец Али Гучигов» – А.К.). Стихи-песни ее показывали читателю полезность созидания, призывали к активности. Символично, что много песен было в то время сложено чеченками-

сказительницами. Это был результат их духовного таланта, женского взгляда на вопросы морали, быта, любви. Но главной темой в творчестве сказительниц, как впрочем, и в творчестве Б. Анзоровой, была тема патриотического долга человека перед Родиной, защиты Отечества. Творчество поэтессы того периода (да и позже) развивалась под знаком этического и морального развития всего народа».

Хотя и редко, но публиковались в периодике стихи поэтессы и издавались поэтические сборники Б. Анзоровой. Редкость эта объяснялась высокой требовательностью ее к своему творчеству, к своим стихам и к себе самой. Первые ее стихи были опубликованы еще до 1940 года в книге чечено-ингушских поэтов «Наши песни». После возвращения на родину в 1957 году стали выходить и ее персональные поэтические сборники, такие, как «Первая звезда», «От чистого сердца», «Крылья мечты» и другие. Стихи ее часто печатались на страницах республиканской газеты «Ленинан некъ», альманаха «Орга», в различных репертуарных сборниках, вошли в «Антологию чечено-ингушской поэзии» (г. Грозный, 1981 г.). Были они всегда ритмически отточены, написаны чистым, простым и понятным языком, музыкальны, с широким использованием образов и символов устного народного творчества, потому что многие предназначались не столько для чтения, сколько для исполнения. Главными темами их всегда были: родина, природа, чистота чувств, любовь и, конечно же, преданность родной земле, потому что сама поэтесса была и в жизни, и в творчестве истинной дочерью своей Отчизны и своего народа. Об этом хорошо сказано в одном из ее стихотворений:

Чтоб от недруга нас уберечь,
Да живет наша армия!
Чтоб сломался у недруга меч,
Да живет наша армия!
Враг страны моей милой в прах
Упадет перед ротами,
У которых в бою на устах
Слово гордое – Родина.

О сути поэзии Б. Анзоровой, о лиричности и гражданственности ее очень точно написал в свое время литературовед, доктор филологических наук Юша Айдаев в книге «От эпической песни до эпопеи»: «Успешно развивается у нас творчество поэтов-песенников. В тридцатые годы писали лирические стихи Н. Музаев, А. Мамакаев, сказительница и поэтесса Б. Анзорова и другие. О ее творчестве, думается, следовало бы писать и критические статьи, и литературоведческие работы, которые способствовали бы ее дальнейшему развитию» (г. Грозный, 1975, с. 90-91).

Балкан Анзорова все свои знания, талант и силы отдала делу развития чеченской литературы, прославлению лучших черт родного народа. Она оставила в жизни и в литературе заметный след, который не зарастет, будем надеяться, травой забвения. Об этом должен позаботиться наш народ, истинной дочерью и певицей которого поэтесса оставалась до конца своих дней.

Роза Агоева

Родилась и выросла в городе Чегем Кабардино-Балкарской Республики. В 20 лет переехала в г. Ростов-на-Дону. Замужем, имеет трех взрослых дочерей. Поэт, переводчик поэтов Северного Кавказа на русский язык (переводила с 10 языков: кабардинского, черкесского, абазинского, армянского, карачаевского, балкарского, болгарского, чеченского, ингушского и лезгинского), а также с чеченского и русского – на кабардинский. В Ростове-на-Дону руководит музыкально-литературным клубом «Окраина». Член СП России.

Чего ты ждешь...

Чего ты ждешь, незванный гость,
В запретные врываясь сны,
Когда, как пес голодный кость,
Зимою ищешь взгляд весны?

Лишь для себя привыкший жить,
Всем чуждый, средь своих чужой,
Что можешь ей ты предложить,
Прекрасной женщине святой?

Когда, отвергнув Божий глас,
Ты предавал ее мечты,
Она, не поднимая глаз,
Шла по тернистому пути!

Она не опускала рук,
Вступив со злом в неравный бой,
Ее мятежный, гордый дух
Звал неустанно за собой!

И день за днем, за годом год
К заветной цели шла она,
За свой многострадальный род
Гонений чашу всю до дна

Одна сумевшая испить,
Чтоб до победного конца
Дойти и светом озарить
Во тьме забытые сердца...

У каждого из нас свой путь,
Она достойно свой прошла,
И время вспять не повернуть –
Добро сломило силы Зла!

Не нарушай ее покой,
В запретные врываясь сны!
К чему закатною порой
Привлечь пытаться взгляд весны?

Но, мой конь ретивый!

Но, мой конь ретивый!
Но, мой конь ретивый,
Мчись стрелой вперед!
До плакучей ивы
Неспокойных вод!

Но, мой сокол ясный,
Скорость не сбавляй! –
Впереди маячит
Светлый отчий край!

Настежь двери сердца...
Но же, но, мой Град!
Здравствуй, город детства,
Милый Чегемград!!!

Полусон... полуявь...

Полусон... полуявь... отправляюсь куда-то в потемках...
 Но не знаю куда и зачем... я бреду наугад...
 Слышу призрачный голос-мольбу: «Донеси до потомков...»
 Только, что... не пойму – в спину полный отчаянья взгляд...

Шаг... другой... за рекой тишину разрывают снаряды...
 Рвется в самое пекло до боли знакомый солдат...
 Только кто же он, кто? Разгадаю загадку я вряд ли...
 Взрыв... волна... пелена... и обрывки событий и дат...

Время вспять... мне лет пять... мать беззлобно за что-то ругает...
 Вот чуть больше восьми – на рыбалке впервые с отцом...
 Разрушает безоблачность детства картина другая:
 Люди в панике... вопли... вокруг все объято огнем...

Крик, застрявший в груди в ленинградской голодной блокаде,
 Где повсюду звучит ненавистное слово «война»...
 Вот опять чередой перед взором проносятся кадры...
 И будильника звон вырывает из ада... весна –

Щебетание птиц и привычный пейзаж заоконный...
 И мелодия гимна свободе воскресного дня...
 Только память терзает и напрочь лишает покоя
 Этот призрачный голос, о чем-то моливший меня...

Скажите, кто в том виноват?

Когда попал ты в рабство к страсти
 И хочешь все вернуть назад,
 Но вдруг услышишь вместо «здравствуй»
 «Прощай», кто в этом виноват?

Когда в распахнутое сердце
 Летит напраслины снаряд
 И правит миром лицедейство,
 Скажите, кто в том виноват?

Когда живое рвут на части,
 Войной идет на брата брат,
 Когда о быт разбито счастье,
 Скажите, кто в том виноват?

Мы все виновны понемногу
 Во всех страданиях своих:
 К первоисточнику дорогу
 Забыли в суете на миг.

Теперь спастись мечтаем бегством,
 Но убежать ли от себя?
 ...В раздумьях топчемся на месте,
 Во всем судьбу виним скорбя...

Пели колыбельную горы величавые...

*Посвящаю Людмиле Загаштоковой –
достойной дочери Кабардино-Балкарии...*

Пели колыбельную горы величавые,
Степи безграничные подпевали им:
«Спи, девчонка милая, двух народов чаянье,
Будет нами твой покой храним!»

Ветер, позабыв порой о своей суровости,
Пряди непокорные гладил: «Баю-бай,
Спи спокойно, детонька, вырастешь, и родину
Ты свою прославишь, так и знай!»

Стаей перелетною детство босоное
С беззаботной юностью улетело в ночь.
Время быстротечное, зим и весен много ли,
Мало ли с тех пор умчало прочь?!

Сколько обломили вы, годы безвозвратные,
В океане жизненном весел на пути?
В круговерти вечности сколько бед и радостей
Меж собой пришлось переплести?!

...Что же стало с девочкой, что была взлелеяна
Под напевы дивные, злу наперекор?
В чем себя нашла она? Жизнь благословенна ли?
Что несет в мир дочь степей и гор? –

Ничего особого... взлеты и падения...
То судьбы хозяйкою, то ее рабой...
Все переплелось в одно: боль и наслаждения,
Разочарования, любовь...

В бесконечных поисках шла часами долгими
Лишь прямой дорогою в непогоду, в зной.
И жила по совести, впрочем, как и многие,
Стала мамой... неплохой женой...

Да... Добра поборником тьме перчатку бросила...
Были разногласия частые с молвой...
Где-то среди нас она... «Сколько лет ей?» – спросите...
Вроде, и немало... но душой...

С очень броской внешностью, жгучи очи карие...
Есть черта особая – может всех любить...
И мечта заветная: Кабарду с Балкарией
Узами священными скрепить...

Что ж, мечта прекрасная, словно песнопение,
Словно свет надежды завтрашнего дня,
Пожелаем вместе ей: «Дай Господь терпения
Путь продолжить, мир душой обняв!»

Алвади Шайхиев

Горский характер

Рассказ

– Давай махнем в горы?

– Давай.

Мовлди – друг детства. С ним – хоть куда. Да и молодость бьет через край.

Медвяное лето в полном разгаре. Солнце встает рано-рано. Его огненный диск медленно-медленно карабкается по противоположному склону горы, взметнувшейся высоко в небо. И на самой макушке, в седловине вершины, останавливается, чтобы немножко отдохнуть и набраться новых сил.

Горцы, живущие по соседству с ним, первыми встречают его и провожают последними.

Наступают сумерки.

...По вечерней прохладе едем верхом. Лошадей нам «напрокат» дали жители аула, расположенного у подножия горы. Но верхом ехать нам с непривычки неудобно, также, как и им везти нас. Поэтому мы сходим с лошадей и берем их под уздцы.

Сумерки сгущаются, когда мы приближаемся к годекану.

– Салам алейкум!

– Ва алейкум салам! Добро пожаловать!

Если на годекане людей больше, чем пальцы на одной руке, по горскому обычаю не принято здороваться с каждым за руку. И мы следуем этому этикету: занимаем места по левую сторону годекана, рядом с молодежью, которая молча внимает неторопливой беседе седобородых старцев.

– Вот ты, Алмагомед, – старец, сидевший скрестив руки на посохе, обращается к своему соседу, – очень хорошо изучил повадки зверей. Это видно по твоему рассказу, только что поведенному нам. А что ты знаешь о пчелах?

– Пчелы – одни из самых трудолюбивых насекомых, – говорит Алмагомед.

– Это верно. Но я имею в виду повадки пчел.

– Это по твоей части.

– Тоже верно. Я всю жизнь занимаюсь пчеловодством. Пчелы, как и люди, наделены индивидуальными повадками и характерами. Так вот, слушайте.

Чуть помедлив, предавшись размышлениям, старик начал свой рассказ.

– На Кавказе, насколько мне известно, водятся пчелы семи пород. Наш Кавказ – их аборигенное обиталище. Это их Родина. Тут они хозяева. Мои пчелы тоже кавказской породы и вторжение чужих пчел на свои земли они не переносят. Нет-нет, они не идут «войной» на непрошенных гостей, просто запугивают и отбирают у них мед.

Старик сделал паузу. Затем:

– Слушайте дальше, – продолжил он. – Несколько лет назад в двух километрах от моей пасеки пристроился «чужой» пчеловод. Мои пчелы незамедлительно устремились к этой пасеке, а не к медоносным цветкам. И тут произошло самое удивительное. В моих ульях соты стали быстрее заполняться, а его улья – опустошаться.

Этот парадокс мы оба исследовали и пришли к следующему выводу: мои пчелы, скажем, ставят свои дозоры у каждого летка пасеки соседа. Пускают в его улья только своих рабочих пчел, и они забирают мед. При этом ими опустошаются не все соты. Нетронуту остается столько, сколько требуется им на пропитание.

Когда заканчивается обход всех ульев, все начинается снова. И так – каждый день.

Моему коллеге-пчеловоду ничего не оставалось, кроме как спешно покинуть наши края.

– Неужели он так и уехал с пустой тарой? – спросили у него.

– Конечно же, нет! – ответил старик. – Я поделился с ним нашим общим медом. Но этот случай для него стал настоящим уроком. Родина его пчел – другая. Его пчелы – там хозяева. А здесь хозяева – наши пчелы.

Немного поразмыслив, добавил:

– Если, скажем, у меня один улей, а у него пять. И в том случае тоже его пчелы не справились бы с моими. Чужая земля не прибавляет им силы в то время, когда местные питаются благодатными соками этой земли.

– Значит, наши пчелы переняли характер у нас – горцев?

– Выходит, так, – ответил старик. – Мы тоже в Средней Азии и Казахстане походили на птиц с подбитыми крыльями. Поэтому вернулись сюда, в теснины наших гор. Здесь наши корни. Здесь и родовые кладбища. Здесь мы вновь обрели крылья. Какой бы тяжелой ни была жизнь в горах, нам здесь легко дышится и легко живется. И наши пчелы тоже не смогли бы адаптироваться на чужбине. Поэтому мы, пчеловоды, никуда не выезжаем со своими пасеками. Ведь наша Родина – вот эти наши горы. Не правда ли, нам всем здесь хорошо? – закончил старик свой рассказ.

...Звездная ночь. Горцы потихоньку начинают расходиться по домам.

Вежливо поблагодарив их за приглашения заночевать у них, мы с Мовлди, взяв под уздцы своих лошадей, побрели дальше, в глубь гор. А там, на одной из лесных опушек, вскоре появится шалашик из зеленых веток. И загорится в ночи костер, который будет всю ночь облизываться огненным языком, завидуя нам тайком...

Возмездие

Быль

Я не был причастен к этой трагедии.

Поздно вечером возвращался домой и ненароком стал одним из свидетелей.

У моего дома на высоких тонах разговаривали двое. Пройти мимо мне

не позволила совесть. Вмешался. Тут, к моему счастью, подошел и сосед мой. В этот момент один разъяренный из ссорившихся ударил ножом своего соперника. Тот упал ничком мертвый.

Молодой человек с ножом хотел было убежать с места происшествия. Но мы схватили его.

Стали выяснять причину ссоры. Выяснилось следующее. Оказалось, что убитый обесчестил его младшую сестру. Посадил в свое такси, когда та попросила его отвезти домой.

В карманах мертвого обнаружили паспорт. Узнали его домашний адрес и труп отвезли домой.

Вышел навстречу старенький отец. Мы, как и полагается, сделали дуа¹.

– Это я его убил вашего сына, отец, – сказал виновный. – Хотите, убейте меня.

– За что? – сдержанно спросил он.

– Он обесчестил мою сестру. Она и назвала мне номер такси. Полдня я его искал. Нашел. Но он не покаялся. Когда я, идя на попятную, предложил ему жениться на ней, он злобно усмехнулся: «Таких у меня навалом». Вот эти двое свидетели. Это они привезли меня сюда к вам. Я в ваших руках.

– Покажите мне труп сына, – попросил отец.

Он тщательно осмотрел ножевую рану и сказал:

– Точный удар. Значит, не мучился и не корчился от боли. Спасибо. Я знал, что он рано или поздно так закончит свою жизнь. Теперь, прошу, заходите. Отведаем то, что Аллах нам послал. Вы – мои гости. А тезет² устроим чуть позже.

Мы, разумеется, вежливо отказались. А вот на похоронах были до конца. Отец как зеницу ока оберегал виновного: а вдруг кто-то...

На третий день поминок он подошел ко мне и сказал:

– Вас ждет машина. Уезжайте. Поминки заканчиваем.

Нам ничего не оставалось кроме как повиноваться. И еще отблагодарить его за терпение и мужество, за доброту и человечность, проявленные им в эти скорбные для него и его семьи, близких и родственников дни и ночи.

Недавно я посетил его. Он сказал:

– Я же ездил к родителям той девушки. Извинился. Очень порядочные люди. Вот только саму девушку не видел. Впрочем, зачем?

И в этом его поступке я узрел нравственную чистоту и благородство. Хотя его горе несоизмеримо ни с чем...

Рассказ старца

(чеченское предание, перевод с чеченского)

Они шли единой толпой. И стар и млад. И женщины, и калеки.

Солнце было в зените и пекло очень сильно. И один седобородый старец решил немножко передохнуть у родника, заодно утолить жажду и освежить лицо.

Вся толпа двинулась за ним: не оставлять же немощного старика на полпути.

Потом, когда старик удобнее устроился в теничке, его окружили молодые люди. Попросили его:

– Ты прожил долгую жизнь. Видел, испытал, услышал немало. Твоя жизнь – сама чистота, доброта и доблесть. Что бы ты мог посоветовать нам,

молодым, чтобы и мы так же честно прошли свой путь в этом мире?

Старик ответил:

– Жизнь – лишь одно мгновение. Я недолго прожил на свете. Как сошел с колыбели и ступил на эту землю, успел только посох взять в свои руки. Если вы так просите, то скажу вам кое-что.

И, усевшись удобнее, начал свой рассказ.

– В своей жизни я понял лишь одно: я мухаджир³. И каждый день с восходом солнца шагаю по пути, ведущему в преисподнюю.

Я понял: обходительность без мужества – пустое дело, вынуждающее нас заискивать перед другими к месту и не к месту.

В человеческой натуре три животных: собака, скотина и осел. Собака – это ваш язык. Посадите ее на железную цепь. Скотина – это ваш живот, держите ее в стойле. Осел – ваша развязность, заарканьте его. Будьте господами душ своих, а свои тела делайте рабами их.

Вынесите своим поступкам приговор сами, пока не осудили другие, потому что приговор, вынесенный другими, вечно будет проклятьем витать над вами, а собственный приговор спасет вас от чужих наветов.

В первую очередь стыдитесь Аллаха, сотворившего вас, и бойтесь Его, памятуя, что именно Он покарает вас в Судный день за ваши грехи.

Дочь ни на одну ночь не оставляйте в холоде и голоде. Из нее потом получится плохая жена и плохая мать.

Не считайте себя одинокими, если рядом не окажутся друзья и товарищи. Знайте, вас всегда оберегает наш Всевышний Аллах. Знайте, раб, не стремящийся выйти из рабства, заслуживает двойного рабства.

Этими словами старец закончил свои нравоучения.

¹ Дуа – молитва-просьба.

² Тезет – похороны.

³ Мухаджиры – мусульмане, которые ради спасения своей веры переселяются в другие страны.

Валид Докаев**Я просто по-другому не умею**

Я пел о горе, думали – о счастье...
 Я пел о счастье – думали, что я,
 Безумием разорванный на части,
 Пытаюсь в песне обрести себя...

Я – только ветер. Для чего он веет?
 Что ищет он, взлетая к небесам? –
 Он просто по-другому не умеет,
 Он счастлив тем, что нужен облакам!

Я – только птица, я целую небо,
 Закрыв глаза и обнимая высь.
 Я так любить уже не смог нигде бы:
 Лишь небо птице возвращает жизнь...

Я пел о горе, думали – болею,
 Я пел о счастье, думали – мечты.
 Я просто по-другому не умею...
 Как осень, обагрившая листья...

Кого винить в разбитой вазе Счастья?
 Неопытные руки и хрусталь?
 Ей не хватило нежности и ласки,
 И холод разрубил ее, как сталь...

Забытое тобой эхо

Твой голос ласковый...
 Он все еще звучит
 Внутри меня
 Твоим забытым эхом!

Таинственной мелодией пленит,
 Тревожит негой сладостного смеха...

Твоя улыбка скрыла небосвод...
 Уходит в небо тайная улыбка.
 Я все еще надеюсь – ангел ждет...
 Иначе крылья – это лишь ошибка!

Спрячу тебя

Свет улыбки спрячу я в листве.
 Скрою нежность губ
 в дрожанье розы.
 И упрячу кудри в синеве –
 Золото твоей слепой угрозы!

Нежный стан укрою в кипарис.
 Птицы рук пусть спрячутся в березах.
 Только взор не опускай свой вниз –
 Я хочу в глазах увидеть звезды...

Только это нежное лицо
 Смотрит на меня невыносимо!
 В сердце грустном прячу я кольцо,
 Губы шепчут: стань моей любимой!

Былого счастья краски

Ищу былого счастья краски
 На тонких нитях Бытия.
 Срывая ваши полумаски
 Железным обручем копыя.

Небрежный тон прикосновенья
 Не выдает движенье чувств,
 В глазах из родников волненья
 Теплится таинство и грузь.

На экране глаз

Я рисую свои картины
 На экране закрытых глаз.
 И стирая их каждый раз,
 Оставляю одни пустыни.

На стекающих жидких красках
 Я высматриваю тебя.
 Скоро сон меня бросит в сказку,
 Где танцуем лишь ты и я.

Я построил ковчег

Я построил ковчег в своем
сердце разбитом,
В опрокинутом бурею древе любви.
Я читаю народу поруганный свиток,
Собирая мечтанья твои и мои.

Дерево судьбы

Мечты ли серебрятся на висках
Иль годы шли то в радость,
то в слезах?
Но с дерева судьбы считая листья,
Не сожалей о прожитых годах...

Вселенский недуг

Вселенским поражен недугом
Род человеческий – в сердце червь.
Они не веруют друг в друга –
Натянутый струною нерв.

И вижу в каждом – след уродства –
И в храбрости, и в красоте,
Отчаянное сумасбродство
С невежеством на высоте.

Нам лишь с самим собой бороться,
А не друг с другом... Ведь и он –
Изобличающий в уродстве –
Недугом тяжким сам сражен.

Тебе обязан я своим побегом!
Мне не было причины убежать
Из сердца, запорошенного снегом!
Когда б не ты – рожденная мечтать!

Ты обнажила Вечность

На листьях-клавишах
пишу тебе письмо:
Я возвращаюсь с дальних лет домой.
Мне было больно
без тебя в Пространстве.
И Прошлое оставило клеймо
В разбитом сердце,
как разметки странствий.

Я так мечтал,
что мы пойдем вдвоем...
Но я один...

Лишь с памятью признаний
Мне жить с моей мечтою тайной!

Я скоро перестану докучать.
Мне просто нужно было рассказать
Тебе, мой ангел, что любовь
безбрежна.

Ну и, конечно, слышать голос твой,
Влекущий негой и слепой надеждой!
И ничего, что ищешь ты покой:
Ты слишком рано обнажила плечи
Под плеть судьбы! –
Ты обнажила Вечность!

На листьях-клавишах
пишу тебе письмо...
Так прошлое оставило клеймо...

Просто жить

Для чего я покинул дом?
Для чего я забросил звезды?
Для чего мы на свете живем?
Я уже не хочу жить Просто...

Постелю я поля наших Вздохов,
От которых цветы алеют.
Отчего... отчего мне так плохо?!
Почему я как все – не умею?!

Однажды солнце не вернется
с неба синего,
Однажды тучи напрочь улетят...
Зачем холодным создано красивое
Иль нежностью
пресыщен этот взгляд?!

Иль слишком много получив тепла,
Сгорело сердце нежное дотла?!

Твои слова – лишь тень огня

Как не упали небеса,
Как облака не растворились?
Она, не глядя мне в глаза,
Сказала тихо: «Разлюбилось...»

Все хорошо, я знаю тайну –
Куда ушло вино любви.
Так знай, что ангел не случайно
Мне подарил глаза твои...

Твои слова – лишь тень огня...
Отдай их нищим на дороге!
Ты никогда из-за меня
Уже не будешь одинокой...

Как не упали небеса...
Как облака не растворились?
Она, не глядя мне в глаза,
Сказала тихо: «Разлюбилось...»

Слепая красота

Сколько боли от этой слепой красоты!
Кто придумал поля
разукрасить в цветы?!
Кто придумал тебя
наделить совершенством?
Кто решил за меня,
что нужна только ты?..

Как вы похожи друг на друга!
Я в вас теряюсь вновь и вновь.
Три женщины – одна супруга:
И боль, и глупость, и любовь.

Невыносимая жестокость...
Зачем я встретился с тобой?!
Включив молчанье на всю громкость,
В меня стреляют тишиной.
Невыносимая жестокость!

На что сменял я безмятежность?! –
На бабочку твоей любви!
Лишь краткий миг порхала нежность
Твоей улыбки и ресниц...
На что сменял я безмятежность...

Затем, как куколка, свернувшись,
Ушла в себя на долгий срок
И, гусеницей вновь вернувшись,
Крошила сердце, как листок.
Я не нашел тебя, проснувшись...

Порхать, смеяться, вырвать сердце –
Согласен. Только не молчи.
Куда мне от молчанья деться?!
Века ждут впереди в Ночи...
Порхай и смейся, вырви сердце!

«В том не любовь,
кто буйством не томим.
В том – хворостинок отсырелый дым.
Любовь – костер.
Пылающий, бессонный.
Влюбленный ранен, он неисцелим».

Когда же снег? Медаль за снежность
Получит каждый по щеке...
Не пережить такую нежность
Моей снежинке на руке.

Рисую время... Это только время:
Песчинка за песчинкой на ладонь.
В объятьях времени так исчезала
Троя...
Так солнце превращается в огонь...

Саламбек Алиев

Наш постоянный автор

Помню свою первую встречу с ним. В дверь постучали, затем заглянула седая голова и следом:

– Я зайду?

Не успел я сказать «да», как он вошел. Шаркающая походка, резкие и быстрые движения, такой же взгляд – блуждающий, живой и вместе с тем какой-то отстраненный. В руках газеты, кипа газет – «Молодежная смена», что-то еще. Кладет газетную пачку на соседний стол, отделяет три газеты и протягивает мне:

– Там я... я... стихи мои...

И, тут же поворачиваясь ко мне спиной, начинает перебирать журналы «Вайнах», лежащие стопками на столике напротив. Берет несколько журналов – разные номера, оборачивается и, как будто только сейчас впервые увидел меня, долго и задумчиво разглядывая, спрашивает:

– А Сулиман? Где Сулиман? Мусаев Сулиман где? (Сулиман Мусаев – редактор отдела прозы в отпуску, а я его замещаю).

Объясняю – так и так.

– Ааа... хорошо...

Откуда и как у него в руках появилась тетрадь – синяя, обыкновенная ученическая тетрадь – я так и не понял.

– Тут мой рассказ... смеяться будешь... смеяться... Пусти в следующий номер... в следующий номер... хорошо? – и вслед за тетрадью протянув мне руку на прощание, взяв со стола газеты и журналы и все той же семенящей походкой, вразвалочку, сутулясь, напоминая всем своим обликом странного человека – полуинтеллигента, полублатного – вышел из кабинета.

И только раскрыв тетрадь, я понял, с кем только что имел честь разговаривать: на первой странице в левом углу красивым почерком были выведены имя и фамилия автора – Ахмет Денисултанов. И тут я вспомнил всего его – Денисултанова – как давным-давно, со времен республиканских газет «Комсомольское племя», «Импульс», «Грозненский рабочий», «Чеченское общество»... зачитывался его афоризмами. И позже, уже в наши дни, афоризмы Денисултанова не сходили со страниц республиканских газет и журналов, а в последние несколько лет, написанные в той же легкой, афористичной манере, рассказы и стихи.

...В синенькой ученической тетради был рассказ под названием «Моська». С первых же слов рассказа в глаза бросилась денисултановская манера изложения – тонкие наблюдения, искрометный юмор, аллюзии, более чем удачные сравнения и всякие другие образные средства и приемы. Любое предложение, абсолютно любое, можно было вырвать из контекста и выдать за отдельный афоризм. Хоть с первого предложения начни. «Господа, в этом большом материальном мире всегда найдется маленький красный уголок, с тюлем на окнах и обоями, вышедшими не только из моды, но из жизни вообще».

«Свой я в доску и паркет, прост, как правда жизни, которую я прожил среди бумаг, чернил и гусиных перьев. Господи, сколько гусей я загубил, а ведь они Рим когда-то спасли!»

«Вы не Байрон, вы из другой филармонии, паяц, с турецким барабаном за спиной. Вы и не эксклюзив, а недоделанный экстремал, над которым матушка Тереза природа будет корпеть, сопеть и не надеяться на позитив».

«Не знаю... как вы, а я на все сто, да нет, не грамм, процентов, уверен, что это чистая, неразбавленная правда, в первой и последней инстанции. ...Вы не поверите, но стилистические деликатесы моих божественных новелл, которые я вылакаю, как чебуреки в базарный день, многого стоят – аж цельный трояк за экземпляр. А мои суперповести ценят все, кому не лень, и понимают, как я расщепляю атомы мыслей, слов и шрифта. Моих героев нельзя не любить: они вечно трещат, как китайские канарейки, и постоянно интригуют, делая все, чтобы нагадить под забором ближнему, а то и вовсе молчат, как сом в речном иле».

И так до самого конца рассказа. Но было одно «но» – весь рассказ был написан сплошным текстом, т.е. не разбиты диалоги героев, и потому трудно было понять, кому из героев какие слова принадлежат. Это заставило меня отложить тетрадь до следующего появления автора, чтобы предъявить к нему по этой части претензии.

История повторилась один к одному: стук, разрешение войти и тут же без разрешения заходит, газеты «Молодежная смена», три номера для меня, перебирание номеров «Вайнаха» и даже вопрос – а где Сулиман Мусаев? И во всех действиях и словах сквозила какая-то доселе или давно как ни за кем невиданная искренность, не наигранность, детскость...

– Ахмад, в рассказе надо обособить диалоги, непонятно, где прямая речь, где слова автора, надо расставить пунктуационные знаки, – протягиваю ему ту самую тетрадку.

Сначала в глазах его я прочитал недоумение, затем удивление, переросшее в возмущение.

Вскинув вверх брови, заговорил скороговоркой:

– Слушай ты... ты... а ты зачем сюда посажен, как не для этой работы...

В этих «злых» словах не было нисколько злобы и сказанное было настолько справедливо, что я рассмеялся и взял тетрадь обратно.

Рассказ «Моська» пошел в четвертый номер.

Однажды после выхода этого номера ко мне зашел мой студенческий товарищ. Перед уходом я вручил тот самый свежий номер. Вечером он мне звонит, спрашивает:

– Слушай, какой замечательный рассказ! А кто это – Денисултанов?

И я, не без гордости:

– Наш постоянный автор!

В следующий раз Ахмет пришел с новым рассказом. «Милашка» назывался. Все та же палитра образных красок и юмор, юмор, юмор. В этот раз мы с ним заговорили о литературе – о французской поэзии, о Венедикте Ерофееве и о его романе «Москва-Петушки»... И перед тем как выйти, по поводу «Милашки»:

– Рассказ смешной... смешной... правда чистая... все так и было... в следующий номер, хорошо? – и так же, как в первый раз, не дожидаясь моего ответа, быстро протянув руку на прощание, удерживая под мышкой газеты и журналы, вышел. Чуть позже, когда я сам вышел из кабинета, Ахмет стоял в коридоре, на том самом месте, где слева кабины лифта, справа лестничный пролет. Обернулся. Встретились глазами. Он кивнул. Я тоже. В его глазах тоска, безысходность, неприкаянность... Завернул направо. Исчез. Навсегда. Дала геч дойла цунна!

Ахмет Денисултанов**Из цикла рассказов
«Бригада № 6»**

Конечно, мы стали выше классом и стали лучше выглядеть внешне, мы теперь другие, новые неандертальцы в галстуках и модных туфлях, с лоском и зычным командным баритоном, лишённые каких бы ни было комплексов, кроме одного – неуважения и презрения к ближнему, который споткнулся о ступени судьбы и временно, а то и навсегда упал. Все правильно, миром правит не только парадоксальность относительного, но и шахматная бутафория черных и белых клеток, поэтому, как знать, чья нынче очередь быть в немилости у проведения. Может, вы?

(из рассказа «И шаги оставляют тени»)

Казалось бы, кому интересен опустившийся человек, который всем своим видом вызывает негодование, а порой, у особо чувствительных, и чувство омерзения? А кто-нибудь читал их души, кто-нибудь заглядывал в их глаза, чтобы увидеть там скрытое, а то и сокровенное, а значит, памятное и дорогое только ему? [...] Ну вот, что с ним, бедолагой, делать прикажете? Растоптать поздно, распять глупо, они и так себя наказали. Спасать нужно человечество, господа, а вместе с ним их, его пасынков несчастных и обездоленных, хотя сами они свой образ жизни называют внутренней свободой. Какая же это, к черту, свобода, если все считают тебя тунейдцем, пьяницей и попрошайкой? Социологи мои дорогие, к ним нужно идти навстречу, попытаться спасти этот разум, который уже не похож на наш, дать им вернуться в лоно обители, которая вскармливает его своими пороками, а потом безжалостно топчет и выбрасывает на свалку и прочие помойки жизни. Нужно видеть их, слушать и изучать и делать выводы, чтобы дать не только судебно-медицинское освидетельствование, но и социальный статус, ну точно, как в Красной книге. Вы, конечно, сытый, довольный и чистый, туда не пойдете, вам там станет противно и боязно, а мы к ним идем, потому что лично у вас душа не такая уж белая. Если человек отказывает страждущему, то это нехорошо, не по-божески, и тем более не по системе Станиславского или Макаренко, царство им небесное. Ну, а коли что не так, не сердчайте, на Высшем суде сочтемся...

(из рассказа «И шаги оставляют тени»)

...тут не знаешь, как три шага сделать, а им на Эверест. Глупые все-таки эти обыватели, ведь человека нужно по частям рассматривать, а не сразу и со всех сторон.

(из рассказа «Диалоги с Бахусом»)

Где отсутствует самооценка, там способы самореализации теряют свой размеренный вектор, и человек без устойчивой внутренней конституции сначала лишает себя обязанностей перед моралью, а потом и прав быть в среде, которая худо-бедно их придерживается в силу внутренних установок, которые они считают правильными и выверенными временем. А что делать с теми, которые по ту сторону баррикад, с теми, для которых цель жизни – в отсутствии целей? А что с ними сделается в театре жизни, как массовка и фон, который дает контраст между хорошо и плохо, можно и нельзя?! Раз общество рождает это воинство без определенных обязанностей перед ним, значит, это обстоятельство следует принимать не как следствие, а как причину этого явления.

(из рассказа «Если пробка создает перекресток в жизни, значит, она винная»)

Они не любят прохожих, потому что их много...

(из рассказа «Если пробка создает перекресток в жизни, значит, она винная»)

...мир круглый, а люди, населяющие его, квадратные, как колесо жизни.

(из рассказа «Если пробка создает перекресток в жизни, значит, она винная»)

...устами детей, как правило, глаголет отредактированная истина.

(из рассказа «Консенсус на троих»)

– Жизнь, господа, только начинается, не правда ли философ? – Адам окинул полным достоинства взглядом окисшие плечи Исы.

Тот, втянув голову, молчал и думал о своем, и мысли его были где-то в созвездии Андромеды. Слова Адама до него вроде бы дошли, как руководство к действию, и он, посмотрев и улыбнувшись куда-то в глубину бесконечности, слабо кивнул: мол, жираф большой, ему видней.

– То-то и оно, – подвел Адам итог и голосом тамады объявил, что на сегодня гала-концерт закончен и зрители через черный выход могут расходиться по домам, если, конечно, они есть. Дома были у всех, и бригада тяжело начала, шатаясь, подниматься.

Все галдели, как сороки, не слыша друг друга. Один Иса молчал, ему не о чем было думать, а говорить тем более. Он уже мысленно был в завтрашнем дне с его ярким утром и обещающими надеждами. Он вспомнил заповедные слова и произнес тихо и с пафосом:

– И будет утро, и будет день! Дай-то Бог, дай-то Бог...

(из рассказа «Консенсус на троих»)

XX-чу бiешарийн нохчийн литература**Юсупов Ибраһим**
(1958–1982)

Родился 10 ноября 1958 г. в Павлодарской области Казахской ССР в семье депортированных чеченцев родом из села Хаттунн Веденского района Чечено-Ингушской АССР. Писать стихи начал с 14 лет. После армии готовился поступать в Литинститут им. Горького в Москве, где в мае 1982 г. успешно прошел творческий конкурс, а в августе должен был сдавать вступительные экзамены. Но 27 июля 1982 г. жизнь Ибрагима Юсупова трагически оборвалась.

Нене

Корталица хьайн букв тIе дIавоьхкий,
Нана, ахь со лелавора гехь.
Нана, и сан дечган ага техкош,
Соь наб ййта, наб ца йора ахь.

Хьо-м таханаь юьжущ яц хьайн хенахь,
Сагатдо ахь. Йо ахь ойланаш.
Реза яц хьо хиларна со генахь,
Хьело бохуш новкъахь кехаташ.

Суйре еьча, цу вайн корах цIийнан
Детгаш хьочо шен баьццара га,
ТIам кагбелла хьоза санна, тийна,
Соне хойй, хьо гIайгIане Ia...

Хьан цIаро бен ца бохби сан когаш,
Нана, ахь латий сан дагчохь цIе.
Ас сайн хIара салтичун погонаш
Хьоь наб ййта тегна белшаш тIе.

ХитIара йогIу хьо -
ду суна и казахетар.
Ведарш чохь ирс ду хьан -
хи дац ахь дахьаш дерг цIехьа.
Хьомениг, цу ирсах дуйзна хьайн
и кIайн ши ведар
Сан дагчу ца дуттуш,
эрна дIа ма Iанадехьа...

Ткъесан лазар сих сан кхетта,
Нана, хьоьх со гIийла хьоьгу.
Iаьржа кьинош дагах летта,
Йоьза стигал кийра оьгуш.

КIомарш санна, мархийн кховра
Деган чевнна тIе лацало.
Сиха йоьду денон ковра,
Хьо кьезлуш соь ма ла ца ло.

Ас хьан дика лардо, нана,
Дуьхьал тIом беш кьизаллина.
Ахь доIанна лаяцна кана
Сан кхолламан сизах ийна.

Синпхенех сан шерша-шеддаш
Сингаттамо хьерчош кьиза,
Нагахь со лахь хьаьдда-ведда,
Хьан дезар ду цхьалха йиса.

Кьора йолош зевне байташ,
Мекха долахь иллийн догIа,
Айхьа суна гечдар гайта
КоштIе сийна зезаг догIа.

Кхочуш ца ди
Суна дела дош ахь:
Хьо ца еа.
Можа бошхап беттан
Атадели,
Стиглара чудоьжна.
Атадели,
КIайнчу тIулгах кхетта...

Дерриг дици...
Кхийдац со кхин ирсан цIаре.
Суо Iаш ву со,
кху тийналлех буьзна бIаьрг.
Хетте а, со-м ву сатуьйсуш
цхьа йоI гаре,
Ца хууш ерг сан дахаран
цхьа а хьаьрк.

Цуьнан дуьхьа сайн
 г'уллакхаш д'а а тесна,
 Со шайх хьегна дерриг
 хьашташ довлуш сов,
 Цунна коч ян тоьлла дари,
 махмар эцна,
 Кхочур вара и Iаш йолчу юьрта со.

Цунна т'аьхьа, гезьеш луьста,
 акха хьаннаш,
 Г'ур вара со,
 дорцехь техкош ага син...
 ...Хир вара со тоьаш,
 тера хилчахьанна
 Ас цк'а мацах бехках
 лар ца йинчух и...

Дика а, вон а сан кхин хьоьца дац.
 Ца оьшу г'ерта со т'ех'итто дуйнна.
 Д'аяхна марзонаш схьайог'ур яц.
 Суна хьо йиц'елла луьйранна дуьйнна.

Хила а там бу-кха хьо – бакъ, со – харц.
 Делахь а, безаман хи лек'на даьлла.
 Мажбелла шовданна уллера арц.
 Хьо суна х'инцале йиц'елла яьлла.

Ма г'ерта, п'елгаш а сеттадеш хьайн,
 Сан дагахьбалламан
 м'аьргонаш хьаста.
 Мархаша д'алеци беттаса к'айн.
 Тахханехь сацам би ас хьоьх д'ак'аста.

Дицди ас хьо сайна евзина шо,
 Кхолламо сайн даг т'е хьаьрсича туьха.
 Балха т'ехь, п'хьоьханехь ма леа со.
 Хьо суна йиц'елла... хьо галлац юха.

Сан иллеш,
 даим а Нохчийчохь диссалаш,
 Махкана тешаме олхазарш хилий.
 Оьздачу жагташна юк'ьера кхиссалаш
 К'юмана петоха мел г'ерта илли.

Т'хамда веш ловзаран я да веш тезетан,
 Ца хаьб мел вуьтур кхиэло Ибрах'им.
 Цундела диц ма де
 дешнаш сан весетан:
 «Сан иллеш,
 Нохчийчохь диссалаш даим».

Сайн нене

Хебарша юьхь-сибат оху хьан, нана,
 Шераша месаш йо хьан т'етт'а сир.
 Сиркхонийн халбата хьо хиьчахьана,
 Хаьдда сан к'юначу синтеман тхир.

Комаьрша догучу хьан дагна гонах
 Дикалло яьккхина шен дашо тир.
 Ас дагахь Iамийна хьан амат к'юна,
 К'ызачу хене и ца дайта шир.

Сан нана, мел жима яр-кха хьо х'етахь.
 Ма сиха д'аели и мерза хан!
 Х'инца-м хьо хеназа алсам Iа меттахь,
 Хорам беш йогучу ойланна сан.

Халла бен ца йолу уча я ара,
 Шеконца хьайн дег'ле ладоьг'уш Iа.
 Ас х'ун дан дезар-те хьо яцахьара?
 Х'ун дийр ду-техьа ас хьо йодахь д'а?

Хьо лаза хьакхийча, ас бала лов-кха,
 Гу санна, лахло-кха сан хьаштийн лам...
 Хьоьл хьалха вер ву со
 т'аьххьарчу новк'а,
 Хьоьл т'аьхьа дуьненах ца баккха чам.

Седарчийн буьйсано биллинчу б'аьрго
 Тийналлин Iиндаг'на ца бетта пе.
 Сайн дагалецамехь ас лобху м'аьрго
 Дуьххьара ялийнарг хьо сайна т'е.

Мархаш а к'ад ца ло беттаса к'ийса,
 Х'авао шайна т'ехь мел буг'у бохь.
 Хьан вастан б'арлаг'а тховса а хьийза
 Мохтиле ца карош сан б'аьргаш чохь.

Буц а ю, зезагий оьхкина коча,
 Баьцарчу юьхьт'ера
 д'ахьоькхуш тхиш.
 Бохь-генаш уьйт'арчу хьаьрсачу хьочан
 Лобкхуш Iа сан дагна
 хьоьх лаьцна йиш.

Iаламан аьзнаша буьйсанан карахь
 Хьо дагатийсарна кула ца йо.
 Сан ч'ог'а садук'бло г'айг'анан марахь,
 Ойланийн куьг кочехь ца хилча хьо.

Баттана юххера седарчийн хорха
 Маццалцца хир ю-те
 сан б'аьргийн стом?
 Эхарта йобдуш сайн оьмаран йорг'а,
 Дин хийца йиш йоцу бере ву со-м...

Дебют**Исмаил Хабаев**

Исмаил Хабаев впервые публикуется в журнале «Вайнах», однако его имя широко известно в литературных кругах Чеченской Республики. Молодой поэт, эссеист родился в 1987 году. В 2011 году окончил филологический факультет Чеченского государственного университета. Еще в студенческие годы стихотворные подборки Хабаева начали публиковаться в журналах и газетах нашей республики, а также в коллективных сборниках молодых авторов. С момента первых публикаций заявил о себе как о талантливом поэте с глубоким проникновением в слово, философским раскрытием темы и безграничной любовью к чеченскому языку и истории.

Исмаил Хабаев работает на телерадиокомпании «Даймохк» в отделе передач на чеченском языке.

В этом номере журнала мы представляем стихотворение в прозе в переводе на русский язык и два стихотворения на чеченском языке.

Слово о языке

Стихотворение в прозе

Бывают вещи, которые достаются нам в наследство от отца или отцов до седьмого колена, которые мы бережно и с любовью храним: это может быть или кинжал, или четки, или памятный перстень. Вот так же от седьмого, восьмого, девятого отца нашего, в залог счастья, досталось нам благо – чеченский язык. Дороже языка не может быть ни шашка, ни кинжал, ни перстень, ни что-либо другое. И даже башни, стоящие крепко, сами себе удивляющиеся, через столетия выстоявшие, воздвигнутые на спинах и хребтах гор и ущелий. Дороже всего язык, обо всем этом рассказывающий. Языком узнаешь о них, языком узнаешь себя, языком узнаешь людей...

Нация приходит в упадок, когда теряет связь со своими корнями, утратив главную свою национальную черту. Чеченский язык – это для тебя душа, это костный мозг, с незапамятных времен удерживавший наш народ как нацию на шее этой Земли. Чеченский язык – это для тебя скрижали, рассказывающие о прошлом твоего народа, о настоящем и будущем, свидетельствующие о том, что ты чеченец.

Чеченский язык – это для тебя дыхание, что исходило от твоих предков! Это имя твое, что они с каждым словом, с упованием и большой надеждой твердили потомкам!

Чеченский язык – это мост для тебя, что от предков через благодать любимых Богом людей донесли до тебя истинную веру!

Чеченский язык – это для тебя слово, что в жизни земной впервые ты услышал с уст матери, ласкавшей тебя, учившей тебя добру и остерегавшей от зла! Чеченский язык – это тебе и покой, и примирение, и мир!

Чеченский язык – это для тебя законы вежливости и обходительности, заставляющие тебя до самой смерти быть причастным к людскому горю и счастьем, делающие тебя одним из них!

Чеченский язык – это свидетельство о тебе, соболезнование, что в день кончины твоей на похоронах люди будут приносить твоим близким!

Чеченский язык – это вина твоя и проклятие потомков, если предаешь его

забвению! Чеченский язык – это честь твоя, оберегающая тебя, если бережешь ее, и приводящая к позору, если оставишь ее без защиты!

Чеченский язык – это мольба-завещание, оставленное тебе твоими предками.

И каждое слово чеченского языка рассчитывает на тебя с надеждой!

В памяти народной молва о Мохмаде, сыне Махмуда, ученом-богослове из селения Ширди-Мохк, стоит особняком. Дело кровной мести затянулось на годы и не предвещало примирения. «Просим тебя, Мохмад, посодействовать нам, не разрешается никак это дело миром», – обратились к нему люди с просьбой. Когда они во главе с Мохмадом предстали перед потерпевшей стороной: «Ты пришел к нам замолвить слово, чтобы мы простили свою кровь?» – спросил человек с той стороны и плюнул в лицо Мохмада. Стерпев эту выходку, не произнося ни одного лишнего слова, лишь только вытерев плевков со своего лица, сказал Мохмад: «Плюйтесь. Плюйтесь, сколько вам угодно. Сегодня вы располагаете возможностью на то, а нам ничего другого не остается, как смиренно вытирать с лица ваши плевки», – завершил свою речь Мохмад, сын Махмуда. И только после этого всеобщая людская волна осуждения заставила примириться непримиримых. Это и есть чеченский язык, словом своим способный растопить даже самое затвердевшее сердце.

Беден тот, кто разорвал узы с родным языком, кто ослабил свою связь с ним! Ни порицание в свой адрес на родном языке, ни похвалы такой человек не способен понять. Общась с такими людьми, тебе кажется, что сам ты становишься немым, или, что тот, к кому ты обращаешься, – глухим.

На чеченском языке чеченцы всегда разговаривали и будут говорить в будущем. Чеченцы, что от плоти и крови чеченцы!.. По воле Аллаха!

Перевод с чеченского Саламбека АЛИЕВА

Дуьненчу вала везачуьнга

Догланан т1адам лаятта т1е кхаччалц бен т1адам цахилар,
 Айхьа йина ч1аг1о ца йохо а ч1аг1о ян езаш хилар,
 Стаг хийцалуш цахилар – стаг гучуволуш хилар,
 Цецвала х1умма а цадисар бен цецвала х1ума цахилар,
 Хан лееш х1илла цахилар,
 Дог ца дог1уш вела дезар – да-нана д1адаьлча велхарал хала хилар,
 Наха вистхуьлуш тергалвеш воцург – вистхуьлуш ца хилар,
 Унах ларвала ун довза дезаш хилар,
 Сингаттам – и хьуна сингаттам хетачул бен сингаттам цахилар,
 Харцоне «хьо харцо ю» ала бакьо цахиларал йоккха харцо цахилар,
 Даим воьлхушверг – воьлхуш цахилар,
 Адамо адам дер – вашас ваша а вийна д1адоладелла хилар,
 Ж1аьле «хьо ж1аьла ду» алар – цунна т1ехтохам цахилар,
 Хьуна гушдерг – хьуна гучул сов хилар,
 Хазалла б1аьрсина бен оьшуш цахилар,
 Рицкьа даим лаамел хьалхадолуш хилар,
 1овдалчу коьргал воккха дег1ан мостаг1 цахилар,
 Хьан багара ара мел долу дош – хьан ц1е хилар,
 Хьо хьоу вехачу заманан теш бен цахилар,
 Кхузткье кхоь т1екхетча а боцчунна т1ера куй баккхалуш цахилар,
 Тур тоьхна я топ тоьхна стаг вийча – тоьпан а, туьран а бехк цахилар,
 Стеган мах уггар лаккхара хадощьберг – стеган 1ожалла хилар,
 Дахар – Дала дохковала елла хан хилар,
 Кьайленаш цьханне а евзаш цахиларца г1араевлла хилар,
 Х1ара кьамел иштта кхид1а а д1адахьа йиш йолуш хилар
 Хуур ду-кх хьуна хьоу дуьненчу ваьлча.

Кхойттанан цIарах

Зандакьойн Iаьлбаг-Хьаьжа тангIалкха тIе вoьдуш

«ТангIалкхо, дегI дерах, сатийсам ма ца боь» бохуш,
йоккхачу тоьпана дуьхьала даьккхинчу туьрца
хьох йолу шеконаш цистинарг ву хьуна вoгIуш,
гой хьуна, маршо..?

Цахууш ма вац и хьo юьсур юйла
лаьтгарчу дахарах цадашар гойтуш,
стигларчу хIаваэьхь шен тIемаш лестош,
аьрзуно хелхарца юх-юха хестош.

«Ма чIогIа са-боьха вина-кх хьo, сан мостагI, виначо.
соьга а, сан цIийнан тIулга тIехь Iуьллучу тIулге а,
хьан луьра цабезам кхоллалуш
ворхIе а ден букьан тIамарехь хилла со.

Цундела сайн хьoьца барт хир бац аьлла,
сайн ненан аганан иллешца барт хилла ву со.
Орцанна марзахой цIераш а йохуш,
кхийкхина несарий гиначу сайн шина бIаьргана
хьo вайча цамага дуй биьна ву со.»

Нохчийчоь, хьан кийрахь дуьненчу мел волу
турпалхо цу дешнийн да хила ма волу!

«ДIаяло,
дIаяла, харцо, сан бIаьргашна хьалхара,
кхин цкьа а хьo ца ган мах бац сан Iожалла.
Зингато гIодаюкь хадарна ца кхерахьара
дIатакхор дара ша баьхнарг бен дуй хIара дуьне...?»

Кьамкьаргахь цу дешнех хиллачу кьурда тIе хьаьккха
урс ирлур ма дара зуламна кечлучу кьуьне.

Наноша мостагIех лечкьочу берийн
Iарждала кхиале кьежделла пхьаьрчоьш
кьинтIера дехи цо, чалтачо муш логах хьарчош:
«Сан тешнабехкана дуьхьаладаккха
доьналла ца хили, аш бехк ма баккха...»

Хаттаран хьаьркаша хьевзина долу шайн баккьаш
хьала а нисдина, яьстира йихкина яккьаш...
Хьан Дала хьайн кьайле цIинийоьла, маршо!
Хьан Дала хьайн гуче хазийоьла, маршо!

Нана, со дIавoьду, дIаваха хIиттина
бахьанаш, делхадеш, тIаьхьа а хIиттийна, бохуш,
сох тховса кьахетар – кьинхетам бац хьуна, бохуш,
Нохчийчоь суна сайн сил дукха ма еза, бохуш,
шен дешнех шен са ца кхьардашверг хиллера вoгIуш...

Лулуев Майрбек**Ирс-кхоччуш**

Дуьзнехь ахь дешийца галеш,
Йобттинехь бухь лекха б1аьвнаш,
Эцала-ц ирс деха кевнаш,
Карада-ц ирс деха кевнаш.

Дуьне мел хьешарх, ког ловзош,
Ойла еш, корта барх хьере.
Когаш к1ел ирс саца-ц, довза,
Цунна бу кхетам а кьера.

Ирс – деза. И долчех хьобгу.
Дуьне, ирс лобхуш, ша хьийза.
Стигла а, и кьаго, йогу...
Кхаь – шуна, некь ирсе бийцахь!..

Ма делахь жоп доцу дехар,
Дош доцу дешнаш а дохуш.
Ирс-кхоччуш, велахь хьо вехаш,
Делан ц1е хьайн сица йохуш...

Бос хаза заза

Сан дагчохь кхийнера бос хаза заза.
Детгалуш дара дог,
Йоцуш цхьа к1адо...
Дог дуьйхи!
Ахь кхачо хили-кха сан са...
Сан хенаш мерза мерз
хьо кхии хадо!...

Иллешкахь юьйцуш яц сан деган ойла,
Стигланан 1аьршашкахь – йозанца яц.
Сийначу цу стигла сан ойла хьойла.
Ц1ен дешил – меха ю, дац иза харц!..

Цундела хьуна со ма хили реза:
Ирс доцчу, суна ца дийзи некь леха.
Деган дуо некьана ца хили беса,
Дала сан даггара кхочуш ди дехар...

Ду иза кьилахь

Эзарнаш шерашкахь, хьобга хьежна,
Сих хаьдда, стиглара чубог1у седа
Хьан кара ша кхача, шена хьо везна...
Муха ткьа х1уттур ву
цунна хьо зиэ дан?!

Иштта и нисделча, кхаь хилла цунах,
Оьшачу новкьа хьо вала ца кхиахь,
Дог эца ца хилахь сих хаьддачуьнан,
Стигланаш чуэггал, ду иза кьилахь!..

Деган ойла

Са хиллал-ц, са ца туьйш,
г1енаш а дайна,
Дуьненан хазаллех хадарна, кхобруш,
Деттало дог. Рицкьа иза ду вайна:
Дог доккхадеш хуьлу,
хазалла мьолуш...

Хазалла мел меларх, дуззе ца дузий,
Сих-пхенех а хедий, дог,
мацца, соцу...
Дог эшна хиларна, цуьнгахьа узий,
Дог лаьтте кховдадо,
1абош и кхоччуш...

Даймайхке – ирсе кхане

Сан Даймохк, сан Латта,
сан ирсе кхане!
Хьо тайпа кхаь бац-кха дуьненчохь
цхьанне.
Хьан марзо аьхна ю,
куьг санна ненан.
Хьо безар – т1етт1а сов,
мел валарх гена.

Сан Даймохк, сан Латта,
сан ирсе кхане!

Хьо хилча, мел тиларх,
 вайна вац ванне.
 Къа ду сан ойланца:
 «Хьо бацчошь, денна
 Малх д1асалепа-те,
 да ваг1арг, стена?!»

Сан Даймохк, сан Латта,
 сан ирсе кхане!
 Бахъана хьо долуш, волу-кха хене.
 Дахарехь боккху ког,
 хьобца бу боьзна.
 Цу тайпа болар бен,
 ца хетта оьзда...
 Сан Даймохк!
 Сан Латта!
 Сан ирсе кхане!

Бусулба нохчо

Сан наха кхоьллина сий долу иллин,
 Мел язлу, дош ц1ийца язлуш ма хили.
 Де-дийне а керчош, д1аихарх хан,
 Дуьненна цу тайпа гур дуй-те г1ан?!

Адамийн б1аьрг хъаста,
 кхуллуш ду заза.
 Заза дац кхоьллина сирла са лаздан.
 Цул бакъдерг,
 дуьненчохь данне а дац.
 Х1етте а караво и доккхург харц.

К1орггера хиларна хазалле безам,
 Дог кхолуш, делало дагт1ера зезаг.
 Дог дохо кхоьллинчо, шен боьба ког
 Зезаг т1е ма боккху, дохадеш дог...

Дала ша кхолларна сов башха хаза,
 Сан нехан сийлахь дог,
 са ца туйш, лаза...

И лазам деших а ас хуйцур бац:
 Бусулба нохчо –
 со кхин кхуллур вац!...

Назма

Парг1ато ларъечохь,
 Даймехкан сийнна,
 Къонахий ма г1оьвтти,
 шайш эга, хийла.
 Къаьхъа кад царна бу даиман миэла,
 Ма боккха болх бу хьо,
 йо везан Дела!..

Дуьненан хазаллаш ца лери меха,
 Ца лии царна кхин рицкъанаш леха.
 Шайн яккъаш йихкина,
 уьш новкъа бевли.
 Ма боккха болх бу хьо,
 йо везан Дела!..

Турпаллийн дегнашна –
 Делера лерам.
 Цуьнгара боцург бац
 цхъаъа а кхерам.
 Йовсаршца т1ом латгор
 царна ду – белар.
 Ма боккха болх бу хьо,
 йо везан Дела!..

Махкана шайн синош дезарах тешна,
 Белла д1абоьвли уьш, ца хила эшна,
 Шайн синош ца кхойи,
 мел ч1ог1а дезарх,
 Ма боккха болх бу хьо,
 йо везан Дела!..

Къонахий кхийина, сий долу Латта,
 И саннарш кхиор ахь,
 доццухехь атта,
 Яхь йолу во1 кхиор – и ма ду мелехь.
 Ма боккха болх бу хьо,
 йо везан Дела!..

Лаилах1а илалла
 Лаилах1а илалла
 Лаилах1а илалла
 Лаилах1а илалла

Григорий Аросев

Тульская область

Родился в 1979 году в Москве. Корреспондент ИТАР-ТАСС, по образованию театровед. Пишет стихи, прозу и критические статьи. Публикуется в журналах «Новый мир», «Дружба народов», «Вопросы литературы» и др. Входил в длинные списки премий «Дебют» и «Литературная Вена».

Первая песнь

М. Б.

1.

Вдруг погаснут огни, знаменуя посадку,
и затихнет салон, равнодушно боясь.
Кто-то просто зевнет, кто-то вздрогнет, украдкой
подтверждая крестом с грозным Господом связь.

Чуть задремлешь – накинутся темные бесы,
подрывая сомненьями внутренний мир.
Но очнешься – все так же молчат стюардессы
и уверенно правит свой бал командир.

2.

Вероятно, тогда все б сложилось иначе,
если б кто-то дерзнул или просто сглупил,
и в бессмысленных «видишь ли», «да, и тем паче»
растворилось бы все без надежды и сил.

Все бы шло по накатанной, просто и четко,
и никто никого удивить бы не смог,
не дрожали б колени, не хрипла бы глотка.
Это был бы не опыт, а только урок.

3.

Несомненно, сейчас все намного уместней,
поелику прибавилось – нет, не ума –
а готовности ждать и терпеть ради чести,
ради страсти, в которой сгорают дома.

А рассудок платочком с издевочкой машет,
ну и пусть его – главного он не учел:
все не так, все иначе, все лучше и краше,
и не стоит жалеть вообще ни о чем.

4.

Очевидно, потом... Но эффекты последствий
бесполезно высчитывать – это тупик.
Так при мысли о подлом безрадостном детстве
от стыда умирает отшельник-старик.

Варианты ответа – согласия, отказа –
беспокоят, манежат и многим грозят.
И алкает пощады пред будущим разум,
но нельзя расслабляться, вовеки нельзя.

5.

Подставляя запястье под острую бритву,
есть резон уточнить, так ли честен контракт.
Кто вступил с беспощадными фактами в битву,
говорят, обречен. Только это не факт.

Если движет святая блаженная ярость,
обречен умереть исполин Голиаф.
Кто умнее – без разницы, молодость, старость:
тот, кто искренен – прав, даже если не прав.

6.

Самолет по-мальчишески тучу подрежет,
завершая пространства оплаченный штурм.
И события иные, а может быть, те же
обещает стремящийся ввысь ТВ-турм.

Пусть былое бессильно зубами скрежещет –
предвкушенье безумства клокочет в груди!
А намеки, сиянье и прочие вещи
впереди, впереди, впереди.

Кафе «Cinema»

М.Б.

Открытое в столетье позапрошлом
кафе дрожит в тумане черно-белом.
Здесь трудно быть неискренним и пошлым,
безвкусным, заурядным, осовелым.

Здесь можно плавать в море меланхолий,
раздумывать о вариантах смерти,
о разновидностях сердечной боли
и смысле в недоставленном конверте.

А можно сочинять на пару стансы
про мир, который страшный и хороший,
и слышать, как поет гигант бесстрастный
о том, что не расстанемся мы больше.

Поскольку нету мест, гостеприимно
подносят стулья к крышке фортепьяно.
Под звуки сладко-трепетного гимна
в любимом друге не найти изъяна...

Вот принесли пирожные и кофе,
но их забыть резонно-незасорно
в беседах о любви и катастрофе.
Сквозь черно-белый дым неиллюзорный

качаются придуманные люди,
зачем-то интуиция тревожит,
и словно залп из тысячи орудий,
звучат слова дрожащие: «Я тоже».

«КАФЕ «Pleasure»

Официанточка в красной рубашке
молча смеется: «Чего здесь сидишь?»
Джинсами туго обтянуты ляжки.
Нагло тайком уплетает фисташки.
Тихо спускается вечер на Ниш.

Вскоре забьется кафе под завязку,
так как сегодня с хорватами матч.
Официантка очнется, и вязко
снова наденет любезности маску.
Здесь она символ футбольных удач.

В горестных воплях поэзию слыша,
в искренность можно поверить опять.
Вечер диктует любви одностишья.
Завтра навек я уеду из Ниша.
Официантка останется. Ждать.

Наша первая весна

М. Б.

Наша первая весна – суматошная, смешная,
чуть нервозная, но все ж наилучшая из всех – одарила
кое-чем. Ты шептала: «Я не знаю...»
Я молчал, поскольку знал: вот важнейшая из вех.

Нашей первою весной мы, безмолвные, сидели,
понимая: нынче цвет вновь меняет полоса.
Я трепался ни о чем, ты шептала: «Неужели?»,
устремляя острый взгляд в голубые небеса.

Мы не знали, что стоим в самом сладостном начале,
не желали видеть жизнь слишком ярко расписной.
На столе какао стыл. Мы сидели и молчали,
ощущая общий взрыв нашей первою весной.

Москва-Рим

Скоро октябрь, но фонтаны искрятся,
будто не веря, что скоро зима.
Дышит свободно Болотная пьяцца.
В городе осень. Все тихо весьма.

Славьтесь, блаженной декады ферменты!
Дни, как и чувства, пока что светлы.
Красные листья, как алые ленты,
грустно сгребает работник метлы.

Громкость снижают везде на полтона,
жухнет халтурно примятый газон.
Молча приветствует площадь Навона
римский московский холодный сезон.

Армения

Когда зажжется предо мной огонь тысячелетий,
когда с безумием веков столкнусь я тет-а-тет,
я обращусь к Тому, кто там за всех за нас в ответе,
не зная, что Его молчанье тоже есть ответ.
Я захочу прочесть стихи, но лишь исторгну прозу,
убогий лепет снизу вверх о вечном токе дней.
И горы поглотят мой крик и даже эха отзвук,
и воцарится тишина опять среди камней.
Услышу в их безмолвии священное бряцанье,
и горечь за чужую боль впервые сдавит грудь.
И спросит Бог: «Ты где? Ты с кем? Что ж на тебе
лица нет?»
И выведет меня на путь, на самый главный путь.
И я совсем не удивлюсь, дойдя до перекрестка,
ведь мысль о нем давно в душе пылает и горит,
будя во мне и старика, и мужа, и подростка...
А ты везде, со всех сторон, снаружи и внутри.
Что вспомню я, когда себя навек запеленаю,
когда забыть грехи и страх себе навек велю?
Страну лесов, которую я так и не узнаю.
Страну дорог, которую теперь навек люблю.

Двойник

Слушай, любимая! Нету мне места,
ты меня губительно манишь, влечешь.
Трубы трубят, заглушая челесту,
слышно не правду, а гадкую ложь.
Как же случилось, что в нашу балладу
кто-то чужой, неприятный проник?
Он подсыпает смертельного яду...
Это не я, это подлый двойник!

Слушайте, люди, безумные братья!
Бог позабыл вас, зови - не зови.
Вам предначертано гибнуть в разврате,
в зависти, желчи, грехе и крови.
Как же случилось, что души направил
в адское пекло убийца-блудник?
Кто же пошел против чести и правил?
Это не я, это подлый двойник!

Слушай, вселенная! Завтра, быть может,
все разнесет сокрушающий взрыв.
Только бояться и плакать негоже,
будешь ты мертв, даже если ты жив.
Как же случилось, что вечность разрушил
проклятый Богом Его ученик?
Кто обесценил и землю, и души?
Это не я, это подлый двойник!

Кто, упиваясь безудержной властью,
к шее твоей темной ночью приник,
кровь твою пьет с лихорадочной страстью?
Это безумный жестокий двойник!!!

Попытка подвига

Если мысль помогает в мгновение преодолеть
дистанцию, что и не снилась быстрым нейтрино,
вспомним об этом и будем учитывать впредь
в поисках лучшего места (с приставкой «ино»).

Из дому не выходя, глядя сверху на то,
как едет сквозь небытие безвоздушный троллейбус,
можно с желанием сердца сыграть в лото,
где что ни карточка, то палимпсест или эпос,

длящийся и нескончаемый, сколь ни желай
высадить вместо секвойи под окнами тую.
Изгнанный и уничтоженный, смог Менелай
точку судьбы обратить не иначе, как в запятую,

вспомнить, что любит, злость в себе вызвать для драк,
и погубить в результате безумную Трою.
Как же давно это было! Сейчас все не так.
Дождь. Ты сиди, я ворота пойду закрою.

Оболочка

Оболочка совсем прозрачна, все прожилки видны на свет –
сердце прыгает, как собачка, и затаптывает наш след.
То ли чувства остры сверх меры, то ли взгляд запредельно злой,
но есть риск, что, боясь химеры, вдруг прорвется защитный слой.

А прорвется – и хлынут наземь, или шариком воспарят
тонны боли, любви и грязи, жалких мыслей «кто виноват?»,
связки ключиков без замочка – в общем, все, чему нет цены.
Вот такая вот оболочка – все прожилки на свет видны.

Аппаратик донельзя чуткий это сердце – не пошалишь.
Все считает свои минутки, как копеечки, нувориш,
и поет мелодично, звонко так, как даже не снилось вам,
и от звуков пружинит пленка, и трещит она вся по швам.

Есть ли смысл охранять сердечко, коль не сможет оно стучать?
Неприкрытость пускай увечье, зато кровь бежит, горяча,
сердце прыгает, как ребенок, шелухой вниз летят клише,
и неважно, что нету пленок, ведь не нужен покров душе.

Апрель

Подражание Игорю Северянину

Переснеженный и зябкий, хладным солнцем жгущий землю,
март уходит, как девица едет с бала поутру.
Он стенает и клокочет: «Новых правил не приемлю!»
И в фатальном недовольстве скачет прочь, как кенгуру.

Тихогласно и лучисто, триумфально и капельно,
к нам апрель приходит яркий вместе с песнями грачей,
призывая улыбаться карандашно, акварельно.
Он идет, бряцая связкой от людских сердец ключей.

Щедро всем даря надежду, непрестанно зеленея,
он течет с эффектом неба и с усердием волхвов.
Дорогая, вы грустите? Вздор! Весна – вперед, за нею!
Вы пирожного хотите? Вот, прошу: со вкусом снов!

Шаран Дашаев**Здравствуй, сестра**

Рассказ

1

Каждый раз, собираясь в путь, мы договариваемся выехать чуть свет, чтобы до обеда прибыть на место, и засветло успеть возвратиться обратно. Но, по разным причинам, ничего из этого не получается: на сборы времени уходит много. Особенно у Эмина, для которого мы потом не жалеем своих полусутольных, полусерьезных замечаний.

– Пока ты примешь ванну, перед зеркалом покрасуешься, освежишься, прическу поправишь...

Последний намек на наших лицах вызывает дружные улыбки: прическу поправить он не может, потому как начисто лишен ее – голова у него лысая, без единой волосинки. Поэтому он редко снимает тюбетейку или кепку. Это его немного старит, на первый взгляд. Но когда он начинает травить анекдоты, притом, называя вещи своими именами и ничуть не смущаясь, начинаешь понимать, что в нем еще бурлит молодая кровь. Не зря же он имеет еще и двух жен, официальных, зарегистрированных по шариатскому браку. Чаше мы выезжаем на его новой машине. Водит он ее лихо. Даже чересчур. Так что, и здесь нам приходится его сдерживать, насколько это возможно. Хорошо, что мужик он необидчивый и почти не реагирует на наши замечания. Кротко улыбается и продолжает нажимать на газ.

Вот и на этот раз мы его заждались в условленном месте. Уже забрезжил рассвет, смутно стали вырисовываться придорожные столбы, редкие кустарники, лесопосадки. Засуетились птицы, перекликаясь и покидая гнезда, чтобы заняться своими обыкновенными, повседневными делами.

Путь нам предстоит неблизкий: километров 400 до пункта назначения и обратно. На дворе апрель месяц. Дни уже теплые, а ночи морозные. Зима в этом году нехотя уступает свои права. Накануне синоптики сообщили, что в соседних регионах выпал мокрый снег.

Когда мы пересекли границу своей республики, солнце поднялось высоко, стало жарко. Но по обе стороны дороги в канавах и лесополосах засветились большие белые пятна.

– Смотрите, здесь еще зима, – заметил Эмин удивленно, словно сделал чрезвычайно важное открытие.

Вместе с ожившей природой и беседа наша как-то оживилась, музыка заиграла веселее. Когда едешь куда-то подальше от родного дома, пейзаж и предметы вокруг кажутся в диковинку: и придорожные столбы, что тянутся неизвестно куда, города и села, утопающие в зелени, птицы, что кружат над головой, перекликаясь на своем птичьем языке. Все это разнообразие воспринимаешь так, словно видишь впервые, восторгаясь и предаваясь тихой радости.

Нам предстоит пересечь границы трех республик. И на каждой из них – минимум по два поста дорожно-постовой службы: на въезде и на выезде. Нас особенно раздражает один из них за чрезмерную придирчивость. Не хочу называть адреса и грести всех под одну метлу – есть и там парни порядочные и обходительные. Можно сказать, в каждую поездку именно здесь у нас возникают хотя и мелкие, но все же неприятные разборки. Постовые умеют вывести из себя даже самого устойчивого человека. Иногда создается впечатление, что служивые здесь подобраны, как в той известной притче. Пришел однажды, какой-то человек устраиваться на работу в милицию. Кадровик ему и говорит:

«Можешь придраться вон к тому столбу?».

«Нет, – говорит посетитель, – не могу».

«Иди, ты нам не годишься».

Приходит другой. Ему задают тот же вопрос.

«Могу», – отвечает.

Подходит к столбу и начинает расспрашивать:

«Ну, что? Стоишь? Окопался? Связями обзавелся? Еще и бумажками облепился?» – кивает на объявления, приклеенные на столбе и на провода, бегущие в разные концы.

И дальше в таком же духе. Подошел. Приняли на работу.

Примерно такие вопросы задают и здесь: куда едете? зачем едете? что в багажнике? что в саквояже?... Карманы выворачивать, правда, не заставляют. Пока. Кто знает, как завтра обернется. Это же уже было. Даже закоренелый стойк Адам и тот не выдерживает. А уж «горячий» Эмин – тем более. Тогда Хасану, самому представительному из нас, приходится пускать в ход всю свою дипломатию и солидную комплекцию.

К счастью, на других постах у нас никогда не бывает проблем. Если и остановят, то проводят обязательно с пожеланием счастливого пути и удачного дня. Приятно иметь дело с воспитанными людьми, особенно в полицейской форме.

2

А вот и очередной пост у въезда в знакомую нам республику. Впереди пара машин: идет проверка документов. Подходит и наша очередь. Постовой подает знак: езжайте. Похоже, что он мельком взглянул на регион и этим ограничился. Ведь как-никак мы исторически связаны верой и дружбой. Впереди не крутой, но затяжной спуск. Отсюда на расстоянии с километра пути хорошо виден длинный ряд придорожных кафе. А за ними на таком же отдаленном расстоянии – разбросанные сельские дома, откуда в основном и сами женщины, открывшие у трассы небольшие семейные кафе и мелкие продуктовые точки.

Здесь мы обязательно делаем дважды остановку: утром по пути следования до пункта назначения и вечером на обратном пути.

Эти неказистые придорожные кафе выстроены в один ряд и так схожи по своему нехитрому дизайну, что распознать их можно только по лицам их владельцев. Правда, на некоторых все ж красуются модные вывески, типа: «Мадина», «Карина»... Скорее всего, это имена приветливых, зазывающих хозяек. Но и эти вывески теряются в загромождениях: каждый продавец желает выставить свой товар на обозрение клиента с расстояния. Большая часть продуктов разложена на выносных лавках, развешана на разных там крючках и проволоках. В результате всего этого нагромождения трудно определить, кому отдать предпочтение.

Обычно к завтраку мы заказываем кофе, чай с лепешками, начиненными мясом, творогом, или сладкие круглые булочки, тоже начиненные сгущенным молоком или джемом. Адам почему-то предпочитает еще и сладкую воду. А вот у Хасана отдельное меню: он заказывает в первую очередь 6 штук вареных яиц дополнительно к прочим блюдам, опросив всех по очереди:

– Яйцо будешь? – И получив от каждого из нас чаще отрицательный ответ, он делает собственный заказ:

– Десяток яиц...

У хозяйки кафе это вызывает конфуз: шутка или нет? Она только что слышала, что все мы отказались от этого «удовольствия», а на одного – это слишком.

Зная его привычку, я заранее готовлюсь внести корректировку:

– Куда столько?

И тогда он начинает сбавлять счет, сбиваясь и путаясь: восемь, семь... ну, никак не меньше шести. Поедает он их с аппетитом, быстро и даже с каким-то азартом, так, что пока наш основной заказ греется на плите, он уже готов присоединиться к нам.

У Хасана бодрый, здоровый вид, высокий рост, а голос звучен. У него продолговатое лицо, длинные руки и ноги. Словом, все в нем как-то вытянуто: и лицо, и руки, и ноги, словно его растягивали специально на дыбе. Носит старательно подправленные короткие усы. Голова с ранней проседью редких волос. Когда он шагает впереди, за ним трудно поспеть: приходится бежать, едва не падая, задыхаясь. Но знакомиться с женщинами умеет. Это ему удается легко и свободно, как бы само по себе, с двух-трех слов умеет расположить к себе.

Другой раз, кажется, что берет своей лучезарной улыбкой. Улыбается он почти всегда в разговоре с людьми. И тогда начинает светиться не только лицом, но всем нутром. От этого делается неотразимым и привлекательным. Похоже, об этом он и сам хорошо знает и поэтому непременно первым заводит разговор и первым спешит признаться любой смазливой даме, оказавшейся в поле его зрения.

Вот и на этот раз, еще не успев разместиться за столом, он начал задавать хозяйке этого скромного заведения свои стандартные вопросы. Первым делом спросил:

– Можно узнать, как вас зовут?

– Оксана, – коротко ответила она, но на дальнейшие его вопросы дала знать, что они совершенно излишни при ее нынешнем положении.

– Я замужем, – подчеркнула она, что само по себе означало: на счет близкого знакомства не стоит питать никаких иллюзий. Сказано это было не так, чтобы грубо, но подчеркнуто.

Не знаю почему, но мне понравилось такое независимое и твердое «дистанцирование» от знакомства этой совсем не знакомой и чужой мне женщины. Но Хасан, как всегда, воспринял ее категоричность без какого-либо огорчения, абсолютно равнодушно, внешне – даже весело. Его это нисколько не задело. По крайней мере виду не подал. Как мне показалось, такой категоричный ответ даже позабыл его. Не теряя улыбки на лице, он тут же выпалил, как отрубил:

– Все! Сюда я больше не хожу! – И безо всякой заминки выдал откровение:

– Ничего не хочу иметь с замужними женщинами!

Не знаю почему, но мне стало не по себе, почувствовал себя виноватым перед ней за бестактность своего товарища. И в следующий приезд я предпочел как-то загладить эту вину.

– Не хочу быть предателем, – сказал я, на ее глазах проводив товарищей в соседнее кафе, а сам устроился за ее столиком.

Мне показалось, что встретила она меня радушно и с благодарностью.

3

С того дня Хасан, а заодно и Эмин с Адамом действительно сменили адрес: стали останавливаться у соседки. Я же продолжал навещать прежнюю знакомую. Так что, мы с друзьями оказывались через стенку и за разными столиками. Было в этом что-то несуразное, непривычное, но мои друзья на меня не обижались, только слегка подшучивали.

Каждый раз, навещая это скромное, гостеприимное заведение, я забираюсь на свое излюбленное место на низком, но уютном диванчике так, чтобы я мог видеть ее, почти не оборачиваясь. Правда, я едва успеваю за ее движениями, она просто мелькает у меня перед глазами взад-вперед к столу и обратно в боковой закуток, где она готовит или греет пищу. Но странно, не пойму, почему я все больше и больше начинаю при этом испытывать какое-то щемящее внутреннее чувство вины, неловкость, будто все насквозь видят мое нутро, затаенные там мысли. Это меня страшно напрягает, боюсь открыто смотреть в ее сторону, чтобы с головой не выдать себя, притворяюсь, делаю безразличный вид или сижу, уставившись в одну точку.

Но и тех коротких мгновений, когда мне иногда удается встретиться с ней взглядом, хватает, чтобы почувствовать всю ее трогательность,

привлекательность и чистоту. Хотя она и выросла из того молодого возраста, когда немедленно приковывается к женщине мужской взгляд, но есть в ней что-то необыкновенное, завораживающее, что заставляет меня мучительно размышлять. «Вот напасть, – думаю я, – к чему мне все это, когда сердце сковано равнодушием от прожитых лет? Грех – да и только. Зачем и ей, несвободной женщине, беречь душу? Нет, все! Надо оставить эти поездки. Если не поездки, то, по крайней мере, пора прекращать эти встречи. Но каждый раз я снова возвращаюсь именно к ней, и каждый раз успокаиваю себя слабым утешением: «Подумаешь, велика беда, очередное увлечение. Не впервой же. Всегда проходило. Пройдет и на этот раз. Это всего лишь мимолетный, но сладостный сон».

Я терзаю себя, но ничего не могу с собой поделать. Чувствую, что наши отношения раз за разом становятся теплее и непринужденнее, продолжаю посещать только ее заведение.

– Давно вас не было, – замечает она в очередной раз, ставя на стол прибор. Конечно же, я это многозначительное замечание отношу на свой счет.

– Да, давно, – мямлю в ответ, не находя ничего более путного. И вообще, при встрече с ней весь мой словарный запас почему-то иссякает, я начинаю путаться и заикаться, подбирая слова и выражения. Может, отчасти это со мной происходит оттого, что рядом с ней почти всегда находится ее супруг, что-то подносит, зимой поддерживает дровами огонь в железной печурке в углу, а то просто сидит, забывшись в дальний угол и бесстрастно смотря на окружающее. Раз-два я пробовал заговорить с ним, но разговор у нас не получился, на диалог он шел, как мне казалось, крайне неохотно. И я никак не мог угадать от природы это у него или... Словом, еще больше теряясь в его присутствии, я стараюсь больше молчать, меньше глазеть по сторонам, а в особенности в сторону хозяйки. Я даже имя ее не произношу, называю просто: «Сестра».

Эта мысль пришла ко мне после того, как она однажды рассказала мне историю своих предков. Оказалось, что они приходились мне не только земляками, но и односельчанами. Ее отца, точно также как и моего друга, звали Хасаном, а дядю Исмаилом. В недалеком прошлом их отцы то ли из-за кровной мести, то ли по другой причине вынужденно переселились в здешние места, чуть изменили фамилию, и навсегда остались в чужом краю, переняв язык и обычаи местного населения.

После этой истории я предупредил ее:

– Отныне я буду звать тебя Сестрой!

Это была еще одна причина, по которой ни за что на свете я не смог бы в открытую признаться ей, но и роль молчаливого благородного существа тоже день за днем начинала меня нестерпимо тяготить. Я чувствовал, что душевные силы покидают меня. Я уже не мог переносить такое напряжение от неопределенности. И тогда я взялся за перо. «Ничего, – решил я, – напишу как есть, а потом навсегда исчезну из ее жизни». Через пару дней мой рассказ, в котором я с головой выдал себя, был готов, а спустя месяц опубликован в одном из местных изданий.

Что из этого вышло – в следующей главе.

4

В теплые дни я садился на открытом воздухе за единственным столиком под навесом. Раз-два со мной оказались и другие попутчики. При моем появлении, если столик оказывался загруженным, она мигом прибирала его, освобождая место и расставляя стулья. Протерев стол влажной тряпкой, спрашивала на ходу:

– Что будете?

Мои попутчики начинали переглядываться друг с другом, а потом наперебой сыпали заказы:

– Кофе... черный... с молоком...

– Чай... крепкий... с лимоном.

Потом очередь доходила до легких закусок, если дело происходило во время завтрака. А вот ужин – совсем другое дело. Тут уж и сама хозяйка отлично усвоила наши вкусы. А если откровенно, как мне кажется, – мои вкусы.

– Мясо разогреть или птицу? – спрашивала она первым делом.

Иногда сюда заглядывали и мои «друзья-перебежчики» из соседнего кафе. Загадочно улыбались – и только. Что им до моего настроения? Да и откуда им понять, что происходит со мной. Благо, когда они опережают меня, не торопят.

– Не спеши, – говорят, – доедай. – Садятся в машину и ждут.

А мне, ох, как не хочется уезжать. Даже когда ее нет рядом, мне почему-то чудится, что она наблюдает за мной. Наблюдает не просто из любопытства. В такие минуты она представляется мне прекрасной с ее крупными чертами лица и крупными черными глазами. Мне страстно хочется писать только для нее и о ней. И... не расставаться.

До сих пор все в моей жизни было ясно, как день, весь распорядок был расписан, словно по нотам. Спать я ложился поздно, но и по утрам долго отлеживался. Но зато днем я напряженно работал: много читал, много писал и только изредка занимался мелкими домашними делами, да и то в свое удовольствие, делал то, что мне нравилось. А нравилось мне, кроме чтения и письма, только одно занятие: возиться на грядках, летом – в огороде, а зимой – в небольшой теплице.

Теперь мой распорядок был окончательно нарушен. Что бы ни делал, я постоянно ловил себя на мысли о ней, и все у меня валялось из рук. Я уже не мог ни на чем сосредоточиться. За чтением мне приходилось один и тот же абзац перечитывать по нескольку раз и в конце концов закрывать книгу, не дочитав и одну страницу. Писать тоже не получалось, ничего в голову не шло, словно мозг мой застыл. Я тщетно ломал голову, на чем с отрадой могла бы остановиться моя измученная мысль. Пытался вспомнить все лучшее, что было в моей жизни, но не мог вспомнить ничего путного, что еще больше усиливало мою хандру.

Я уже сказал, что рассказ-признание у меня получился. Но очень скоро я об этом пожалелю. А случилось ли это по вине злых людей или случайно – не все ли равно.

Наконец-то, как мне показалось, я избавился от тягостного груза неизвестности и поспешил свой только что опубликованный рассказ, названный ее именем, передать не ей самой в руки, а сестрам. (Они работают тут же, рядышком, заняты той же коммерцией). А дальше, по всей видимости, мое творение пошло «по рукам». Как и было задумано, в дальнейшем я остерегался встречи с ней. Под разными предлогами пытался уклониться от лишних поездок или придерживался установленного графика: выезжал только один раз в месяц. Но однажды мои друзья, побывавшие в тех краях, рассказали мне, что у нее из-за меня были большие семейные неприятности. И тогда я решил:

– Нет, так нечестно! Я обязательно встречу с ней! И с кем угодно, если надо!

В очередной раз я выехал туда со своей прежней компанией, и когда машина притормозила под вывеской «Мадина», ничего не сказав друзьям, напрямик направился на свое привычное место, водрузился на привычном стуле, а когда она показалась из своего кухонного закутка, я приветствовал ее также по привычке:

– Здравствуй, Сестричка!

– Здравствуй...

Сколько прошло?.. Секунды, минуты?.. Не помню. Я ждал от нее других слов. Я очень хотел их услышать. И... услышал:

– Как долго тебя не было...

... Над головой висел полный диск луны. Было светло и немного сыро. Справа видно было все село, хотя от трассы его отделяло километра полтора-два. А может, и более. Оттуда не доносилось ни звука, будто все вымерло. Мертвая тишина стояла и над пустырем по левую сторону от трассы. От этого покоя и мягкого лунного света становилось как-то тепло и уютно на душе.

Дальше должна быть холмистая гряда, которая на расстоянии выглядит полукруглой, готовой опоясать все обозримое вокруг пространство. Ну, это днем, а ночью кругом одна темь да тишь.

Эмин вырывается на трассу, мы вливаемся в поток машин и несемся дальше, домой. Небо чистое, прозрачное, без единого облачка. Среди множества ярко светящихся звезд прямо над головой повис одинокий диск луны. Когда пристально смотришь в одну точку, кажется, что не машина движется, а мимо нее уплывают обнаженные кусты, деревья, столбы, зеленеющие полосы озими или сухого прошлогоднего бурьяна, селения, большие и малые. Но впереди еще более ста километров и границы двух соседних республик, которые нам предстоит пересечь. Это уже на своей родной территории чувствуешь себя окончательно дома. В приемнике звучит легкая музыка, но его никто не слушает, мои друзья заняты разговорами о впечатлениях от последних встреч.

– Ну, как вам Мадина? – спрашивает Хасан.

– Да, ни-че-го се-бе, – тянет Адам обычным своим неразборчивым, ломким языком. Если он говорит одиночными словами, его еще можно понять. Но иногда он начинает выбрасывать слова, как воду из желоба, комкая и ломая их до неузнаваемости. Попробуй понять, о чем он хотел поведать. Правда, мы давно привыкли к нему и, если что недопонимаем, не переспрашиваем, а делаем притворный вид, мол, все ясно. А когда это необходимо, отвечаем наугад. Важно, что сам он не только не замечает за собой этот пробел, но считает себя образованнейшим человеком, эрудитом. Пусть. Считать, как и мечтать – не вредно.

Но Хасан стоит на своем:

– Что значит «ничего?» – упирается он взглядом в Адама. – Тебе что, Нефертити подать? Красивая женщина, – подводит он итог и, громко рассмеявшись, добавляет:

– Вы ничего не знаете, я успел взять у нее номер телефона...

Заговорили о любви. Я вспомнил прочитанные когда-то у Чехова строки о том, что «до сих пор о любви была сказана только одна неоспоримая правда, а именно, что «тайна сия велика есть», все же остальное, что писали и говорили о любви, было не решением, а только постановкой вопросов, которые так и остались неразрешенными».

Да, если мы любим, то любим безрассудно, безотчетно.

Мои друзья продолжают спорить. Я же молчу. Я вижу перед собой обаятельную женщину, которая возвращает к поэзии любви и безвозвратно ушедшей молодости.

– Здравствуй, Сестричка!

– Здравствуй. Как долго...

Зура Итсмиолорд

Я ненавижу тебя, Буратино Записки Карабаса

Тогда, в 1990 году, на празднике «Прощание с букварем» я, первоклассница, играла Карабаса. Согласилась, потому что обещали подарить колпак и азбуку Буратино.

Обещание не сдержали. Так бывает, что взрослые иногда обманывают. И я невзлюбила Буратино.

Прошло десять лет.

1 марта 2000 г.

Завидую брату, который погиб в первую войну. Дедушка уверен, что нельзя такое говорить. Первая война оказалась репетицией, а не войной. Каждодневные зачистки. Сегодня узнала, что самый лучший чеченец – мертвый чеченец. Беспокойство не проходит. Сердце онемело от страха. Сидим в подвале. Вертолеты угощают нас ракетами.

2 марта 2000 г.

На рассвете хватаем пакеты и бежим на окраину села. У нас нет машины с тех пор, как папа погиб в автокатастрофе. Дедушка остался в подвале. В спешке не взяли ничего из еды. Холодно, голодно, страшно. Вертолеты устали. Едва добрались до села.

Варвары разграбили наши дома. На БТР-ах вывезли все, что посчитали ценным. Остальное в упор расстреляли, обгадили, справили нужду прямо на молитвенном коврике. Осквернили каждый угол. Собрали продукты и спустились в подвал. Дедушка не произнес ни одного слова.

3 марта 2000 г.

Дедушка умер во сне. Пришли соседи и похоронили его под яблоней. Тузик отказывается отходить от могильного холмика.

4 марта 2000 г.

Люди уходят из села. Нам бы людей на поминки пригласить. Угощать нечем. Знобит. Холодно на душе. Слез нет. Не верю, что дедушка умер. Как он провел первую ночь в сырой земле? Приходили к нему Мункар и Накир – огромные черноглазые ангелы с молотами, которые никто из людей не в силах сдвинуть?

Знаю, дедушка ответит на все их вопросы правильно. Праведный верующий проведет дни ожидания Судного дня в спокойствии.

5 марта 2000 г.

Под покровом ночи решили уйти в соседнее село. На полпути вспомнили, что забыли документы. Шквальный огонь. С неба падают не звезды. Смертоносный огонь на поражение. Спускаемся в подвал. Тузик уже ждет нас там.

6 марта 2000 г.

Надо уходить. Людей много. Тузик не отходит ни на шаг. Идем, падаем, встаем, опять падаем, выбрасываем ручную кладь. Помогаем друг другу. Осколочные ранения. Смертельные раны.

Высаживают детей и женщин из машин. Забирают раненых. Люди в толпе теряют друг друга.

Никого не бросаем. Даже убитых. Душераздирающий плач детей и женщин. Ищут друг друга. К нам прибилась еще одна собака с щенятами. Вертолеты зависают прямо над нами. Ракетный и пулеметный обстрел. С неба падают не только гильзы, но и пепел. Лежать на земле холодно. Огонь немного стих. Поднимаемся и продолжаем путь. Руки мерзнут. Мама просит убрать блокнот и ручку. А как же вы узнаете, как нас убивали?

Мужчин не пропускают. Их загоняют за ограждения вокруг наделов, которые сельская администрация раздала сельчанам до начала первой войны. Наш девятилетний сосед последовал за отцом, несмотря на все попытки женщин остановить его. Матери у него нет с первой войны.

На телеге, тракторном лафете, носилках лежат прикованные к постели больные. К вечеру всех загнали за ограду. Надеемся, что огонь стихнет, а нас отпустят. Грабить-то нечего. Люди начинают разбирать ограду и разводить костры. Тузик нашелся! Взяв на руки, прижимаю к себе. Греемся.

7 марта 2000 г.

Адские машины открыли огонь, от которого остается только пепел.

Мужчины говорят, что в Чечне испытывают какое-то сверхсекретное оружие. А женщины говорят, что огнем военные преступники выжигают участки, зараженные биологическим оружием. Чечня стала большим полигоном. Женщинам, старикам и детям разрешают возвращаться в село. «Без мужчин не уйдем!» – заявляем военным. Что делать в дотла выжженном селе без мужского плеча? Плотнo прижавшись друг к другу, греемся у костра, делимся продуктами и одеждой. Снимая с себя, передаем другим. Меняемся местами у костра. То тут, то там раздается кашель. Женщины иногда затягивают заунывные песни вместо колыбельных. Катастрофически не хватает воды. Наконец-то защитники целостности России разрешили женщинам сходить за водой. По десять человек. Каждую емкость военные проверяют.

Перед лицом смертельной опасности все стали родными. Ушедшие за водой задержались. Детский плач, просьба разрешить пойти навстречу матерям. «Больше никто не пойдет за водой!» – орет сумасшедший офицер. Как назло, начался очередной обстрел села. «Вот вам гостинчик!» – кричит тот же озверевший вояка.

Мучает жажда. Приступы кашля. Высокая температура тела. Нащупала в кармане крошки хлеба. Отдала их мальчишке лет пяти. А он протягивает мне кусочек скорлупы.

Шум, крик.

Военные пригнали шестерых пленных боевиков. Босые. Их обменяли на федерального полковника. На лице самого слабого – печать смерти. У него гангрена левой ноги. Отрешенный взгляд, изнеможенность. Самостоятельно

передвигаться не может. Не успели их накормить, как толпа из пятидесяти-шестидесяти вооруженных до зубов федералов врывается к нам. Пытаются забрать этих несчастных. Плотным кольцом окружили женщин и детей, направив на нас оружие, сужают круг. Как сорвавшиеся с цепей, военные бросаются на тех несчастных, вновь и вновь возвращаясь к нам. Наконец, открыли автоматную очередь над нами. Несчастных забрали. Увидев, что один из них умер, скинули с носилок больную старушку, загрузили мертвого и унесли. Ни один из них не произнес ни слова. Наверное, сил не осталось. Мы ничем не могли облегчить их страдания. Ни трассирующие пули, ни канонада артобстрела не могли убить в нас человечность. Толпами подходили к федералам и просили вернуть нам тех несчастных, которых они скинули в яму. Вдруг парнишка лет семнадцати взобрался на колесо трактора и закричал: «Давайте попросим Всевышнего помочь тем, кто остался в селе».

Кто-то стащил его вниз и поволок за собой. Рядом стояла легковая машина. В салоне умирала девушка. «Аллах, где же ее хоронить? Всевышний, дай мне силы и разум», – просила какая-то женщина. Это родственница умирающей или знакомая.

Скончался старик. Его принесли сюда на носилках. Говорят, перед уходом из села он просил племянника навестить его, на что тот передал: «Сейчас у меня нет возможности проведать тебя. Встретимся в раю».

Смерть не только летает над нами осколками и рваными облаками, пропитанными какой-то гадостью, которая оседает на нашей одежде. Погибают люди, скот, прибежавший из села. Издевательства федералов: «Дуры, декабристки, остались здесь из-за своих мужиков. Они должны в селе гореть в огне, а не прятаться за вашими юбками!» Едва удерживаем мужчин, которые не в силах терпеть оскорбления. Вертолеты, кружащие над нами, зависают и открывают огонь по селу. Вдруг вплотную подогнали два БТР-а и открыли огонь прямо над нашими головами. Такое чувство, что выстрелы идут из мозга. Свист, шум, грохот. Аллах, смилостивись над нами! Почему я не родилась глухонемой? Как выдержать плач детей? Потеряли счет бомбардировщикам, которые прилетают каждые пять минут по шесть-восемь штук. Сбрасывают смертоносный груз на село. Дети прилипают к матерям, словно просятся обратно в утробу.

Тузик пропал.

Ночь прошла в тревожном ожидании. К автоматным и пулеметным очередям мы привыкли.

На тракторный прицеп подняли очередной труп. «Умерла своей смертью», – запишут в свидетельстве, так как нет ранения. То, что умерла от ужаса войны, в расчет не берется.

8 марта 2000 г.

Тузик сделал подарок: вернулся с двумя щенятами.

Федералы плотным кольцом окружили нас. Вдруг над нашими головами появляется самолет. Он делает восьмерку и уступает место другому. Один за другим. Вот-вот лопнут ушные перепонки. Дети умирают на руках матерей. А те продолжают сильнее прижимать их к себе. Какой жизни они хотят для них? Разве им самим легко переносить весь этот ужас?

Аллах, заberi нас к себе! О Аллах Вездесущий, Всевидающий! Ты слышишь меня?

9 марта 2000 г.

Вчерашний день – просто подарок по сравнению с тем, что происходит сегодня. Нас окружили плотным кольцом. Прибыло подкрепление. Устроили «зачистку» мужчин: проверяют руки, заставляют снимать обувь, раздевают до пояса. На свое усмотрение забирают от нас и передают солдатам-контрактникам. Сердце бешено колотится. Из носа пошла кровь. Руки дрожат. Надо найти карандаш. Чернила в ручке стынут.

Вытаскиваю блокнот из рукава куртки. Кто-то слышал, что ищут девушку. Ведущую запись. Пронесло. Никто не сдал.

Мама нашла убитого Тузика. Что-то шепчет, едва перебирая синюющие губы. Прислушиваюсь: «О Всевышний, мне не было и года, когда убили моего отца в России, куда он уехал на заработки. Мне не исполнилось и двух лет, когда мать вышла замуж во второй раз. Я выросла сиротой в нищете. В этот тяжелый час для моего народа забери меня одну, но защити детей – будущее нашего народа».

Выхватывали мужчин с грязными руками (а какими им быть, если нет воды), из-за пятен на одежде, которые оставались от пролетающих снарядов из огнедышащего дракона, из-за мешков под глазами (попробуйте вы не спать несколько суток подряд).

Эврика! Есть идея!

– Мама, у меня есть деньги в кармане!

– Правильно. Дочка, снимай серьги и кольцо! От того, что будем биться в истерике, не поможем мужчинам. Они пришли нас уничтожить. Никто не поможет нам, кроме нас самих.

Кто-то протянул сто рублей, потом еще. Деньги, украшения из золота и серебра.

Некоторых на вертолетах успели вывезти в Урус-Мартан, а мы опоздали их выкупить.

10 марта 2000 г.

Бои продолжаются. Обманываю себя мыслью, что за пределами этого поля мир, мир, столь необходимый нам. Мир справедливости. А здесь какая-то ошибка. Придут умные генералы, поймут, что мы люди, такие же, как и их близкие. Мы тоже рождены, чтобы жить, любить, мечтать, сеять хлеб, верить в сказки. А я еще не успела влюбиться. Тут, на поле, есть один. Красивый! Глаза черные. Жгучие-жгучие. Когда грелась у костра, заметила его взгляд на себе. Наверное, из другого села. Такого красивого я в нашем селе не встречала. Вот уйдут солдаты, закончится война... Земля начнет пахнуть РОДИНОЙ. И я утону в его глазах. Х-ммм... Надеюсь... Надежда никогда не умирает.

11 марта 2000 г.

Где бы достать огрызок карандаша? Руки дрожат. Лихорадит. Аллах, я еще жива? Почему? Всевышний, открой врата небесные. Не могу больше жить на земле!

12 марта 2000 г.

Сил нет. Хочу пить! Дайте воды! Земля дрожит, а у меня внутри все горит. Воды-ы-ы-ы!

13 марта 2000 г.

Вон там эти красивые глаза! Дарю свой взгляд. Он кивает головой и, скромно опустив голову, присаживается у едва тлеющего костра.

Село разрушено до основания. Больно в горле. Заложило уши. Разрешили уходить в Алхазурово. На перекрестке стоят женщины из этого села в надежде найти близких. Вдруг подъезжает БТР с привязанным к нему парнем. Тот едва стоит на ногах. Аллах! Эти черные глаза! Женщины двинулись к машине. Открыли огонь над нашими головами и, набрав скорость, улетели в сторону нашего села. Это был чей-то сын, брат, родившийся в Чечне. Сын чеченки и чеченца. Если бы его мать видела, что делают с ее сыном, то приняла бы смерть за него. А как же я? Не успела сказать свое имя. Он будет ждать меня в раю?

Лучше умереть на поле, чем искать убежище в другом селе? Как жить дальше?

20 марта 2000 г.

Где я? Еще на земле? Неужели не умерла? Почему, Аллах, ты не забрал меня? Где моя мама?

Транзистор шипит: «Из Сочи на СУ-27 прилетел В.Путин, поставил задачи военным, а гражданским – восстановить Грозный».

Стертое с лица земли мое родное село считается завоеванным.

21 марта 2000 г.

Читаю сказку «Приключения Буратино» дочери хозяйки дома, приютившей меня.

А Карабас-Барабас, оказывается, милое создание в сравнении с федералами.

22 марта 2000 г.

Где моя мама?

Говорят, какую-то обезумевшую женщину увезли в Урус-Мартан.

23 января 2010 г.

Буратино, я ненавижу тебя! Слышишь? НЕ-НА-ВИ-ЖУ!

Это ты! Именно ты сжег мое село. За что, Буратино?

P.S.

«Буратино» – тяжелая огнемётная система, залп которой уничтожает все живое в радиусе 3 км. Применялась в боях за чеченское село Комсомольское в марте 2000 года.

Дебют**Лейла Кусаева**

Родилась в 1985 году в Гудермесе. В 2008 году окончила факультет химии и технологии биологически активных соединений Московской государственной академии тонкой химической технологии им. М. Ломоносова. В настоящее время является специалистом по кадрам и охране труда ООО «Ямад». Пишет стихи и рассказы со школьных лет. В № 2 за этот год Лейла дебютировала в журнале «Вайнах» в разделе «Поэзия». В настоящем номере представляем ее дебютный рассказ.

Мозаика

Рассказ

Я простой горец. И, как и мои предки, я многого не жду от жизни и не требую.

Я верю, что человек должен стремиться к тем вещам, которые делают его жизнь гармоничной, осмысленной, направленной – религия, семья, друзья. Все остальное, что мешает этим трем, должно быть в тени. Нет, не забыто, не брошено, но подчинено этим трем столпам.

Эта простая истина пришла ко мне не в результате каких-то упорных и долгих раздумий – жизни моего отца и деда были для меня живым и убедительным примером.

Надо сказать, что род наш весьма уважаем в ауле. Мой дед был старейшиной, и люди неоднократно обращались к нему за помощью и советом, зная его принципиальность в вопросах чести и достоинства. Часто я присутствовал при его беседах с другими людьми, при их спорах, разбирательствах. Признаться, мне в ту пору это не доставляло особого удовольствия. Как и любому мальчишке, мне хотелось играть со сверстниками, лазить по деревьям, купаться в речке, собирать синяки и ссадины, которые вечером моя мать нежно обрабатывала каким-то терпким травяным настоем.

Однако мой дед хотел, чтоб я был рядом с ним, слышал, слушал, что говорят, как говорят и учился. Учился науке человеческих взаимоотношений.

И хотя я, позевывая, половину из услышанного пропускал мимо ушей, тем не менее, каждый раз поражался тому, как он умел успокоить, подбодрить и направить любого из этих людей.

Как-то раз я спросил у него:

– Отчего у всех этих людей столько проблем? – я не помнил, чтобы в нашей семье были какие-то особые конфликты.

Дед задумчиво посмотрел на меня:

– Скажи, Зелимхан, как ты относишься к своему другу Шамилю?

– Хорошо отношусь, – с удивлением протянул я, поставленный в тупик таким вопросом.

– А к Арслану, сыну Аки?

При упоминании этого имени я чуть не вскипел.

– Дада, к нему никто хорошо не относится.

– Я не спросил про всех. Я спросил про тебя.

– Он чрезвычайно надменен. Он думает, что может подкалывать и принижать

других людей только из-за того, что их дом самый большой в ауле и на полях, куда ни глянь, бродят их коровы и овцы.

– Но почему тебя так раздражают его нападки? – спросил он улыбаясь.

– Потому что он не прав, – выпалил я, уже окончательно сбитый с толку.

Он несколько минут молчал, будто обдумывая и взвешивая то, что он хотел сказать. Затем промолвил:

– Запомни. Ты не хуже никого из людей, но и не лучше. Никогда не возносись ни перед кем, но и головы не склоняй. Знай, что Аллах создал нас равными и, кто бы что бы ни говорил, ни на миг не сомневайся в этом. В каждом человеке ты должен видеть себя. Только так ты сможешь любить людей, понимать их и избегать гордыни.

Я тогда подумал, что дед так и не ответил на мой вопрос. Лишь спустя годы я понял, что он подводил меня к ответу, как умелый кормчий, который, хорошо зная течение реки, уверенно правит лодку к берегу. Тем не менее с того дня я пытался уже не принимать близко к сердцу поведение Арслана и заметил, что мое отношение к нему постепенно стало меняться от явного раздражения до полного равнодушия.

Спустя год с небольшим внезапно умерла его мать. Эта картина, как Арслан, ссутулившись, стоял над ее могилой и дождевые капли стекали по его лицу и кистям рук, наверно, уже никогда не сотрется из моей памяти. Нет. Он не плакал, но дождь плакал вместо него. В тот день, видя его безмолвную фигуру, полную безысходного отчаяния, я впервые испытал к нему чувство жалости, смешанное с некоторой долей симпатии. Тем не менее, если бы мне в тот момент кто-нибудь сказал, что через несколько лет мы с Арсланом станем лучшими друзьями, я был бы крайне удивлен.

Это сближение произошло так незаметно, что я и сейчас не понимаю, что, кто и когда послужило поводом. Когда я пытаюсь это вспомнить, в голове начинают звучать наставления моего деда, а перед глазами встает Арслан, который после похорон матери, весь осунувшийся и бледный, избегал встреч с ребятами и, кинув короткий тоскливый взгляд в нашу сторону, молча разворачивался и уходил домой, из-за чего я порой испытывал странное чувство вины. Потом военные годы, гул самолетов, темный полусырой подвал, люди, сбившиеся в кучки, чьи-то причитания, молитвы. Среди всего этого безумия мы умудрялись как-то находить время для веселья. Ребята собирались в круг и играли кто в карты, кто в шашки, мы же с Арсланом пристрастились к чтению. Загадочные острова, несметные сокровища, опасные приключения и непобедимые, отважные герои будоражили воображение. Мы и себя чувствовали такими же храбрецами и нам действительно не было страшно. Мысли о смерти не пугали, не радовали. Казалось, это не про нас, не для нас, ведь герои не умирают просто так.

Постепенно мы стали с Арсланом неразлучны. В школе и после занятий нас все чаще стали видеть вместе. Вместе мы стали делить проблемы, радости, горести.

Никогда не забуду, как он спас от позора моего отца. Я возвращался от родственников, когда заметил возле моего дома группу людей, плотно обступившую какого-то человека, который взволнованно пытался им что-то объяснить. Протиснувшись кое-как в центр круга, я понял, что эти люди доверили моему отцу покупку коров, дав необходимое количество денег. Отец собирался в город по своим делам и согласился заодно присмотреть и купить необходимое количество скота для односельчан. В городе он однако был обманут. Ему дали отобрать коров, взяли деньги, договорившись пригнать их в условленное место на следующий день, но потом эти люди пропали без каких-либо объяснений вместе с деньгами, и он не смог выйти на их след. И теперь сельчане требовали вернуть свои деньги немедленно.

Я еще подумал тогда: «Эх, дада, дада, как жаль, что тебя уже нет с нами. Ты бы нашел, что им сказать, как убедить подождать. Ясно, что отец выплатит этот долг, но ему нужно время, на которое эти люди оказались так жадны».

Погруженный в мысли, я не сразу заметил Арслана, который, пробравшись к

отцу, стал что-то оживленно говорить ему, пытаясь побороть гул толпы. После этого он отошел, а отец, подняв руку, громко произнес:

– Слушайте. Слушайте. Хорошая весть. Арслан принес хорошую весть. Слава Аллаху! Эти люди оказались честны. Они не смогли в тот день пригнать коров, они доставили их сюда!

Впоследствии выяснилось, что Арслан отдал своих коров. Мой отец догадался об этом, так как те торговцы, с кем он заключил сделку, не знали, из какого он села. Однако Арслан упорно утверждал, что это не его коровы, и даже оскорбился, когда я позднее попытался как-то компенсировать его ущерб деньгами.

Вот и сейчас он трудится бок о бок со мной, помогая строить дом. Подшучивает, подтрунивает надо мною, над моей сердечной болью – красавицей Зейнаб, дочерью Джамалдина.

– Для кого ж ты так трудишься, Зелимхан? Неужели для Азы, дочери Сайпудди? Я заметил, что она тебе нравится. Хочешь, украду для тебя?

Я молча улыбаюсь, пристраивая очередной кирпич к стенке.

– Хотя нет. На прошлом синкьерам¹ ты разговаривал с Мадиной, сестрой Лом-Али. Лучше ее украду. Хочешь?

Слова Арслана постепенно перестали доходить до моего сознания. В мыслях моих снова и снова возникал образ и имя той, которая завладела моим сердцем.

«Зейнаб... Зейнаб... – произносил ее имя про себя снова и снова, и каждый раз мне казалось, что оно приобретает какой-то новый сияющий оттенок, переливается в моей голове, как драгоценный камень на солнце, и тихой светлой радостью наполняет душу. – Дочь Джамалдина, мы с тобой росли рядом, в соседних домах, и я часто видел тебя, идущую за водой, трудящуюся рядом с матерью, но никогда не смотрел на тебя, не смотрел, как сейчас. Что же ты сделала или сказала такого, что тоска по тебе днем и ночью иссушает меня, что улица стала милее дома родного и хочется бродить по ней из конца в конец в надежде увидеть твою воздушную поступь и тонкий горделивый стан? Да... На синкьераме я никогда не подходил к тебе. Мне было весело с Азой. Мне нравилось ее чувство юмора, как быстро и бойко она отвечала на мои шутки. Мне нравилось видеть, как удивленно взлетают пушистые ресницы Мадины в ответ на мои слова. Но в последний раз мне не хотелось веселья. Арслан потащил меня, угрюмого и молчаливого, в тот день немного развеяться. Я не хотел никого видеть, ни с кем общаться и выбрал себе место рядом с тобой. Погруженный в думы, я машинально наблюдал, как ты вышиваешь узоры на ткани, и мне понравились гибкие и точные движения твоих тонких и нежных пальцев. Потом я стал смотреть на твое лицо, такое спокойное, умиротворенное, ласковое, и чувствовал, будто сам наполняюсь этим спокойствием, будто от тебя текли ручейки солнечного света и тепла, которые я жадно глотал и не мог насытиться.

Я знаю, ты почувствовала мой взгляд. Я понял это по пунцовому румянцу, который внезапно окрасил твои щеки, по напряженному взгляду, по пальцам, которые впились в узорную вышивку, будто кто-то хотел ее отнять. Ты так и не посмотрела на меня. Ушла в тот же миг, попрощавшись с хозяевами, оставив позади себя дым и пепел пылающего сердца. После этого дня я не могу смотреть на других девушек, Зейнаб. Точнее, не хочу. Почему ты больше не приходишь на синкьерам? Ты избегаешь меня? Почему молчишь на признания, что шлю через других людей – родственников и знакомых? Неужели я так тебе противен?»

Вот так мысленно я разговаривал с ней, пока не почувствовал на своем плече руку Арслана.

– Зелимхан, ты что?

– А что случилось?

– Я тебя уже несколько раз окликнул и никакой реакции. Пойдем. Жена приготовила обед. Жижиг-галнаш ждут нашей оценки.

После обеда Арслан уехал в город по делам, обещал быть к вечеру. Я тем временем решил продолжить работу и стал отделять битые и бракованные кирпичи

от целых. Часа через два, отряхнувшись от кирпичной крошки и пыли, я присел отдохнуть на наскоро сколоченную из старых потемневших досок скамейку. Что-то вертелось в голове. Какая-то мысль, связанная с кирпичами... нет!.. с камнями! Точно. Тот старик. Как он сказал? Это ж было совсем недавно, где-то полгода назад. Я поехал в город присмотреть участок земли. Надумал жить там, считал, что в городе больше возможностей для учебы и работы. Мы еще тогда с Арсланом чуть не поссорились из-за этого. Родные тоже были далеко не в восторге от моей затеи, но я упрямо стоял на своем. Помню, как меня в тот день подобрала попутка. Ох, и болтливый же водитель мне попался! Всю дорогу сыпал анекдотами, рассказывал всякие истории, которые якобы имели место в его жизни. Из его слов складывалось впечатление, что его жизнь состоит из всевозможных казусных ситуаций, из которых он всегда выходит легко и непринужденно. К концу поездки моя голова основательно распухла от непрерывно льющегося потока информации. Распрощавшись с ним, но не со своей головной болью, я на маршрутке добрался до своих родственников, решив, что примусь за поиски с утра.

Утром нужно было добраться до центра. Мне посоветовали найти одного человека, кажется, его звали Усман, который знал, где можно приобрести участок за приемлемую цену.

Кое-как протиснувшись в битком набитый автобус, я тронулся в путь. Облепленный со всех сторон пассажирами и обливающийся потом, я пытался найти глоток свежего воздуха в спертной атмосфере транспорта и как-то пробиться поближе к одному из открытых окон. В воздухе стоял плотный слащавый запах духов, людских тел и сигаретного дыма. Мне, привыкшему к чистому воздуху высокогорных селений, было дурно. Видно, заметив это, мальчуган лет 13-14 уступил мне свое место:

– Ваша, садись.

Место было рядом с окном. Я сел, торопливо вдыхая быстрые потоки воздуха. Тошнота отступила, и я стал с любопытством разглядывать других пассажиров. Я придумал себе нечто вроде забавной игры, пытаюсь по одежде, манере держаться и лицу отгадать, чем человек живет и каким характером обладает.

На одной из остановок в салон автобуса зашел высокий статный старик с длинной окладистой бородой и занял место рядом со мной. К тому времени я уже устал от своей игры и просто наблюдал, как мимо меня проносятся здания, деревья, люди на улицах.

– Вот так и время бежит мимо нас, – произнес чей-то голос, будто вторя моим мыслям.

Я удивленно обернулся и встретил улыбающийся взгляд старика.

– Да, да, молодец. Еще недавно, чуть ли не вчера, я был в твоих годах и думал, что впереди целая жизнь.

Я не знал, что на это ответить, и, кивнув в знак понимания, хотел было снова повернуться к окну, но старик продолжил:

– Ты, видно, нездешний?

– Нет, ваша, нездешний.

– Откуда будешь?

– Из селения С...

– Так мы же почти соседи! Кулиевых знаешь? А Басхановых?

– Басхановых знаю. Через два двора от нас живут. Не родственники ваши случайно, ваша?

– Нет. С Басхановым Зауром вместе в армии служили, с тех пор и дружим, – старик радостно улыбнулся, видно вспомнив что-то приятное.

– Ну, а в город давно переехал?

– Еще не переехал. Собираюсь вот присмотреть участок для дома. А ты, ваша, давно здесь живешь?

– Да уж года три как будет, а все никак не привыкну. Конечно, город и село – это как небо и земля. Все чуждо здесь для меня и люди... старик внезапно оборвал фразу, как будто посчитал, что говорит лишнее.

Не дождавшись продолжения, я с любопытством спросил:

– А что люди, ваша?

– Люди как люди. Поживешь – увидишь, – кратко обрезал он, давая понять, что не хочет продолжать эту тему.

В этот момент в салон автобуса зашла молодая пара – парень с девушкой. Заняв места напротив нас, они стали что-то бурно обсуждать. Мне было неприятно, что они сидят так близко, хотя, возможно, они были родственниками. «Брат с сестрой, наверно», – подумал я, бросив мельком взгляд на девушку, и отметив про себя миловидное выражение лица и стройную фигуру.

«Однако, если б это была моя родственница, я б не позволил ей выходить на улицу в таком виде. Короткая юбка, броский макияж...н-дааа...ну и брат!...или кто он там ей?» Девушка между тем вела себя довольно раскованно, изредка похохатывая на реплики спутника так громко, что некоторые пассажиры испуганно или недоуменно оборачивались в их сторону, что ее по-видимому абсолютно не смущало.

– Астафирлаг! Астафирлаг! Что за мать их воспитывала? – еле слышно проговорил мой сосед и меня покорило, что эти люди действительно вели себя так, будто не заметили рядом убеленного сединами человека.

Хотя старик проговорил эти слова тихо, через минуту стало очевидно, что их расслышали почти все. Скорчив недовольную и надменную рожицу, девушка и парень сошли на следующей остановке, даже не подозревая, какой шквал негодования неся им вслед. Первую реплику пустил шофер, мужчина по виду лет за сорок:

– Какие невоспитанные молодые люди! Никакого гиллакха², никакого оздангалла³! Когда таких подвозишь, только и думаешь, когда же их остановка?

И тут все загалдели, запричитали, перебивая друг друга, браня нынешнюю молодежь, невоспитанную, дерзкую, грубую, поствоенное неблагодарное племя, не чтящее родителей и адаты⁴.

Старик повернулся ко мне:

– Ты спрашивал – а что за люди? Вот эта пара – наглядный пример. Здесь такие часто встречаются. Или вон видишь? Мать дочку молодую рядом посадила, а рядом пожилая женщина едет? – старик кивнул в сторону первых рядов автобуса. – Что дочке не скажет место уступить? Вот посмотришь на таких родителей и думаешь – откуда ж молодым гиллакх знать, если их родители им живой пример не показывают? Бывает, иду я по улице, а передо мной молодые. И что ты думаешь? Даже не подумают дорогу уступить. Вот буквально вчера я одной такой группе не удержался и сделал замечание. Сказал: «Неужели вас родители не учили взрослым дорогу уступать и другим людям путь не загораживать?» В ответ мне один из этих бесстыдников говорит: «Ваша, мы же не виноваты. Мы же в военное время выросли». Да причем здесь война?! В нашем прошлом войн что ли не было? Ваши предки и войны перенесли и высылку и все равно помнили – кто они и откуда, соблюдали традиции, обычаи и никогда не пытались спрятаться за словом «война». Я помню, как там, в Казахстане, мать делила между нами, детьми, один небольшой кусочек хлеба, который ей давали как плату за уборку хлеба местной зажиточной семьей. Конечно, этого не хватало, чтобы утолить наш голод. Мы просили еды у нее и не понимали, в каком она была отчаянии. Не понимали, что она отдавала нам весь хлеб, ничего не оставляя себе. В один прекрасный день она просто не встала с постели. Врач сказал, что она умерла от голода. В то время голод покосил много людей. Вымирали целыми семьями. Порядочность не могла показать другие пути, чтобы выжить, кроме работы, но на работу чеченцев решались брать лишь немногие из коренного населения. Конечно, были и те, кто шел на воровство, чтобы выжить, однако в нашей семье внушалось, что этот способ неприемлем для чеченца. Нам повезло, что спустя неделю нас разыскал дядя – брат отца – и взял на свое попечение. Когда он узнал, что наших родителей уже нет в живых, он не сдержался и заплакал. Это был единственный раз в жизни, когда я видел своего дядю плачущим. Кто имеющий хоть каплю уважения к себе, к своим корням,

так легко отречется от прошлого своих предков, от их страданий и надежд, от их слез?

Старик сурово посмотрел на меня, и я почувствовал себя так неловко, будто один был в ответе за этих молодых людей, которых он осуждал. – Ээ...да что это? Это только мелочь из всего, что меня огорчает сегодня. Да. Форму Гиллакх мы сохранили, а вот содержание, содержание...м-да...А вот попробуй скажи им кому-нибудь, сделай замечание, не посмотрят на возраст, не уважат...война...вот как...

Постепенно шум в автобусе стал идти на убыль, как внезапно раздался звонкий женский голос, уверенно и скороговоркой:

– Да это ж не городские! Это из сел понаехали! Это они не умеют себя вести!

На секунду в воздухе повисла звенящая тишина, будто каждый осмысливал про себя – принять ли это оскорбление в свой адрес?

– Да кто бы говорил? Знаем мы вас – городских! – раздался визгливый голос оппонента. В автобусе началась нешуточная женская ссора. С обеих сторон в ход пошли мыслимые и немыслимые аргументы «про» и «контра» сельских и городских жителей.

Признаться, ни до, ни после я не слышал столько «лестных» эпитетов в отношении сельчан. Оказывается, нас воспринимают, как какой-то неграмотный сброд, только-только спустившийся с гор, не имеющий понятия о культуре, этикете и многих других вещах. Конечно, я был задет до глубины души, но не мог вмешиваться в спор двух этих женщин, уподобляясь им. Неизвестно, сколько бы это продолжалось по времени, если бы не строгий окрик старика:

– Эй, вы, женщины! А ну, успокойтесь! Как не стыдно? Как не стыдно вам! При чем тут сельчане и горожане? Все мы родом из селений. Разве не так? И горожане так же, как и сельчане, имеют корни в родовых селениях. О чем вы спорите? Неважно, где жил или живет человек. Корни его – вот что важно! От благородного рода – благородное потомство. Оно умеет себя вести правильно и там, и там. Да. Да. Конечно, в городе, может, люди и грамотнее и более... как вы сказали?... культурнее, но это как шлифовка. Вот если возьмете вы алмаз и отшлифуете, то он станет блестеть еще сильнее, но если бы не шлифовали, все равно его ценность и сущность не меняется. А возьмите простой камень и отшлифуйте. Конечно, он станет пригожее на вид, но его сущность и ценность тоже от этого не поменяются.

Тем временем водитель объявил мою остановку и, распрощавшись со стариком, я вышел.

Я шел по улице, а в голове, как пчелиный рой, гудели и копошились мысли: «Это они все... ваши городские не лучше... мусор из окон... современные какие... ты мне своей культурой не тыкай... да мой дед – известный мулла... камни... если отшлифовать, то...»

– Хлеб! Свежий хлеб! Только с печи! – вдруг резко раздалось в моем ухе. Вздрогнув от неожиданности, я оглянулся на торговца рядом со мной. Оказывается, я попал на рынок и ловко лавировал между рядами, но, погруженный глубоко в свои мысли, даже не заметил этого. Я повернул обратно к остановке, памятуя о том, что офис Усмана должен был находиться рядом с рынком, не доходя до него.

Честно говоря, мой настрой обосноваться в городе был несколько поколеблен этими автобусными разговорами. В конце концов сама мысль, что тебя могут воспринимать как человека второго сорта твои же земляки, братья по духу и вере, была очень неприятна. Однако я успокоил себя теми словами, которые сказал старик напоследок, и в мыслях уже рисовал план дома, подсчитывал сроки его возведения.

«Так. Несколько комнат для отца с матерью... сад, огород... хорошо бы 9 соток... если сейчас начать, до следующей осени должен управиться... а что она так улыбается насмешливо?»

Я остановился как вкопанный, осознав, что мои мысли приняли новое

направление из-за молодой девушки, которая, проходя мимо, окинула меня взглядом с головы до ног и насмешливо ухмыльнулась.

Я оглядел себя, не понимая, что в моем виде или одежде ей могло показаться смешным. На мне была светлая рубашка, спортивные брюки, кожаные туфли на ногах. Я надел то, что посчитал удобным и не находил, что моя одежда делает меня смешным или забавным. Во всяком случае по моим меркам она была более оьзда⁵, чем те джинсы в обликпу, которые я видел на некоторых парнях, гордо расхаживающих в них по городу. Да. Такие джинсы были более смешны, и то я не смеялся. Другие очевидно считали, что имеют на это право. Не знаю почему, но меня страшно задела тогда улыбка этой девушки. Даже не столько из-за себя, сколько за всех людей, которые, может, пусть не ахти как красиво и со вкусом одеваются, но зато являются людьми, может, именно с большой буквы, со всеми обязанностями и ответственностью, налагаемыми словом Человек.

«Вот как! Значит, неважно, кто я, откуда, какими качествами обладаю. Если одет не по моде, уже повод позубоскалить? А ведь таких много – зазвучал в голове снова голос старика. Да, ваша. Теперь я понимаю, почему ты не можешь привыкнуть. Это ж подстраиваться, перерождаться, доказывать что-то кому-то. И сколько доказывать? И зачем?»

Я вспомнил про свое селение, про людей, которых знал с детства и которые знали меня и принимали таким, какой я есть. «Кто меня в этот город тащит? Зачем я здесь? Школа для детей есть? Есть. Работа при желании везде найдется. Родные, соседи, друзья... Нет. Неуютно мне в городе».

С этой мыслью я дошел до офиса Усмана. На стеклянной двери было написано «Открыто». Чуть выше расписание приема посетителей. Я отступил чуть назад и прочел «Агентство недвижимости «Парус». За широким окном офиса был виден угол большого стола и двое мужчин, рассматривающих какие-то бумаги. Один по описанию был похож на Усмана. Я постоял возле ступенек минуту, принимая окончательное решение, хотя уже в глубине души знал, что я сделаю. Через полчаса я был на пути домой, сокрушаясь, что зря расстроил своим упрямством родных и друзей. Вот так я и остался здесь. Через месяц начал постройку вот этого дома. Место здесь хорошее. Рядом речка, лес. Главное, конечно, рядом люди, которых я люблю, ценю, уважаю.

Я представляю, каким станет этот дом через полгода, как я посажу в саду молодые саженцы, как приведу в этот дом Зейнаб, как мы будем встречать гостей и навещать родственников, как будем растить общих детей. Как они, неугомонные и жизнерадостные, будут бегать во дворе и в саду, собирать синяки и ссадины, дружить и враждовать с другими детьми, как я в далеком детстве. Мне приятны эти воспоминания, мысли, мечты. Они, как кусочки пестрой мозаики, которые я складываю в картинку моей жизни. Я не знаю, что выйдет в конце, но верю, что будет хорошо, красиво. И эта вера рождает улыбку на моем лице и счастье в сердце.

¹ Синкьерам (чеч.) – вечеринка (букв.: веселье души).

² Гиллакх (чеч.) – традиционная этика.

³ Оьздангалла (чеч.) – традиционная культура.

⁴ Адат (чеч.) – обычное право чеченцев.

⁵ Оьзда (чеч.) – культурный, культурно.

Ахмадов Муса

Нуц хьовзор

Цхъана суртехь забар

Дакъалоцурш:

Бакъболат – нуц
 Бакъи – цуьнан накъост
 Курбика
 Хазбика
 Нурбика
 Заббари
 Байсари – нускал
 Баба – йокха стаг

Хеза «Нуц ву воглуш» цIе йолу йиш. Цхъанна чохь гулбелла стунийжарий, дехъачохь веъна ву нуц...

НУРБИКА. Мехкарий, кийчча хилал шайн забарш кечъй. Ас хIинца схъувалаво шун вайн нуц.

ЗАББАРИ. Схъа чу валаве ахь, хIара буйса йицлур яц-кха хьуна цунна цкъа а.

ХАЗБИКА. Иза а алий, шайш Iовдал дуйла цунна дIа ма хайталаш...

КУРБИКА. Ахь са ма гатдехъа, эла санна йолу вайн йоI – Байсари дIа а йигина, Iаш волу иза вайн карара ваьлла, цхъанхъа а гIур вац хьуна...

ЗАББАРИ (*дехъачу мохь бетташ*). Бехк ма биллалаш, стунийжаршна а лаъара нуц ган...

АЗ. ДIавало, хьо ган сагатделчух тер а ду церан.

2 АЗ. Хаза пхьегIа-м гур ю шуна, дукха ма хъежалаш, бIаьрг хуьлуйтур бу аш кхунна...

НУРБИКА. Невцана дан дезарг тхуна дика хаъа шуна, схъа чу ваийта аш...

Чу воглу нуц а, невцан накъост а.

КУРБИКА. Нуц мила ву шух?

БАКЪИ. Шун нуц хиллал гIаддайна а вац со... аьлча а , аьтто болуш вац со... Короче, хIара ву-кх шун хIаза нуц...

БАБА (*невцан накъосте*). Вай, Баба яла хъан делаI, ма хIаза а ву...

БАКЪИ. Ва, со вац ма боху ас шун нуц...ХIара ву-кх, ПIуртIи-ирзера Шахьболатан кIант Бакъболат!

БАБА. Ву? Дера вара шун дедеда товш стаг...!

КУРБИКА. Баба, хъан первый безам барий иза?

БАБА. Безам бара... ХIа, дIадовла хIинца, шайтIанаш, невцана хьалха эвхьАза къамелаш ма де...

ЗАББАРИ. Бакъболат ву бохурий ахь хIара? ХIара муха болат ву тхо хьовсур ду хьуна...

БАКЪИ. Иза а алий, кхуьнга шайш лаза ма дайталаш...

НУРБИКА. Со ма лАзаелахь, со иштта а ю хьуна сийсара эшкал кхетта...

БАБА. Са ма гатде ахь, БАБАС хІара ледара вуьтур вац хьуна...

БАКЪИ. Баба, хьох тешна вуьту-кх ас хІара сайн доттагІ. Дехьачу волу со.

БАКЪБОЛАТ. Бакъи ! Ма гІолахь, со а витий...

БАКЪИ. Сан бІаьргаш чу хьажал! Настройка ел!Все будет хорошо! Кхера ма ло. Будут наступать, соь мохь тохалахь...Со схьаьдур ву хьуна. (Давовьду).

КУРБИКА (*чІога йовлуш*). Хьа-хьа-хьа...

ХАЗБИКА. Хьуна хІун хилла?

КУРБИКА. ДІахьовсийша цо коьрта тиллинчуьнга...

БАКЪБОЛАТ. ХІунда йовлу хьо? Шляпа ю-кх хІара тхан эвларчу Дольче Габанас йина...

НУРБИКА. Жуьгтийн тезета воьдуш санна, Іаьржа шляпа а тиллина веана тов... (*Массо а воьлу*).

ЗАББАРИ. ДІаяккхяхь иза хьайн коьртара...

БАКЪБОЛАТ. Со мич-миччахь коьртара хІумнаш дІайохоуш вац.

НУРБИКА. Тарлора хьо коьртах чхьайнаш девлла хила.

БАКЪБОЛАТ. Со бакьволу нохчо волу дела, ас коьртара хІума цкьа бен дІа ца йоккху... буьйсанна дІавуьжуш...

КУРБИКА. Тхо долчохь ламаз оьцуш а йоккху хьуна ...

ХАЗБИКА. Эхьхеташ, воьхна, ша хІун дуьйцу ца хаьа пекьарна... (*Бабас Іаса охьайожайо. Иза схьаьэца охьатаьІначу невцан коьртара шляпа охьа йожайо Заббарис*).

НУРБИКА. ДІахьовсийша! КІунзал!

ХАЗБИКА. Вайн нуц кІунзал болуш хилла!

КУРБИКА. Дера хиллера-кх коьрта моз хьаькхна ван везаш, шляпа охьа ца йожийта...

БАБА. Вай БАБА яла хьан делаІ, мел хАза кІунзал бу... Схьаял кхуьнан пес! БІаьрг хуьлийтур бу аш! ГІемаш!.. Хала ма хеталахь... Іовдал бегаш болуш ду хІара бераш...

БАКЪБОЛАТ. На дурочек не обижаюсь!

НУРБИКА. Ватта, цо вайн аьлларг! Ма хаза гІиллакх долуш ву!

Хеза уьстагІ Іовхуш...

КУРБИКА. Ватта! И мила ву?

БАКЪБОЛАТ. Мила вац! Ас балийна сан дрессированни ка бу-кха. Яккхий хьийзина маІаш йолуш. Шу гена дала довлахь, чу эккхар бу, шуна кур а беттар бу!

НУРБИКА. Вай! Іаддабиталахь, хьеха а ца беш, со иштта а сийсара шура яккха яхча атто мийра тоьхна лАзийна ю хьуна...

БАКЪБОЛАТ. Бокъш, Бокъш! Цкьачунна ІаддаГелахь!

ХАЗБИКА (*невцан юххе хІоттийнчу гІанта тІе а йолш*). Хьовсийша, ма лоха а ву... метр с кепкой, аьлча а, метр с шляпой...

Массо а воьлу.

ЗАББАРИ. Лоха хилча-м хІумма а дацара, кхуьнан дуккха а ахча хилчхьана...

КУРБИКА. Хьовсий вай кхуьнгахь ахча мел ду?

БАКЪБОЛАТ. Не подходить! (*Хеза уьстагI Юьхуш*). Ас Бокъше схъакхойкху шуна...

НУРБИКА. Деллахь ма кхайкхалахь, иза иштта а етт озна сийсара божлара арайолуш, кхелли тIехь ког шершина, охъакхетта, лАзийна ю хьуна со.

ХАЗБИКА. лАзийна ю-кх хьо, хьо дуьненчу яьлча дуьйна...

БАКЪБОЛАТ. Суна тIе ма гIорталаш! Баба, держи оборону! Ас ахчанах дакъа дийр ду хьуна...

БАБА. ДIадовла гIемаш! Бабин пенсу тIекхеташ ду бах!

Мехкарий тIегIерта.

ЗАББАРИ. Кху чуьра ара-м вер вац ахча охъа ца тасахь...

БАКЪБОЛАТ (*ахча шен киснара схъа а доккхий, гIант тIе а волий, коьрта тIюьхула хьалаойуш*). Бакъи! Караул! Грабеж!

БАКЪИ (*чуэक्кха*). ХIун хилла, хIун хилла? КIунзал гучу-м ца баьлла?

БАКЪБОЛАТ. И гучубаьлла-м дукха хан яра... хIара ахча дIаэцахь...

БАКЪИ (*ахча шен кисана дуьллу*). ХIара ахча-м хъаха дац шуна юккъехь дIасакхосса йиш йолуш. ХIара стунйишица хIума яа охъахиьча шуьна чу дилла дезаш ду...шун къеначу жижгах тийсавелла ваьллачул тIаьхъа...

БАБА. Бирежнев дIаваьллачу шарахь эцна етт ма бара иза...

БАКЪБОЛАТ. Цунна тIера биен эцна-м бацара иза?

БАБА. Ахча дайлуш ду аьлла, эцна бара-кх... Шу невцалгIа дахка цхъа де тIаьхъадиснехь, шен Южаллех дIабаха мегаш бара...

КУРБИКА. ХIинца мукъна восса цу динара...

ХАЗБИКА. Оха хIун до хьох хIинца, хьобгахь ахча а ца хилча...

БАКЪБОЛАТ. Ца вуссу...

НУРБИКА. Восса керта тIера охъа, тхо нахана тIедетталуш жIаьлеш ду-м ца моьтту хьуна?..

БАКЪБОЛАТ. ЖIаьлеш-м дац, уьш санна меца-м ду! Тешам бац шух!

БАБА. БАБА яла хъан делаI, мел хАза а ву! Памятник санна!

БАКЪБОЛАТ. Памятник вина аш сох! Когаш лехна сан!

БАКЪИ. Бакъболат! БIаьргаш чу хъажал! Все под контролем! ХIинца меллаша охъавосса! Думай о высоком!

БАКЪБОЛАТ охъавуссу

БАКЪИ. Шек дIа а ма вала, ахча вайгахь ду, ткъа хьобгара яккха хIума а яц...если что я рядом...

БАБА. Са ма гатде ахь, кхуьнан стунвежарийн самукъа даккха ахь... стунйижаршца-м Баба а ларор ю хьуна...

Гучуйолу набарх яьлла Байсари.

БАЙСАРИ. И хIун памятник яра кху чохь аш йийцинарг? Самаяьккхи-кх аш со...

ХАЗБИКА. Изий? Массо а Ювдалчу невцана хIоттийна памятник яра-кх. Ахь хъайн набье! Цига дIаяхча, наб ян йиш хир яц хъан...

БАЙСАРИ. Вай! Шун ца вевза иза! ХIара обгIазвахча мегаш ма вац...

КУРБИКА. ХIун до кхуо?

БАЙСАРИ. Схъа а лоций, чуьра цигиг корах ара кхуссу-кх...

БАБА. БАБА ма яла хъан... ша санна хАза ю-кх кхуьнан амалш...

ЗАББАРИ. Кхунна кху чохь лаца цигиг дац...охъао веза хIара... кIадвелла хир ву, пекъар...

НУРБИКА. Нуц велахь а, адам ма ду хIара а...

БАЙСАРИ. Хезий хьуна, ас элирий хьобга, жимма традицеш ларъеш хьо хьовза а вина, ІаддаІийр бу сан эсала йижарий...

Цхьана чохь дама а долуш текха чу а хааво.

БАКЪБОЛАТ. Бакъи! Бакъи!

БАКЪИ (*чузккхи*). ХІун хилла? ХІун хилла? Хьан багара кхема охьа-м ца боьжна?

БАКЪБОЛАТ. Кхема-м «Моментаци» дІалатийнера ас... ХІун кхема буьйцу ахь? Кхара со мича чу хайина, хьажахь...

БАКЪИ. Хьой? Хьо дама чохь долчу текха чу хайина-кх! Ха-ха!

БАЙСАРИ. Ватта! Хезий хьуна! Галнаш ян охьахІоттийна ма дара хІара текх кхара... Ты только ничего не подумай!

Массо а воблу.

БАКЪБОЛАТ. ХІун хазделла шуна?

БАКЪИ. Хьуна хилларг хІумма а дац хьуна.. со невцалгІа вахча, со хІоаш тІе хайира хьуна...

БАБА. Хьо дІаваханчул тІаьхьа оцу нехан кертахь кІорнеш алсам девла бохура хьуна...

БАКЪИ. ХІей-хІей, со беркате нуц хилла-кх!

ХАЗБИКА. Ткъа хьол хьалха веьнарг оха котам бун чу вобллира хьуна...

КУРБИКА. ХІетий, шек ца волуш, цу чьура хІоаш цхьаь ца дуьтуш сьха а гулдина, кІур бира хьуна цо цигара...

БАКЪБОЛАТ. Соьца и бегаш чекхбевр бац шуна... Со Шахьболатан кІант БАКЪБОЛАТ ву шуна! Бакъи! ХьалагІаттаве со! ХІун деш лавтта хьо бага а гІаттийна? Цхьа минот-м йоккхур яц ас кху чохь! ХІокху гІиллакх доццу нахаца гергарло а ца оьшу суна! (*ХьалгІотту, неІаре волу*).

БАЙСАРИ. Со а ца оьшу хьуна? Ткъа вайшинна мечта – грозненский море сьхабиллича, цу тІехь лодка хахкар?

БАКЪБОЛАТ. Вайшиннан лодки чу шиь бен ца хаало! И безродственников! Къастам бе: со, я хьайн цІера хІара Іовдалш!

БАЙСАРИ. Ас къаство хьо, ТІуртІи-кІотарар сан капитан Немо! Ас кхин цаьрца цхьа минот йоккхур яц. Хьалхавала, вайша цІа доьду!

ХАЗБИКА. ДІагІо! Цу ТІуртІи-кІотарар араяла Дала пурба ма лойла хьуна!

НУРБИКА. Пердател! Шайн хьерабаьлла ка а дІабигалаш шайца...

БАКЪИ. ЦІе яла хІокху белхан, дела! ХІара ду-кх декъАзчунна де цІера а йогІу бохург...

БАБА. ХІей, кІант, хІей! Бабина ахча а ца кховдош гІур хир ма вац хьо?

БАКЪИ. Баба, ахча хьехочохь дац хьуна гІуллакх... хІара кхин гена ца долуш, вер-ваккхар доцуш дІадерзийта хІара... итт туьма-м ло ас хьуна... хьо кхарал массарал товш йолу дела...

БАБА. Вай! Боккъал боху ахь?

БАКЪИ. Клянусь, Баба, цхьа изюминка ма ю хьобца...

ХАЗБИКА. Собардел цкъа, соьца яахІума яа охьахиьча, шуьне дилла дезаш долу ахча охьатасал!

БАКЪИ. Шайн яахІуманан чам байьира аш... тхо ресторане доьлху... (*Арахьоду*).

ЗАББАРИ. ДІагІо шу! Тхо бухахь карор ду шуна!

БАБА. Ой! Соьца цхьа киш-миш ю ца элира цо? Ванакх! Шайца мала хІума еарий цара?

НУРБИКА. Ахь хІун дуйцу, Баба? Малар дохьуш йолу зама дІа ма яьлла!

БАБА. Аса-м «Рэдбул», «Адреналин раш» бохура...

ЗАББАРИ. Ахь хІу до, Баба, царах

БАБА. Муха хІун до? Бабина а ма еза энерги...

КУРБИКА. Хьуна стенна оьшу энерги?

БАБА. Дера йоллу, Баба, шуна керла нуц вайита....

ВСЕ. Керла нуц?

БАБА. Захало ду бабина дуйцуш...

Хеза «Нуц ву вогІуш» йиш. Массо а хелхарца дІавовьду.

Вовшахкхетар

Шина суртехь комеди

Дакъалоцуруш:

Сату

Сатун кІентий: Ваха, Вахийта, Виса, Висита, Висарг

Мизан – Сатун йоьІан йоІ.

1 Сурт

Сату шен керта вогІу, чоьІа оьгІазвахана.

САТУ. Хьажахь, тІехтоха кийчча Іаш хилла-кх, Салман аьлча а, ва муката. Кхунах маца хилла стаг. Пхеа кІантах хІун до боху-кх, уллохь ца хилча? Хьан берийн ахчанах хІун до, бусалба нахана пайдехь ца хилча? Суна тІехтохам бан кІелхиьна Іаш хилла-кх. Бийр бацара хІокхара ца байтинехь-м, ва кІентий аьлча а, кхерсташ лела жІаьлеш.

МИЗАН. Ва, воккха дада, хьо хьанна луйьш ву, хьо ма оьгІазвахана.?

САТУ. Со хьаьнга луйьш ву-м хуур ду хьуна. ДІаязде оцу свитер чу а ялий.

МИЗАН. Ва, воккха дада, свитер тІеюхушьерг ю, иза твиттер ю. Иштта ютуб, фейсбук, однакласникаш а ю.

САТУ. Оцу жинийн базарийн цІерш-м ца хаьара суна, сихха дІакхочучу агІор дІаязде ахь.

МИЗАН. Цкъа хІума яяхь, воккха дада, нанас жижган чорпа яийтина хьуна.

САТУ. Цъа а хІума юур яц, сихха лела хьо.

МИЗАН. ХІинцца загрузка еш ю компьютер. Ели... Воккха дада, хьоьга шортта кехаташ деана Францера а, Красноярскера а, Автралера а, Лос-Анджелесера а. Массара а хьан могошалла хоьгту, массара а шаьш хьуна ахча тесна а боху по вестерн юнион.

САТУ. Ас хІун до кхеран ахчанах? Суна сайн пенси а тоьу.

МИЗАН. Воккха дада, и ахча ас сайн схьаэца мер дуй?

САТУ. Мегар дац. Цунах хІун дан деза ца хууш вац со а... ДІаязде ахь... Шун да кІелвисина цомгаш ву, лоьраша кхана Іуьйренга вер ву-вац ца хаьа боху, сихха цІакхача.

МИЗАН. Сагаддйр ду-кх цара.

САТУ. Хьайн бала боцуруг ца дуйцуш, дІаязде ахь.

МИЗАН. ДІаяздин.

САТУ. Даяздинехь, цаьрга массаьрга а дIатаса.

МИЗАН. ДIатосу. Красноярск – дядя Ваха. Париж – Дядя Вахийта, Лос-Анджелес – дядя Висийта, Австрали – дядя Висарг. БердкIеларчу вашига яздой?

САТУ. Цуьнга а язде, и гучувалАза а баьлла кхо бутт... Вуьйш-м кхаа шарахь а кху юьрта баьхкина а бац...

МИЗАН. ДIатеси массо а адресца.

САТУ. Дика ду. ХIинца хьовсур ду вай жижган чорпин чоме а...

2 сурт

Керта волу Висарг. ДIасахьожу.

ВИСАРГ. Уой, кху кертахь гуш-хезаш хIумма а ма дац... Ша Австралин пана арахь сана, ма тапъаьлла ду кхузахь.

Керта волу Ваха.

ВАХА. Уой, ма тийна ду кхузахь, ша Сибрехарчу тайгахь санна...цIийна тIехьа стагга а вуй-техьа...

ВАХИЙТА (*керта волу*). Бонжу... Кху кертахь-м вац бонжу ала стаг. Го таса ас кху цIенна... (*ЦIийна техьа волу*).

Висита (*керта волу*). Хэлло! Уой, хьаьжча цхьа стаг а ма вац гуш...бешахь хир бу... (*ЦIийна тIехьа волу*).

Гучуволу Висарг.

ВИСАРГ. Тезет дIаерза хан а ма яц... Стомара кхаьчна-кх соьга и кехат.

ВАХА (*гучуволуш*). Тезет кхаа дийнахь лаьтташ ма хуьлу...

ВИСАРГ. Уой, ВАХА хьо вац иза. Марша вогIийла.

ВАХИЙТА (*гучуволуш*). Марша вогIийла шуьшиь.

ВИСИЙТА (*гучуволуш*). Шу муха кхаьчна? Марша догIийла...

ВИСАРГ. Марша хьо а вогIийла. Со-м кехат кхаьчна веана.

ВИСИТА. Со а веана...

ВАХИЙТА. Со – шу чудогIур ду аьлла хезна...

ВИСАРГ. Иштта со а веана-кх, кху кертахь стаг а вац.

ВАХИЙТА. Хетарехь вайга кехат тIаьхьа кхаьчначух тера ду... Тезет дIадирзинчух тера ду...

ВИСИЙТА. Со ца теша, Дада! О, мой гад!

ВАХА. Сам ты гад! Делахь вайна тIе йоккха юьхьIаьржо еана... Вайн да, вайх тIехь лаьтташ цхьа а воцуш, наха дIаверзийна...

ВАХИЙТА. Делахь ма дика ду иза...аьлча, вайн цIадахкар нахана гIарадалале вай кIур бан беза кхузара...

Эццахь гучуволу Сату.

ВИСАРГ. Дада!

ВАХА. Дада! Хьо мичара вогIу?

САТУ. Сой? Со кешнашкара вогIу-кх!

ВИСИЙТА. Муха? Каш чуьра хьала а гIаьттиний...

САТУ. Каш чу дIакхачАза ву со... Вайн гергарчийн а, шун ненан а баьрнаш тIе а хIиттина вогIу. Тахана пIераскан де ма ду...

Массо а цецваьлла.

ВАХИЙТА. Тхобга яздинера хьо цомгаш ву аьлла...
 САТУ. Хала-м ца хетта шуна со могаш а, дийна а карийна?
 ВИСАРГ. Ахь хIун дуьйцу, дада!
 ВИСИТА. Ма дика ду хьо иштта волуш!
 САТУ. Дика делахь, схьадуьйла охьаховша.

Охьаховшу.

ВАХА. Ма дика ду, вай массо а вовшахкхетта. Виса мичахь ву?
 САТУ. Изий? Иза Берджелахь ву-кх.
 ВАХИЙТА. Берджелахь хIун деш ву иза?
 САТУ. Аш диннарг деш ву-кх иза а.
 ВАХА. Оха хIун дина?
 САТУ. Шу шайн зударша де аьл-аьлларг дина, цаьрна тIаьхьа а хIиттина дIадахана дуьне мел ду. Иза а дIаВАХАна шен стунцхой болччу Берджела.
 ВАХА. Вай, кху кертахь цIенош а дина, хьобца Iаш вацара иза?
 САТУ. ЦIенош дохийра цуьнан тIом болуш. Уьш кхин метта ца хIиттош дIаВАХА-кх, стунвешин десса лаьтгаш цIенош ду аьлла.

Гучуволу Виса.

ВИСА. Де дика дойла хьан, дада! Марша догIийла, шу, сан хьевзина вежарий!
 ВАХИЙТА. Мила ву кхузахь хьевзинарг?
 ВИСА. Крутой бохург ду иза...
 ВИСИТА. Берджелара хьо схьакхачале Австралера Висарг а кхачна...
 ВИСИТА. Берджелара и берд тIе-м ца хаьрцинера хьуна!
 ВАХА. Я мацах цхьа ламаро санна, и берд лаьцна лаьтгаш вара хьо?
 ВАХИЙТА. Хьо вала велла, стунцхошкахь Iаш веца! Хьайн да охьа а кхобссина.
 ВИСА. Стунцхой ца леринарг стаг вац олу наха... Шун вешина и ца алийта гIерташ, кхьаьобгуш ву-кх со...
 САТУ. Ахь вайн дерриге тайпан хьалхара а лерина-кх хьуна и стунцхой.
 ВИСИТА. Шек дIа ма вала хьо, дада. Ас Лос-Анджелесе дIа а вигина океан юххехь Ийр ву хьо... Хьан хеннарнаш чохь Iаш цхьа хАза хIусам ю цигахь.
 ВАХИЙТА. Ахь юьйцург хIун хIусам ю суна хаьа. Дом престарелых! Сан да-м вуьгур вац цига. Ас Париже дIавуьгур ву иза. Сан Парижехь йолчу квартирехь Ийр ву хьо, сагатделча Лувре а вьодуш. Хьобга хьажа ас цхьа сиделка лоцур ю, цхьа Софи Лорен...
 ВИСАРГ. ХIан-хIа, Дада, ас сайца дIавуьгур ву хьо. Дада, хьо уьстагIий дукха дезаш а вара. УьстагI болчу кертара беркат дIадер дац олур-кха ахь. УьстагIан жижиг дика дакъадора-кх ахьа. Австралера аборигенаш Iамор бу ахь уьстагIийн жижиг дакъо.
 САТУ. Хьо хьуо ду-кх цхьа дакъийна жижиг! Со шуьца цхьаьнцца а дIавоьгур вац, кху цIера ког а баьккхина. Цул а шайн гIуллакхаш муха ду дийца?
 ВАХА. Оцу дIадаьллачу кхаа шарахь сан Уренгойра нефтяной кампанин акцеш шозза алсамьевлла... Тхан капитал кхо миллиард долларе кхачна...
 ВАХИЙТА. Иштта-м сан Пьер Карден фирмано цIенна бина пайда бIе итт миллион евро кхачна.

ВИСАРГ. Иштта-м сан уьстагИий итт эзарнал тЕхдевлла.

САТУ. Шу ахчанаш, даьхни ца дуйцу ас... Вуьшта хІун ду цигахь?

ВИСАРГ. Тхан Австралехь кенгуруш ю, крокодилаш а, аборигенаш а бу, уьстагИий а ду, со а ву...

ВИСИТА. Лос-Анджелесехь дуьненна а евзаш кехатех ловзу меттиг а ю – Лас-Вегас... Седарчий а ду дуйладелла лелаш.

САТУ. Ду? Седарчий? Дуйладелла лелаш... тІаьхъара зама ю... тІаьхъара зама.

ВИСА. Тхан БердкІелахь помидораш ю, сермсекхаш бу, Іаламат дика нах бу, вайн ламарой чІогІа дукха а беца царна...

САТУ. Ламаройх дерг-м ца хаьа сунна, хьо-м чІогІа тайнчух тера ду царна... ХІинца соьга ладогІа жимма. Ас шу дукха дахийта, Деле доьхуш, цІераш техкхинера шуна: Вахийта, Висийта, Виса, Висарг, Ваха, шу нахана пайде адамаш хиларе Сатуьйсус. Шу ишта хир дуй хиьнехъара, Маваха, Мависа, Мавахийта, Мависарг аьлла туьллур яра.

ВАХА. Иштта ма алахьа, дада.

САТУ. Шаш-шайна дахарх ма ца тоьа, мискачу нахана хІун пайда бина аш?

ВАХА. Ас Сибрехахь цьхана поселкехь церковь яйтина. Цул тІаьхъа цу юьртарга гІазкхий мел чІогІа хийцабелла хаьий хьуна? Кьаркьанаш а ца муьйлуш... ткьа церан бераш вайчарех тарделла...

ВАХИЙТА. Даьдиса вай, массанхьа ларош ду...

ВИСАРГ. Ас кхузткьей итт километр керт яйтина Австралехь аборегенийн латта сайна чулоцуш, царна болх бан меттигаш а еш.

ВАХИЙТА. Ас Альпашкахь догІанаш деана некьаш дохийча, цигарчу цьхана юьрта боьду некь табайтира, тІай тиллийтира, цу тІайнна дада, хьан цІе а тиллийтира... лоь пон доь Сату...

САТУ. Ма ца оьшура и дуьненан хІуманаш...

ВИСИТА. Ас Анджелина Джолин благотворительни фонде цьха миллион доллар ахча диллира.

САТУ. ГІийлачу нахана гІо дар мел бу. Цьха миска хир ю и Анджоли. Ас сайн пенсех цьха бІе туьма дохьуйтур ду цунна...

ВИСА. Ас стунвеша кертахь самсекхаш дІабийна, стуннанна котаман бун йина, стундена уьстагИий чу лахка жобла а бина, стунйишина хьалхара гІала йобдуш автобусах ахча дІаделла, стуншичина...

ВИСИТА. Стоп! Ахь кьаьхъа де дина, кхин дІа ма дийцалахь...

ВАХА (*телефон тІе хьобжуш*). Дада, со срочно дІаваха веза, тха компанин акциш яйлуш ю боху, Японера инвесторш баьхкин боху, суьйранна Минводера кема ду цига. Со кесста и бераш далош цІа воьгур ву хьуна...

ВИСАРГ. Дада, со кеста юха воьгур ву хьуна, со катоьхнна дІа ца кхачахь, сан уьстагИий акхадевр ду.

ВАХИЙТ. Дада, Дала латтавойла хьо тхуна иштта могуш а маьрша а, со а дІакхача веза Париже, Пьер Карден чІагІвелла боху, уллохь ца хилахь, цо весет хьанна яздо а ца хаьа...

ВИСИЙТ. Со сихха юха ца воьдахь, сан роль Голливудехь дІайоккхур ю, сан контракт хІаллакхир ду.

ВИСА. Дада, со а дІаваха веза... Стунваша ву боху Москвара машен ялош воьгуш, со дІа ца вахча ков делла стаг вац цунна...

САТУ. Собар! Цунах гІуллакх хир дац! Мизан!

Гучуйолу Мизан.

МИЗАН. Марша догИйла, вашиГар!

ВАХА. Маршала хуьлда хьуна а.

ВИСИЙТА. ХIара мила ю?

САТУ. ХIара шун цхьаь бен йоцчу йишин ХИжанаан йоI ю, Мизан. ХИжан ца хиллехьара йиш а ца хиллера. Дера бакъ ма хилла, йоIана дех къа хетар алсам хуьлу бохург.

САТУ. МИЗАН, гIалара хьеший схьакхьачний?

МИЗАН. Схьакхьачна. Чудуьйла!

Чуволу ши оператор.

ВИСИЙТА. Шу муьлш ду?

1-ОПЕРАТОР. Тхо «Грозный» телеканалера ду.

ВАХА. Аш хIун лела до?

САТУ. Уьш ас кхайкхина. ХьалагIовтта, суна тIехьа дIахIийтта. Кийча дуй шу?

2-ОПЕРАТОР. Кийча ду.

САТУ. Ассаламу Iаллайкум салам-маршалла ду шуьга, хьомсара махкахой. Со ГIачIармера Атун кIант Сату ву. ХIара бераш маьI-маьIпера, аьлча а вайн чуьра ду. Кхарах виь дуьненан тайп-тайпанчу меттигашкахь вехаш а, дика ларош а ву, ткъа хIара пхобалгIниг стунцхошца гIиллакх лелош, суна шех бала ца беш, хАзанеха санна оьзда стаг ву. Тхан лераме паччахь Рамзан! Вайн мохк цIинбеш, хАзбеш, ахь бечу балха тIехь хьуна гIо дан дагахь ду хIара вайн бераш. Воккхачо кху ГIачIармехь маьждиг дийр ду боху.

ВАХА. Асий? ХIинцций?

САТУ. ХIаь. Цул жимахчо, Францехь вехачо, кху юьрта богIу некъ буьллур бу, тIай туьллур ду боху.

ВАХИЙТ. ТIаьхьа, тIаьхьа.

САТУ. ХIаь, хIинцца. КхоалгIачо, Австралехь вехачо юьртан кешнашна гонаха аьчган керг йойтур ю боху.

ВИСАРГ. Асий?

САТУ. ХIаь, ахий! Iамеркехь вехачу, кху юьртехь цIенош дохийнчарна керл цIенош дойтур ду боху. Уггар хьалха шен вешийна дойтущ.

ВИСИЙТА. О май гад!

САТУ. Май гад бохург ингалс маттахь ша реза ву бохург ду.

ВИСА. Дела реза хуьлда хьуна, дада, со виц ца варна...

САТУ. Ткъа и берриге а белхаш бан хIокхо шен стунцхой хьалабалор бу боху...

ВИСА. Дада, и берд тIехарций-кх ахь суна...

САТУ. Дала шен дуьхьа дойла кхеран гIуллакхаш. Сан къамел цу тIехь чекхдолу, шун Iодика йойла, марша Iойла.

1-ОПЕРАТОР. Баркалла, ваши. Хьан къамел суьйранна новосташкахь хир ду хьуна, хьажалахь.

2-ОПЕРАТОР. Тхо дIадоьлху, Iодика йойла.

САТУ. Iодика Дала йойла.

Оператори дIабоьлху.

САТУ. ХIинцца дIагIо-кх ша ваьхьарг.

МИЗАН: Бакъ!!!

Музыка.

Магомед Кудает

Кудает Магомед Хасанович (1933). В 1944 году был депортирован в Среднюю Азию. В 1957 году служил в Советской Армии. В 1965 году окончил техникум по контрольно-измерительным приборам в городе Семипалатинский. С 1965 года работал в Нальчике электротехником. В 1972 году окончил высшее кулинарное училище. С 1980 года публикуется в кабардино-балкарских газетах и журнале «Минги-Тау»

Вышли книги «Судьба» (1995 г.), «В дороге» (1998 г.), «С огня в пламя» (1995). В настоящее время в издательстве готовится к печати книга «Жилуун парий этген мискин» («Бомж, который оплакивал собаку») на балкарском языке. Членом Союза писателей России.

Добрейшей Души Кёкей

Вероятно, они и не прославили свой народ на весь мир, но в прошлом веке у нас достаточно было представителей, искренне переживавших за чаяния своих земляков. Сегодня я хочу поведать об одном из них, сыне Хасауова Кануки Кёкее. При жизни Всевышним ему было даровано ясновидение и незаурядные способности лечить людей. Помимо этого он обладал и небывалой душевной щедростью, чему подтверждением является тот факт, что ни с бедных, ни с богатых не принимал никаких благ за свои услуги. Люди же, не находя объяснения его чудотворным действиям, горазды были распространять разного рода кривотолки.

Даже сегодня таких людей, как Кёкей, иначе как «ясновидцами» или же «людьми с паранормальными способностями» не называют, и объяснить их действия на доступном для среднестатистического человека языке наука еще не может. В народе тоже их называли «ясновидящими, яснознающими», а то и «человеком с джиннами» или «с третьим глазом», и неслись сплетни по улице из дома в дом, распространяя небылицы о джиннах и третьем глазе. Так обстояли дела и с Хасауовым, пока его авторитет не утвердился окончательно, завистники не теряли время зря. А он, не обращая на это никакого внимания, неустанно старался помочь людям: одного больного за другим лечил травами собственного сбора, ставил на ноги безнадежных больных, и успехи его становились неоспоримыми.

Отец Кёкея Канука был довольно состоятельным человеком. Его сыновья Кёкей и Голой были надежной опорой для отца, во всем его поддерживали, всячески ему помогали, слово отца было законом для сыновей. Помимо материального богатства, Канука был мастером кузнечного дела. Когда Голой занялся хозяйством, разведением скота, Кёкей, помогая отцу в кузнице, внимательно вникал во все тонкости этого ремесла и стал искусным кузнецом. Из-за этого в Балкарии их в шутку прозвали «Темирчилары», т.е. «Кузнецовы».

В пожилом возрасте, когда Канука практически перестал заниматься хозяйственными делами, все накопленное богатство, без всякого дележа, уступил сыновьям, позволив им распоряжаться по собственному усмотрению. Что и говорить, сыновья не оплошали, достойно приняли все хозяйство в свое управление. Как говорят в народе, «что орленок увидит в гнезде, то

повторит орел в полете». С детства имея перед глазами положительный пример в лице своего отца, они не стали транжирить нажитое, ответственно отнеслись к ведению хозяйства и только преумножили свое добро. В этом большая заслуга принадлежит Голою. После того, как стало известно о незаурядных способностях, Кёкей больше времени посвящал врачеванию: сбору лекарственных трав, их сушке в недоступном для солнечных лучей месте, приготовлению чудодейственных снадобий. А Голой тем временем занимался ведением животноводческого хозяйства. За короткое время во врачебных способностях Кёкея убедились и стар и млад. Случилось это в силу того, что его действия были одинаково результативны как в педиатрии, так и во взрослой терапии. К шутливому прозвищу «Кузнецовы» селяне добавили еще одно: «Врачеватель».

В свободное от врачевания время Кёкей занимался торговлей, перегонял за перевал табуны и сбывал там, постоянно имел доход. В Грузии они имели приличный земельный участок. Не считая лошадей и крупного рогатого скота, 16 тысяч голов овец. Но при этом никогда между ними не возникало противоречий, жили в дружбе, из-за чего им и завидовала вся Балкария.

К тому, что главным занятием для Кёкея является врачевание, Голой отнесся с пониманием. Он гордился тем, что его брат, не имея никакого образования, соблюдая пост, совершая намаз, благодаря дарованию Всевышнего, творил чудотворные действия, ничем ему не мешал, а наоборот, всячески создавал благоприятные условия. Несмотря на то, что хозяйством в большей мере занимался Голой, когда предстояло принять какое-либо серьезное, значимое решение, всегда оказывал честь брату, советовался с Кёкеем и принимал окончательное решение, прислушиваясь к его мнению.

Лекарственные растения, высушенные и размельченные, хранились на полках в рабочей комнате Кёкея, в стеклянных бутылочках без каких-либо надписей или меток. Необходимое для лечения больного растение среди многочисленного разнообразия он безошибочно находил только ему одному известным способом, правда, иногда, для убедительности, принохивался. Удивительным было и то, что больного, который обратится к нему за помощью и то, каким образом можно будет ему помочь, он накануне видел во сне.

Как-то раз вместе с несколькими товарищами Кёкей собирался в дорогу – за перевал перегонять табун на продажу, навьючил свои котомки с необходимыми в пути вещами и едой на коня. Табунщики, заранее перегнав табуны в Долину Нарзанов, дожидались там Кёкея, готовые отправиться в дальнейший путь. Кёкей же, несмотря на свою полную готовность, не спешил в дорогу, выдумывал какие-то причины и тянул время. В Мухол к Кёкею прибыли мужчины из рода Глашевых. Это были три сына Глашева Эльмурзы. По их мрачным, опечаленным лицам легко можно было догадаться о том, что прибыли они не с радостными вестями. Мужчины, не заметив Кёкея, находящегося в тени дома и завозившегося – то загружавшего, то снимавшего груз с коня, – прошли в дом и увидели Голоя. Махмут и Махай с мольбой смотрели в глаза Голою, взывая о помощи, а Масхут сказал:

– Нашего брата Цефея истерзал медведь, разве что душа в теле, надежды, что он выживет, нет никакой...

Голой, ни о чем не расспрашивая, оставил братьев в доме, а сам вышел к Кёкею:

– Отложи в этот раз свою поездку, тебя ждут три сына Эльмурзы Глашева, говорят их брата Цефея растерзал медведь, поторопись к нему.

Думал ли Кёкей после этих слов о базаре? Конечно же, нет! Зашел в дом, наспех поздоровался с ожидавшими его братьями Глашевыми, взял все, что может понадобится для своих процедур, вскочил на своего оседланного, подготовленного в путь коня и направился к больному. Там, в доме Эльмурзы,

застал ужасающее зрелище: еле дышащий Цефей, весь в крови, в одежде, разорванной в клочья, бездыханный, лежит в кровати; собравшиеся женщины оплакивают его живого, даже не пытаясь оказать какую-либо помощь.

Кёкей первым делом попросил всех, за исключением супруги Цефея, выйти из дома, открыл окно, чтобы помещение проветривалось; поскольку не было возможности раздеть больного, разрезал одежду и обнажил раны. На теле не было живого места. Не считая мелких царапин, он насчитал двадцать семь глубоких ран. Больше всего Кёкея беспокоила рана на голове – кожа от затылка до макушки была перекинута на лоб, медведь почти скальпировал его.

В первую очередь лекарь принялся за глубокие кровоточащие раны. Прочистил, обработал своими лекарствами, наложил тампоны из хлопчатобумажной ткани, перевязал, остановил кровотечение. Следом занялся ранами на голове. Осторожными движениями, стараясь не прикоснуться к ранам ничем, что может навредить, очистил раны от грязи и запекшейся крови, установил на место скальпированную кожу головы, еще раз обработал открытые раны и перевязал.

Народная молва до наших дней сохранила информацию о том, что при лечении ран на голове Цефея, стремясь избежать заражения и осложнения, Кёкей всю грязь из раны слизал языком. Этому больному народный врачеватель уделил почти месяц времени. День и ночь находился рядом с ним и, с Божьей помощью, поставил на ноги. Отходил от него только при необходимости посетить несложного больного и для приготовления лекарства. Весть о том, как Кёкей спас от верной смерти умирающего Цефея, облетела Карачай и Осетию. Те же, кто имел искаженную информацию о данной ситуации, шутили, придумывали и рассказывали различные легенды, будто они являлись очевидцами смертельной схватки охотника с двумя косолапыми.

На самом же деле сын Глашева Эльмурзы Цефей был известным во всем крае бесстрашным и умелым охотником. Но в этот раз случилось так, что медведь неожиданно напал на него со спины. На короткое мгновение Цефей замешкался, но тут же сориентировался и какое-то время они боролись: пока не удалось распороть ножом брюхо хозяина леса. Вот тут-то зарычал медведь так, будто гром прогремел, и упал навзничь. Пока Цефей, сидя на бездыханном трупе хищника, рассматривал свои раны, откуда ни возьмись, появился второй. И опять же медведь прокрался со спины и навалился на него. К счастью, нож был не в ножнах, но сил у Цефея не оставалось и, кроме как обороняться, ничего не оставалось. Все же ему удалось нанести лохматому несколько ощутимых ран, пока тот играл с ним, как кошка с мышкой. Но в момент, когда медведь, чуть отступив, приготовился к решающему прыжку, Цефей выставил перед собой нож, стараясь держать так, чтобы хищник наткнулся на его оружие. Вот здесь, с Божьей помощью, и повезло Цефею: оружие джигита вонзилось прямо в сердце зверя, что и спасло охотника от верной гибели.

Ни один из трех сыновей Кёкея не проявил никакого интереса, внимания и не пытался перенять его знания и умения. К радости Кёкея, у его двоюродной сестры со стороны матери Гошай Асановой проявились склонности к целительству, она с большим желанием помогала Кёкею, училась у него, приложила все усилия для познания секретов врачевания, и, в конце концов, сама стала лечить женщин. До этого нередки были случаи, когда женщины из-за застенчивости так и не решались говорить о своих болезнях с мужчиной и тем более демонстрировать больные места и, не получив своевременной помощи, умирали. Гошай, вникая во все тонкости и получая рекомендации от своего наставника, оказывала действенную лечебную помощь в лечении женщин не только своего села Мухол, а всей Балкарии.

Несмотря на то, что Кёкей не занимался разведением скота, у него совсем

не бывало свободного времени. Если выдавался какой-то промежуток свободного времени, он пропадал в кузнице, занимался ковкой. В те времена кузнечное дело было очень востребовано, являлось необходимой частью хозяйственной жизни народа. Начиная от простой тятки и топора, заканчивая плугом, Кёкей умел изготавливать практически все необходимое для ведения сельского хозяйства. Во время строительства в Балкарском ущелье дороги для гужевого транспорта он также вложил огромный личный труд. Без чьего-либо распоряжения, добровольно переместив свои кузнечные принадлежности в теснину Зылги, обустроив там временную кузню, еженедельно безвозмездно один день работал на дороге: подправлял, приводил в рабочее состояние притупившиеся инструменты дорожников, используемые в строительстве, тем самым облегчая их тяжкий труд.

Как-то раз, накануне очередного рабочего дня с дорожниками, Кёкею приснился тяжелобольной молодой парнишка. Дождался его, пока солнце прилично не поднялось, но, так никого и не дождавшись, собрался и пошел помогать дорожникам. В момент, когда он уже растопил печь и даже успел подправить несколько инструментов, увидел торопливого всадника, направлявшегося из-за поворота. Хоть он и не был уверен, что всадник к нему, но, как только тот приблизился, Кёкей произнес:

– Что случилось? – и вопросительно посмотрел в лицо.

Всадник долго не церемонился:

– Из Жемталы привезли тяжелого больного и ждут тебя дома, – так же быстро развернулся обратно.

Кёкей только попросил одного из дорожников собрать его кузнечные инструменты, сам же вскочил на коня и так же быстро, как и гонец, направился в село. Кёкей просто не заметил, что в пору, когда он растапливал в кузне печь, мимо проехали два всадника. Но даже если он увидел бы их, все равно, не добравшись до дому, помочь им не смог бы. Разве что, не растапливая печь, одновременно с ними прибыл бы домой, чем и сэкономил бы время.

Прибыв домой, Кёкей поменял рабочую одежду, теплой водой с мылом тщательно помыл руки, вытерев их чистым полотенцем, приблизился к больному. Сняв временную повязку, внимательно рассмотрел рану, да и руку целиком. Рана на руке уже гноилась и поднималась гораздо выше очага гноения, а рука почти до локтя вся почернела. Правда, выше локтя черноты было меньше, но отек четко просматривался до самого плеча.

Судя по рассказам сопровождавших, парнишка находился в урочище Сукан-Су, присматривал за скотиной. Оставшись в кошаре один, он возился с ружьем, то заправлял патроны в патронник, то вытаскивал их оттуда. Не сумев достать застрявший патрон обычным способом, парнишка стал выковыривать его шилом, а патрон неожиданно взорвался и поранил руку. Напарники не придали особого значения случившемуся, перевязали рану и успокоились. На следующий день рука заметно отекала, боль стала нестерпимой, и парень вернулся в село. Дня два он посещал сельских эфенди, они читали какие-то молитвы, совершали свои процедуры, но никакого облегчения так и не наступало. Напротив, рука еще больше отекала и почернела, рана начала гноиться... В таком состоянии его и привезли к Кёкею. Внимательно рассмотрев руку со всех сторон, Кёкей покачал головой:

– Очень поздно обратились. Надо торопиться, попробуем, если что получится.

Кёкей осторожно принялся массировать руку, начиная с пальцев, стал легкими движениями потихоньку давить. Из раны потекла кровь вперемешку с гноем. Постепенно подбираясь все выше и выше, массируя и выдавливая, врачеватель возился с больным почти полдня. Весь покрытый потом, поглядывая на тазик с выдавленной кровью и гноем, наконец, произнес:

– Так, Бог даст, будет жить! Следом, вытерев полотенцем пот с лица, прилег на топчан.

После кратковременного отдыха достал с полки бутылочку с лекарством, обработав им руку больного Инала, проводил, вручив остаток сопровождающему со словами:

– Ни в коем случае не допускайте переохлаждения.

Однажды Кёкей на предгорье Гона целую неделю преследовал больного пса. В целом Мухоле не было человека, кто бы ни удивлялся этому, но так никто и не догадался о сути, а спросить даже свои, домашние, не осмелились. Как бы там ни было, он ежедневно приносил в руке какие-то травки, заносил к себе в рабочую комнату и раскладывал на полку. Совершив намаз, прилег на топчан и долго лежал, глубоко задумавшись. В это время пришла Гошай. Ей-то он сам и объяснил, зачем целую неделю на предгорье Гона преследовал больного пса.

– Чутье у животных гораздо развитее, чем у людей. В особенности, у собак и кош к это чувство многократно сильнее. Если они заболевают летом, то напрочь отказываются от приема пищи. Но они не просто лежат – вынюхивая, перебирают траву, выщипывают среди множества разнообразной растительности то, что поможет им, пасутся и вылечивают сами себя. Я всю неделю по пятам ходил и высматривал, что ест больной пес, собирал ту же траву. И что я заметил: собранная за всю неделю трава – начиная с первого дня и до последнего – абсолютно одинаковая, безо всякой примеси. Вот и выходит: мы можем только констатировать, что такое поведение безмолвного животного является для нас необъяснимой загадкой. И больше нечего нам добавить.

Во врачебной деятельности для Кёкея самым сложным было лечение змеиного укуса. Ведь в этом случае помощь может оказаться действенной, если будет оказана в ближайшие минуты после укуса. Если же яд попадет в кровь и начнет распространяться по организму, невозможно найти противоядия. Когда удавалось приступить к лечению в первые минуты после укуса, Кёкей перетягивал жгутами выше и ниже места укуса, совершал обряд кровопускания, не давал яду возможности распространяться. На рану накладывал сычуг или смазывал только что свернувшимся молоком и спасал больного.

От больных, будь они бедными или богатыми, никакого вознаграждения не только не требовал, но и не принимал, разве что только когда они сами сильно настаивали. Был единственный случай, когда некий Саламатин, банкир из Петербурга, которого свел с врачом Ахмат Кужонов, усердно пытался отблагодарить Кёкея за свое удачное исцеление от тяжелой болезни. А дело было так: Ахмат по тем временам считался образованным человеком, часто ездил в Кисловодск, имел связи в кругу знатных людей. В очередной свой визит в Кисловодск он попал на вечеринку и познакомился там с банкиром Саламатиним. Поскольку банкир не мог самостоятельно передвигаться, у него были помощники, которые доставляли его в нужное место на ручной коляске. Ахмат любопытствовал и разузнал, что уже три года как у Саламатина отказали ноги, а в остальном он абсолютно здоровый человек. В Кисловодске пользуется нарзанными ваннами, приезжает третий год, но никакого облегчения не чувствует. Тогда Ахмат вспомнил про Кёкея и рассказал Саламатину все, что слышал о нем, о его способностях. Банкир в тот же день собрался в путь.

Он не стал экономить на предстоящих дорожных расходах и помощникам тоже приказал собираться вместе с ним в дорогу.

После завершения строительства дороги в 1892 году в Балкарию стало возможным ездить на арбе, пользоваться фаэтоном. Жизнь в горах

существенно облегчилась. Ранее груз с равнины в горные селения приходилось перетаскивать в баулах, а теперь стало возможным перевозить грузы на воловьей арбе или пользоваться другой тягловой силой, стало гораздо легче заниматься куплей-продажей...

В силу того, что Саламатин был обеспеченным человеком, он достал пароконную подводу и фаэтон, взял своих помощников, в путеводители – Ахмата и отправился в путь-дорожку. Если не считать обвала в ущелье Жылги, где не до конца была прочищена дорога, они без особого труда добрались до Балкарии.

В ночь того дня, когда Саламатин из Кисловодска выехал в Балкарию, Кёкей увидел своего визитера во сне и сказал:

– В предстоящие два-три дня ко мне издалека приедет высокопоставленный чиновник лечить ноги.

Видать, в селе хорошо разлетались вести. Вот и об этом предсказании Кёкея стало известно всей Балкарии. Но когда они увидели заезжающего в село на фаэтоне Саламатина, рядом с ним Ахмата, а следом еще и сопровождающих помощников на пароконной подводе, узнали, что это тот самый больной, которого Кёкей видел во сне, удивлению публики не было предела. Кёкей, как говорится, не откладывая в долгий ящик, как только познакомился с Саламатиным, в тот же день принялся его лечить.

Тело больного, начиная с поясничной области и ниже, до самых ног, обматывал теплой шкурой свежезарезанной козы, снятой вместе с жиром. Шкуру прикладывал плотно, фиксировал повязкой. Трижды в день перед едой поил отваром из каких-то трав собственного приготовления. Через день в жертву приносили другу козу и прикладывали свежую шкуру. Также трижды в день перед едой поили отваром. Лечение продолжалось около месяца. Саламатин абсолютно избавился от своего недуга. За свое исцеление он искренне предложил Кёкею хорошую плату. Но Кёкей ни рубля не взял не только за лечение, но и за использованные собственные козы. Мучаясь в сомнениях, обратился лишь с просьбой о содействии, если имеет такую возможность, в решении вопроса о спорных 600 десятинах земли, которыми он пользовался. Этот участок земли Азнор Айдоболов выделил Кёкею, документально оформив, на платной основе – на несколько лет в аренду. Но позже, когда Азнор отошел от власти, новый руководитель то разрешал пользоваться землей, то отбирал, а документально никак не оформлял. Куда только Кёкей не обращался с просьбой решения земельного вопроса, вплоть до самого царя, но так никто и не дал ему вразумительного ответа. Из-за почтительности отношения к нему и не отбирали участок окончательно, и пользоваться спокойно не давали. Хозяйство у них было очень большое, живности было много, а земли мало. Это положение его сильно тяготило, период неопределенности в земельном вопросе был слишком затяжным. Когда Саламатин разобрался в сути вопроса, он отправил на эту спорную территорию Кёкея с одним из своих помощников. Рассмотрев прилегающие земли, набросали чертеж местности, разграничили на нем эти 600 десятин, о которых вели речь Хасауовы, четко обозначили параметры границ. Позже в Петербурге он эту карту местности заказал в печать, где наглядно было видно, о чем речь, обозначен участок Хасауовых, чтобы царю было понятно, что у него просят, и настроился довести это дело до конца. Уезжая из Балкарии, Саламатин подарил Кёкею свой перстень с большим бриллиантом со словами:

– Пойми меня правильно, это тебе не вознаграждение за твой труд и доброту, а в знак того, что я очень хочу стать тебе верным братом до самой смерти. Если не примешь, очень огорчишь меня.

После таких настояний Кёкей не стал сопротивляться, принял перстень, надел на палец. Банкир обнял Кёкея и провозгласил:

– Ты теперь мой брат!

Попрощавшись в Мухоле с Кёкеем, Саламатин не стал садиться ни на коня, ни на арбу, а вместе с Ахматом и помощниками пешком отправился из ущелья, с благодарностью прикладывая руку к сердцу, прощаясь с каждым, кто встречался на пути, будь он стар или млад.

Когда дошли до теснины Жылги, от души поблагодарив Ахмата, переложил свои вещи с фазтона на арбу и заявил:

– Дальше надеемся, мы сами справимся, найдем дорогу, – посадив его на фазтон, отправили обратно в село, а сами продолжили дальнейший путь на арбе.

Не прошло еще и недели, как Кёкей проводил Саламатина, когда из Безенги через перевал, у каждого встречного расспрашивая, где живет Кёкей, прибыл больной нищий прямо к нему домой. В жизни Кёкей лечил много разных больных, но такого запущенного, доведенного до истощения больного не припоминал. Мужчина был настолько исхудавшим, как говорится, остались только кожа да кости и на ветру качался. Как только поздоровался с Кёкеем, представился на кумыкском:

– Меня зовут Махмут. Я кумык. Честное слово, сильно болит, – и жалобно посмотрел Кёкею в глаза.

Кёкей не стал ничего расспрашивать. Подогрел воду, попросил своего сына Таусо помочь ему. Они искупали этого бедолагу, но тут возникла другая проблема. Его одежда была в таком состоянии, что невозможно было надеть на него обратно. А вещи, что имелись у Кёкея дома, были слишком ему велики. Потом сообразили и стали искать детские вещи. Собрали кое-как полный комплект, одели, обули несчастного в чистое, и Кёкей начал лечить.

Даже до исповеди больного Кёкей знал, что у него проблема с пищеварительной системой. Он абсолютно исключил из рациона зерновые. На протяжении целой недели давал пить понемногу, трижды в день, кислое козье молоко, заквашенное на особых грибах (гыпы). Уже на второй неделе стал готовить рисовый отвар. Давал его без зерен, только жидкость через небольшой промежуток времени после приема козьего молока, заквашенного на грибах. На третьей неделе стал малыми порциями добавлять в пищу сильно разваренный рис вместе с тем же кислым козьим молоком. Еще какой-то период больного продержали на легкой щадящей диете, и пациент выздоровел.

После выздоровления, как ни уговаривал Махмуда Кёкей, тот ни в какую не согласился остаться в Мухоле и вести оседлый образ жизни. Он продолжил свою привычную работу – попрошайничество. Так и мотался между Мухолом и Безенги через перевал: то туда, то сюда. Изредка гостил в доме у Кёкея.

Прошло, наверное, около полугода, как Саламатин после прохождения курса лечения в Мухоле расстался с Кёкеем. В один из дней Таукан Шаханов – тогдашний старшина Балкарского ущелья – принес и вручил Кёкею какие-то бумаги. Он несколько раз рассмотрел каждую строчку, но так ничего и не понял, что за бумаги, о чем там говорится, и недоуменно посмотрел на Шаханова. Тот коротко объяснил, что там, кроме того, что на территории «Эки-Ара» вам выделен участок, ни о чем вразумительно не повествуется. Ввиду того, что бумаги все были составлены с использованием лагинского алфавита, в Мухоле никто не мог их прочитать и нормально перевести смысл написанного, пока не встретились с Ахматом Кужоновым. Ахмат разделил бумаги на три части. Две части оставил без особого внимания, а бумагу, полученную из Петербурга, содержащую приказ царя, карту местности «Эки-Ара» в Балкарии и набранный текст перечитал пять-шесть раз и основательно

перевел содержание. Это была бумага, устанавливающая сыну Хасауова Къануки Кёкею с 1893 года право безвозмездного и бессрочного пользования, то есть право собственности на участок в 600 десятин в местности «Эки-Ара», что в Черекском ущелье, который арендовал Кёкей и пользовался доселе на платной основе. Приказ был подкреплён царской печатью. Конечно же, Кёкей прекрасно понял, что этот вопрос решился благодаря стараниям Саламатина, но никому об этом не проронил и слова. После получения этих бумаг все споры о земле с Хасауовым были исчерпаны.

В середине лета следующего года Саламатин с тремя товарищами приезжал к Хасауовым в Балкарию и гостил у них две недели. Привез он с собой две одноконные подводы, груженные различными принадлежностями для кузнечного дела и всем тем, что использует врачеватель в своей лечебной деятельности. Поскольку привезенное Саламатиним пригодилось бы всему населению Балкарии, Кёкей не стал препираться и с благодарностью принял все. После этого Саламатин еще долго (до изменений государственного строя в стране) поддерживал дружеские отношения с Кёкеем, ежегодно совершал визиты в Балкарию и отдыхал там.

Кёкей своими стараниями поставил Махмуда на ноги и даже предложил ему жить у него в доме. Видать, свободолюбие не давало Махмуду покоя. Ему не понравилось предложение, сделанное Хасауовым, и он не только не согласился жить у них, более того, перевалив через перевал из Безенги, он стал обходить Мухол стороной и продолжать попрошайничать в соседних селах. Если Кёкей и встречал его случайно на дороге, никоим образом не выказывал никакого недовольства или обиды, а напротив, очень радушно встречал и помогал, чем мог. Поэтому в Балкарском ущелье знающие Махмуда нарекли его нищим Кёкея. Какое-то время Махмуд вообще не показывался Кёкею на глаза. А в один из дней из Коспарты прибыл в Мухол к Кёкею сын Жанхотова Каспота и заявил:

– Твой нищий скончался, труп находится в нашем дворе, а мы не знаем, где его хоронить.

Кёкей с сыном отправились в Коспарты. Когда они прибыли к Жанхотовым, обнаружили, что труп Махмуда лежал во дворе на поваленном на землю плетне, некупанный, без савана, просто покрытый белым покрывалом. Во дворе стояли трое-четверо мужчин, но проводить обряд захоронения, как подобает мусульманину, здесь никто и не собирался. Выполнять эту миссию взялся Мухамат.

Мухаммат так красиво, мелодично читал Коран, что во всей Балкарии не было человека, не завидовавшего ему, услышав его чтение, прохожие останавливались и слушали до конца.

В этот период в Балкарии бытовал такой обычай. Каждого умершего хоронили строго в том селе, где он проживал, в том ряду на кладбище, где захоронены представители его рода, члены семьи... Не только чужого пришельца, но и жителя соседнего села, если он умирал не у себя, не давали хоронить на кладбище другого села. Его обязательно везли в свое село. Понимая ситуацию, Кёкей, безусловно, увез умершего в Мухол. В то время в Мухоле проживали представители около двадцати фамилий. Они не стали делать исключение из этого случая и, несмотря на весь авторитет Кёкея, на то, что умерший был мусульманином, выразили свое недовольство по поводу похорон нищего Махмуда на сельском кладбище. Кёкей не стал ни с кем пререкаться или доказывать что-то, ругаться. Взял в помощники своих сыновей, и на окраине собственного участка вырыли могилу и провели обряд захоронения по всем мусульманским правилам. Он также выполнил все условности, принятые в селе, которые обычно выполняют члены семьи усопшего. После завершения похоронной церемонии Кёкей пригласил всех

троих сыновей и огласил свое пожелание захоронить его самого рядом с Махмудом на своем участке.

В Балкарском ущелье на то время насчитывалось шестнадцать селений, поэтому почти дня не проходило, чтобы Кёкей кому-нибудь не оказывал помощь. Особенно в период между 1905 и 1909 годами, когда к Балкарии присоединились и жители Безенги и Шыки. Связано это было с тем, что в это время Кязим совершал свое второе паломничество в Мекку и задержался в арабских странах на четыре года, а так он неплохо разбирался в травах и помогал больным избавиться от многих недугов.

Во время второго визита в Аравию Кязим с целью усовершенствования своих знаний побывал в медресе Дамаска, Стамбула, Багдада, Каира. Более того, посещал занятия в знаменитом университете Каира Аль-Азхар и существенно повысил свое умение. Он не только теоретически ознакомился с некоторыми методами лечения Авиценны (Абу-Али ибн Сина), а какую-то часть перевел на балкарский язык и привез в Шыки. Это свидетельствует о том, что он и в Аравии не забывал о своем народе, и там думал, как ему помочь, искал методы для облегчения участи своих односельчан. Когда Кязим снова вернулся в Шыки, соскучившиеся за столько лет люди из Безенги и Кара-Су целую неделю приходили к нему повидаться, поприветствовать его.

В конце недели, когда Кязим уже думал, что все, кто хотел, его посетили, на пороге появился Тенгиз Суюнчев из Безенги. Перед вторым отъездом Кязима в паломничество Тенгиз болел, а у Кязима не было возможности ему помочь – отправлялся в дорогу. Целый год он об этом помнил и думал, как же Тенгиз, и когда на следующий год повстречал паломников-земляков, спросил и узнал о здравии Суюнчева, был безмерно этому рад.

Как только Тенгиз переступил порог, Кязим первым делом извинился за то, что не смог ему тогда помочь из-за предстоящего паломничества. Тенгиз же от души поблагодарил Кязима, выразил признательность за его благодушие, за то, что он так внимателен к нему, столько лет помнил о его болезни. Кязим действительно искренне расспрашивал о его здоровье, дотошно выяснял, кто и как его лечил, какие средства применял в лечении Тенгиза. Когда выяснил, какие травы применял Кёкей при лечении Тенгиза, Кязим начал листать книгу Авиценны, привезенную из Каира, сосредоточил свое внимание на одной из ее страниц и был поражен: он обнаружил описание всех трав, которыми Кёкей лечил Тенгиза. Откуда свойства этих трав стали известны Кёкею? Какая связь между Авиценной, жившим девятьсот лет тому назад, и Кёкеем – это ли не загадка без логической разгадки? Предположить, что Кёкей мог иметь книгу Авиценны и вычитать оттуда рецепты – несусветная чушь! Во-первых, Кёкей ни писать, ни читать не умел. Даже если думать, что он знал грамоту, не стоило рассчитывать на то, что он мог отчетливо понимать значение прочитанного, чтобы воспользоваться. В то время во всей Балкарии не было никого, кто бы мог произвести полноценный перевод с арабского языка. Кязим пришел к мысли, что это только Божий дар лекаря, и стал расспрашивать у Тенгиза про другое.

Несмотря на то, что Кязим взвалил на себя практически все проблемы по лечению своих односельчан и безенгиевцев, у Кёкея работы меньше не стало. Он стал известен на всю округу. К нему стали приезжать больные из Баксанского ущелья и даже из соседнего Карачая. Как рассказывают в Балкарском ущелье, весной 1928 года сын Хасауова Къануки Кёкей сильно заболел. Не воспользовавшись ничем из своих лечебных средств, он пригласил своих сыновей, и повторно огласил свое пожелание быть после смерти захороненным рядом с Махмудом на собственном участке.

Ясное утро. Солнечные лучи падали на горы Балкарии. Мухаммат у ног, Таусо и Тырыма у изголовья отца. Кёкей, находясь в ясном уме, каждого

сына по отдельности отметил взглядом и закрыл глаза. Вот так спокойно он покинул этот мир. С того момента, наверное, и часа не прошло, как среди ясного дня стал накрапывать мелкий дождик, а появившаяся на небе радуга соединила южную и северную стороны ущелья. Печальная весть быстро распространилась по ущелью, и народ стал собираться на соборезнование. Погода вновь прояснилась, засветило ясное солнышко.

Сыновья Кёкея, выполняя просьбу отца, приготовили могилу рядом с могилой Махмуда. В момент похорон Кёкея дождик возобновился, не столь мелкий, как в первый раз, но никому особо не помешал. Непродолжительный дождь перестал, и вновь на небе появилась радуга. Завершив похоронную церемонию, народ вернулся во двор. Вот тогда полил приличный дождь, и продолжительное время по канавкам текла вода.

После того, как Кёкея похоронили рядом с Махмудом, в Мухоле человек десять (из числа родственников) по отдельности завещали похоронить их рядом с Кёкеем. По моим данным, в настоящее время рядом с могилой Кёкея находятся пять могил.

Уважаемый читатель, спасибо за то, что терпеливо дочитали рассказ до конца. Буду очень признателен, если, не строго судя, дополните имеющиеся пробелы. Несмотря на то, что герой данного рассказа проживал лет сто тому назад, рассказы о нем до сих пор передаются из уст в уста, обсуждаются на завалинках, старшие дополняют рассказы младших. Но, к сожалению, старшие из года в год уходят от нас, унося свою информацию с собой. Я давно и от разных людей слышал об этом легендарном жителе Балкарии, который на протяжении своей жизни оказывал посильную помощь народу. На мой взгляд, о таких представителях нации, как Хасауов Кёкей должны знать и помнить поколения. Он не был просто Хасауовым Кёкеем из Мухола, каждый балкарец мог называть его «Наш Кёкей», им могла гордиться вся Балкария.

Старшие должны рассказывать молодежи о поступках и делах таких представителей народа, об их отношении к проблемам нации в целом и каждого в отдельности. Это, бесспорно, будет способствовать правильному воспитанию молодежи, выработке у них чувства сострадания, терпимого отношения к другим... Например, каждый, кто проходит мимо школы в Верхней Балкарии, мог бы буквально пять минут посвятить этому делу, подойти к могиле Кёкея и отдать дань уважения, совершив дуа, это было бы очень значимо.

В настоящее время два внука Кёкея, сыновья Таусо – Мухарбий и Хажибекир – проживают в г. Чегеме. Мухарбий, как и его дед Кёкей, посвятил жизнь изучению методов лечения инфекционных болезней. Заведует отделом СЭС, обслуживающим три района республики. Он высококвалифицированный специалист, имеет множество наград и поощрений. Хоть и не кузнец, как Кёкей, но сделает все, что в его силах, чтобы помочь нуждающемуся. Хажибекир не врач и не кузнец, но душевной щедростью он ничуть не уступает своему деду.

«Собирать свою историю по крупичкам»

Шарпуддин Бачуевич Ахмадов однажды выбрал профессию историка, которая стала делом всей его жизни. В первые годы возвращения на родину из депортации многие чеченские юноши и девушки мечтали об учебе, образовании, науке, но лишь немногим удавалось поступить в высшие учебные заведения. В годы депортации чеченцы были лишены почти всех прав, была только борьба за выживание – не умереть от голода, не замерзнуть, не попасть из ссылки в ГУЛАГ за пустячный проступок: за подобранный колосок хлеба, за невольное удаление от места проживания на километр-два, за неосторожное слово.

Маленький Шарпуддин сполна хлебнул из этой горькой чаши: ему было два года с небольшим в тот трагический день 23 февраля 1944 года. Он родился 5-го декабря 1941-го года в селе Таузен Веденского района, в семье Бачу и Петимат Ахмадовых. Детство ученого прошло в Павлодарской области Казахстана. Там же, в поселке совхоза № 499, пошел в школу, а десятый класс окончил в родном Таузене после возвращения семьи из депортации.

Избрав профессию историка, Шарпуддин поступает в 1960-м году на историко-филологический факультет Чечено-Ингушского государственного педагогического института, по окончании которого работает в Таузенской восьмилетней школе в течение четырех лет. В 1968-м году, окончательно посвятив себя научно-исторической деятельности, он приходит в Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы на должность младшего научного сотрудника в отдел истории.

В 1969-м поступил на очное отделение аспирантуры при Академии наук СССР и в 1972-м году защитил степень кандидата исторических наук под научным руководством известного кавказоведа, профессора Николая Александровича Смирнова. Кандидатская диссертация Ш. Ахмадова «Народно-освободительное движение народов Кавказа под руководством шейха Мансура в конце XVIII века» стала первым серьезным, непредвзятым обращением к антиколониальному движению горцев всего Кавказа против российской экспансии, начавшейся в Чечне и распространившейся затем на весь Кавказ, от Черного до Каспийского морей.

Предлагаем вниманию читателей журнала «Вайнах» беседу Исы Окарова с доктором исторических наук, профессором, академиком Академии наук Чеченской Республики Шарпуддином Ахмадовым.

– Шарпуддин Бачуевич, Вы основную свою исследовательскую деятельность посвятили движению и личности шейха Мансура. Расскажите читателю о его происхождении, о предпосылках, предшествовавших событиям, связанным с восстанием под предводительством шейха Мансура. Ведь лидеры всегда являются в определенные периоды истории, они как бы ждут, сами того не ведая, когда ситуация «созреет».

– Такой личности, как шейх Мансур, не было на Кавказе ни до него, ни после. Он всколыхнул весь Кавказ от моря до моря явился, как мессия народам, находящимся на историческом распутье: большинством кавказских племен и народностей был принят ислам уже не первый год, но многовековые языческие нравы, вьевшиеся в души, в психологию людей, тянули назад, благотворные всходы ислама плохо росли под мрачной сенью язычества, говоря языком высокого штиля.

Перед явлением шейха Мансура еще достаточно не укрепившийся среди чеченцев ислам стал терять свои позиции, многовековая практика язычества давала о себе знать. В народе стало распространяться воровство, пьянство, возделывание и курение табака, прелюбодеяние и другие пороки, которые осуждал и с которыми боролся ислам.

Уроженец аула Алды, Ушурма Шаабазов (таково было настоящее имя шейха Мансура) появился перед чеченским народом, сползающим в пучину хаоса и полуязычества. Горцы Северного Кавказа во второй половине XIX века находились в тупиковой общественно-политической ситуации: с одной стороны, теснимые местной феодальной верхушкой, а с другой – все плотнее проникающим на Северо-Западный Кавказ российским экспансизмом. Часто вспыхивали восстания, носившие локальный характер, оканчивавшиеся большими жертвами и разорением аулов.

Ушурма взялся, казалось бы, за неосуществимую задачу: объединив все народы Кавказа, не попасть под колониальный гнет российского самодержавия, где борзые щенки обменивались на крепостных людей. Несмотря на неграмотность, шейх Мансур с юношеских лет обладал прекрасными ораторскими способностями, имел прекрасную, притягательную кавказскую внешность. Ведя высоконравственный образ жизни, обладая гибким умом и сильной волей, он, несмотря на молодость, снискал себе уважение и авторитет среди соотечественников.

К моменту восстания под руководством Ушурмы Алдинского (имя Мансур, что переводится с арбского как «победитель», он получил позже, одержав ряд побед над противником) царская Россия завершила строительство укрепленной линии от Каспийского до Азовского морей. Военные укрепления Потемкинское, Григориопольское, Елизаветинское, Константиновское стали звеньями этой военно-колониальной стратегической линии.

С другой стороны, теснимые Османской Портой и его вассалом – крымским ханом, чеченцы, как и другие кавказские народы, находились в перманентной борьбе за собственное национальное самоопределение. Но религиозный аспект воззваний шейха Мансура превалировал над другими. При поддержке влиятельных богословов и мулл Ушурма выступал перед народом с проповедями равенства и социальной справедливости, заявляя о незаконности сословных делений среди свободолюбивых горцев Кавказа. Утверждал, что земля должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает, а не местным князькам и феодалам.

– По-моему, яркой иллюстрацией к сказанному будет выдержка из «Хаджи-Мурата» великого Льва Толстого: «Это был настоящий святой. Когда он был имамом, весь народ был другой. Он ездил по аулам, и весь народ выходил к нему, целовал полы его черкески, каялся в грехах и клялся не делать дурного. Старики говорили: тогда все люди жили, как святые, – не курили, не пили, не пропускали молитвы, обиды прощали друг другу, даже кровь прощали. Тогда деньги и вещи, как находили, привязывали на шесты и ставили на дорогах».

– «Даже кровь прощали». Цитата примечательная. Кровная месть была опустошающим нацию явлением вплоть до сегодняшнего дня. Усилиями нынешнего молодого главы республики Рамзана Кадырова этот адат взят под контроль, возвращен покой многим семьям, сохранено немало молодых жизней. И Ушурма Алдинский начал с того, что простил кровников своей материнской родни. Его сподвижники собирали исламский налог «закят» в пользу бедных, неимущих, сирот и т.д. Шейх Мансур был одним из первых демократических

лидеров всего Кавказа, такого широкого распространения идей независимости, социального равенства не было никогда прежде, под его зеленые знамена газавата стягивались отряды даже из Северного Азербайджана.

– Почему же Османская Империя, огнем и мечом насаждавшая почти во всех доступных ей частях света религию Ислам, занимала в отношении этого и других последующих таких движений на соседнем ей Кавказе такую двойственную позицию? Ведь она обретала в лице шейха Мансура мощного союзника в ее вечной борьбе с «гяурской» Россией и значительно расширяла сферу своего влияния и территорию Ислама? Выходит, что личные или, вернее, имперские амбиции всегда преобладали над панисламскими?

– Каждый правитель, правдами или неправдами взойдя на трон, прежде всего думал, как на нем удержаться, прикрываясь псевдогуманитарными тезисами и лозунгами. Слабеющую Турцию не устраивала перспектива возникновения воинственного, независимого образования кавказских горцев у себя под боком. В константинопольских мечетях и других публичных местах, по указанию турецких властей, было объявлено, что имам Мансур – мошенник, лживый святой и опасный умалишенный. Но вскоре, в 1787-ом году, перед очередной войной с Россией, турецкие политики решили использовать национально-освободительное движение под руководством шейха Мансура в своих имперских целях. Учитывая авторитет кавказского вождя и считаясь с теми военными силами, которые стояли за ним, турецкое правительство вынуждено было официально признать его имамом.

Однако во время русско-турецкой войны отряды кавказских горцев, возглавляемые шейхом Мансуром, не примкнули к туркам, действовали самостоятельно, используя сложившуюся ситуацию в регионе. Мансур, чувствуя замысел турецких эмиссаров, отказался ехать в Стамбул к султану Абдул-Хамиду, тем самым лишив себя военной и иной поддержки со стороны могущественной империи. Не для того, чтобы, защитившись от российского порабощения, попасть под турецкое, воевали горцы Кавказа!

– Что Вы скажете насчет расхожих домыслов о нечеченском происхождении шейха Мансура? Были ведь труды дореволюционных авторов, доказывающих, что он был якобы беглым доминиканским монахом и т. д.

– Такая версия была выгодна имперским, великодержавным историкам: как это неграмотный пастух-чеченец, полудиккий кавказский горец мог не только противостоять великой империи, но и наносить поражения ее могущественной армии, перед которой трепетала вся Европа и Азия. Наиболее известной является статья Г. Прозрителева «Шейх Мансур» (Материалы для истории Кавказской войны), вышедшая в 1912-ом году в г. Ставрополе. Сведений об авторе не существует, видимо, он выступал под псевдонимом.

Этот Г. Прозрителев, ссылаясь на документы, найденные в Туринском архиве итальянским профессором Оттино, утверждает, что настоящее имя чеченского героя-военачальника – Джиовано Батиста-Бозети и он был сыном итальянского нотариуса и т. д.

В настоящее время в Чечне проживает многочисленное потомство Ушурмы Алдинского, т.е. шейха Мансура. Он был сыном Шабаза из тайпа элистанжой. Приведем еще один общеизвестный теперь аргумент, орповергающий лживую, предвзятую версию якобы нечеченского происхождения шейха Мансура.

22 июня 1791 года под натиском русских войск пала турецкая крепость Анапа, шейх Мансур, руководивший обороной, вместе с начальником крепости Мустафой-пашой был захвачен в плен при попытке взорвать крепостной пороховой погреб. Когда командующему русскими войсками генералу Гудовичу представили на допрос пленного шейха Мансура, единственным языком, на котором он мог изъясняться, был его родной чеченский язык. Это засвидетельствовано в протоколах допросов тех лет. Также мало упоминалось у некоторых исследователей этой темы о том, что после разгрома чеченскими

повстанцами под руководством Ушурмы двухтысячного карательного отряда полковника Де Пиери у аула Алды был возвращен без выкупа и каких-либо условий двадцатилетний адъютант командира отряда, раненый князь Багратион. Так чеченцы сохранили для России будущего генерала, героя Отечественной войны 1812 года.

– Шарпудин Бачуевич, если бы Вы еще в начале своей деятельности ученого-историка взялись за более «гладкую» тему, не считаете ли, что Ваша биография была бы более «яркой» в отношении степеней, званий, библиографии опубликованных работ и т.д.? Не жалеете по поводу избранной однажды темы и профессии?

– Изучать историю своего народа, пусть самого малого среди народов мира, искать, отстаивать факты, доказывать, подтверждая документами, которые ты ищешь по всем мировым архивам, – разве это не настоящее дело патриота? Политические системы, которые временно прячут или фальсифицируют историю для идеологической безопасности собственного режима, изжив себя, уходят в прошлое, и правда всплывает. Только после развала Советского Союза и падения коммунистической идеологии стало возможным публиковать материалы, прежде нежелательные для официальной идеологии.

Только в 1992-м году я смог защитить докторскую диссертацию в Ростовском государственном университете на тему: «Народно-освободительное движение на Северном Кавказе под руководством шейха Мансура в конце XVIII века. Годом раньше вышла отдельной книгой моя историко-исследовательская работа «Шейх Мансур», которая и стала докторской диссертацией. За всем этим стоит долгая, кропотливая работа в различных архивах: Центральном государственном архиве древних актов, Центральном военно-историческом архиве, Центральной государственной библиотеке им. Ленина и т.д.

Я с глубокой благодарностью вспоминаю моего научного руководителя, выдающегося кавказоведа, доктора исторических наук, профессора Николая Александровича Смирнова, который всячески поддерживал меня в те годы идеологического застоя, когда девять-десять человек из двадцати членов аттестационной комиссии, по негласному указанию сверху, заваливали мою «националистическую» диссертацию. Также поступили и с Казбеком Гайтукаевым, утверждавшим о реакционной, шовинистической сущности «поэзии» сосланного на Кавказ Полежаева, автора поэмы «Чир-юрт» и других произведений о Кавказской войне.

– Какие проблемы и упущения Вы видите в развитии современной исторической науки в масштабе Чеченской Республики? На каких ошибках прошлого мы должны учиться сегодня?

– Наш маленький народ, не имея своего государственного образования в понятиях европейской цивилизации, в долгой борьбе за свою свободу и идентичность «упустил или растерял» свою документальную, письменную историю. Начиная от татаро-монгольских нашествий и до федеральных. Но прошлого не вернешь. Историю нужно фиксировать ежедневно в масштабе села, района и т.д. Для иллюстрации вспомним вышедшую в 1991-м году небольшую, но содержательную книгу Вахи Матиева на чеченском языке «Старые Атаги и атагинцы». В ней писатель и журналист, коренной атагинец пишет, приводя документальные факты и опираясь на устные источники, как, где и когда было заложено село, выходцы из каких аулов и тайпов основали аул, в каких событиях участвовали атагинцы в дореволюционное и советское время и т.д. Книга богато иллюстрирована.

Если бы в каждом малом и большом селении нашлись такие энтузиасты краеведения, история нашего края значительно обогатилась бы. Желательно письменно фиксировать все происходящие более-менее значимые для нашего общества события, чтобы это не переходило со временем в жанр слухов, домыслов, сплетен и т.д. Различные природные явления, как землетрясения,

наводнения, ураганы, засухи и прочие, всякие общественно-политические события требуют подробной архивно-документальной фиксации.

Возьмем для наглядности два природных явления из не очень далекого прошлого: в 1913-м году произошло природное явление, называемое в народе «бода беана зама» – «время, когда пришел мрак». По свидетельствам очевидцев, среди бела дня небо сильно потемнело и землю окутала тьма. По-видимому, это было сильное солнечное затмение.

И второе, 1958-года, аномальное природное явление: выпадение снега необычного красноватого цвета. Я позже прочитал в каком-то источнике, что это было следствием смешения с осадками заноса сюда, на Кавказ, рыжих песков из Аравийской пустыни. Это явление даже стало нарицательным: «цлен ло дагӀахъара – пусть выпадет красный снег», так как происходит оно чрезвычайно редко. Все это устно переходит от поколения к поколению, искажаясь, лишаясь достоверности и обрастая домыслами.

Необходимо создать историко-географическую карту расположения населенных пунктов хотя бы позднего средневековья и ближе, XVII–XIX веков, когда происходили более-менее освещенные события в истории чеченского народа. Над этой проблемой работает группа ученых нашей Академии наук.

– Какие у Вас пожелания, советы будут для молодежи, в частности для сегодняшней подрастающей научной смены?

– Сегодня мы имеем такие условия и возможности для развития любой отрасли науки, каких не имели никогда прежде. Ученый может работать в любых архивах, хранилищах, библиотеках и музеях мира, может лететь в любую точку мира искать сведения об истории своего народа. Нужно только отдавать себя всего избранной науке, делу, не думая о каких-то материальных упущениях. Сегодня можно молодому человеку реализовать себя в любом деле, нет идеологических запретов, как при советской власти. Молодому ученому нужно знать как можно больше иностранных языков, чтобы читать тексты различных документов на языках оригиналов. А английский язык должен знать, я уверен, каждый начинающий в науке. Очень хочется видеть чеченскую молодежь развитой во всех отношениях: в науке, культуре, спорте, чтобы соблюдали все свои традиции и обычаи, берегли и развивали свой родной, древний чеченский язык, интересовались историей своего народа и края.

– Шарпуддин Бачуевич, спасибо за беседу. От лица читателей журнала «Вайнах» желаю Вам творческих успехов в Вашем благородном деле и здоровья Вам.

Беседовал Иса ОКАРОВ

Тауз Исс

Чеченский космос

Эссе

Точкой отсчета культуры, если быть внимательным к истории человечества, можно считать возникновение чувства стыда. В чеченском сознании оно сформулировано как «Эхь-Бехк» («Стыд-Вина»). В этой лапидарной формулировке сконцентрирована философия первочувства как события нравственного начала в человеке. Здесь «Бехк»-«Вина» – это вкушение Евой и Адамом запретного плода с древа познания и последовавшее за ним прачувство-первосознание, «Эхь»-«Стыд». Такова краткая история начала культуры сознания человека. В чеченском космосе это событие-сознание занимает центральное, корневое место.

Бессознательный, младенческий выбор-падение, определивший судьбу человечества, стал по существу императивом нравственной судьбы в постоянном выборе человека между знанием-незнанием, добром-злом, светом-тьмой, культурой-невежеством. Именно стыд, как первоначало в человеческой Прапамяти, хранит гармонию нравственного порядка и чистоты.

Попробуем и далее расставить основные акценты нравственных приоритетов чеченского сознания. В этом контексте наиболее интересным, пожалуй, можно назвать следующее выражение: «Синий-дег Iаний хьалха эхь хетар» (Стыд перед душой и телом). Эта концепция говорит о том, что наряду с душой и телом в человеке подразумевается личностное индивидуальное начало, в его совокупной цельности, ответственное перед материальной и духовной сущностями в миссии тварного божественного посыла. Это наиболее полное и, можно сказать, идеальное осознание своего «я» в его ответственности, прежде всего, перед самим собой.

Третьим постулатом чеченского сознания можно назвать «Нахах эхь хетар» (Стыд перед людьми). Это понятие, безусловно, являлось сдерживающим и регулирующим началом в чеченском обществе. Оно было основным первичным законом во всех взаимоотношениях между человеком и обществом, точнее между личностью и обществом, состоящим из личностей. Таким образом, мы видим в чеченском сознании устоявшуюся со времени Творения традицию нравственной категории, а именно: перед Богом, собой и обществом.

Выпадающих из этой нравственной триады людей, взывая к великой силе первочувства, вопрошали: «Эхь-бехк дац хьобгахь?» («Разве нет у тебя вины-стыда?»), «Хьайн синий-дег Iаний хьалха эхь ца хета хьуна?» («Неужели тебе не стыдно перед своими душой-телом?»), «Нахах эхь ца хета хьуна?» (Неужели тебе перед людьми не стыдно?). И человеку, как правило, делалось стыдно, то есть в нем просыпался заложенный природой творения самоконтроль. Тех, в ком раскаяния не происходило, не принуждали это делать силой, и как единице, утратившей личностное индивидуальное начало, предлагали покинуть общество, «лишали гражданства», подвергая тем самым «высшей мере наказания». Как видим, и само содержание Чеченской Нравственной Конституции (без права

поправок) и наказание за ее нарушение было нравственного характера, более верное и действенное, нежели физическое.

Таковым предстает перед нами, оживая в памяти, традиционный и таковым во многом остается и поныне чеченский космос. Отсюда идут истоки нашей культуры, основанной на традиции личной индивидуальной ответственности, духовной по содержанию. В эффекте времени многое подвергается трансформации, но даже если предположить, что в памяти потухнет все первочувство, как великая нравственная сила, останется. И в этом были мудры наши Отцы-Основатели, выстроившие саморегулирующий нравственный общественный порядок согласно Божественным вечным канонам, заложенным внутри каждого живого существа и особенно в «венце творения», в человеке. (Не отсюда ли и наш неисправимо-обнадеживающий идеализм?)

Феноменальная внутренняя энергия нравственной силы собственно и делает из человека человека, как личность и духовную единицу. Более того, мы можем на простой аналогии между словами «стаг» и «стигал» постичь иерархию чеченского космоса, в своей устремленности и необъятности. «Стаг»-«ста-г» значит «одухотворенный», «наделенный душой-светом». «Сти-гал» значит «пространство души-света». Со всей очевидностью, язык объясняет нам не только человеческую сущность, но и мироустройство, как микрокосм и макрокосм, как две Божественные беспредельности.

Язык хранит также и память о среде обитания. «ДегIаста» – «Де-гIаста» в буквальном смысле «Удел Божий» («Рай земной») – спасительная, священная твердь, открывшаяся по милости Всевышнего среди пучины всемирного потопа. Отсюда длится второй виток в истории человечества, отсюда и здесь длится время и пространство человеческой жизнедеятельности. Земля, на которой из поколения в поколение история пророков рассказывается и передается друг другу как история рода, народа. Отсюда, из Адатов (Iа-да-т, «Закон Бога») Ноя (Мир ему), разворачивалась далее и пророческая традиция, и прапамять, идущая от Адама.

Культура, думается, состоит, прежде всего, в осознанности своей личной человеческой миссии на земле. Осознанности, прежде всего, как в необходимости активного созидания, состоящей в конечном итоге в победе над собой, в череде испытаний-познаний, коими мы не обделены. В этой осознанности человеческой деятельности важнейшим является такое емкое понятие, как «гIиллакx-гIуллакx», вбирающее в себя двуединое действие: «гIиллакx» («смирение») и «гIуллакx» («дело»), то есть предполагалась сдерживающая внутренняя работа – дело и работа, внешняя в миру. Оба действия были направлены на становление и совершенствование личности, индивидуальности. Вообще, и в целом и в частности задачей чеченского общества пронизанным глубоко нравственным началом являлось воспитать в каждом духовную личность. При этом весь уклад жизни, весь космос был выстроен с учетом личной свободы каждого и свободы общественной. Самым тяжким испытанием в череде времен, конечно же, было «Забывье Бога» – «Дела вицвар», в которое, как известно перманентно впадали все народы. В такие времена человечеством, в силу необходимости духовной самореализации, как правило, создавались вербальные образы. Одним из них является известный архетип Пхьармата-Прометей, легший в основу современной цивилизации. Однако цивилизация миф о героическом Прометее и его возрожденческое сознание вольно или невольно трансформировало в голое потребительство.

Культура и цивилизация, традиции и технологии, аскеза и рынок

– полюса, на которых пульсируют многогранные проявления жизни. Наряду с вышеперечисленным в чеченском сознании крайне высоко ценилось Слово – Дош, исходящее в своей оценке из понимания, что и мир сотворился Словом. Также высоко ценилось Письмо – Йоза, иначе не писались бы на древних башнях сакральные письма-знаки. Если мысленно восстановить все разрушенное, весь Национальный Комплекс, состоявший из тысяч башен, на каждой из которых были начертаны древнейшие письма (Йоза), то получится Огромная Национальная Библиотека. Затруднительно сказать, есть ли в мире пример такого рода, когда под открытым небом, на жилых и иных башнях писались и хранились бы древние письма – йозанаш. Это еще раз подчеркивает, что чеченское общество было открытым и толерантным.

Таким образом, мы видим стройную, гармоничную симфонию чеченского космоса, в котором центральной идеей была идея Единого Создателя. Этой идеей человек вдохновлялся и совершенствовался, она открывала перед ним бесконечные перспективы развития. В чеченском космосе человек осознавал себя, прежде всего, как творение Божье, нравственно и духовно ответственное за порученный ему тварный мир. Он познавал и осознавал этот мир-тайну не столько зрением глаза, сколько «зрением души» – «синбIаьрсаца». И сама среда обитания, психология ландшафта, «экосистема», состоящая из «верха-низа» – «лакхе-лахе» – «горы-равнина» способствовала выработке в человеке своеобразного характера и типа мышления. Его можно назвать аскетическим типом. Из этой духовности, из этого типа мышления рождались и башни, устремленные к «стигал» – «са-гойл» – небесному свету.

Наряду с этой устремленностью важной и существенной считалась внутренняя работа «шена тIаьхь, шена чохь беш болу болх». В результате этой работы, внутреннего усилия, внутреннего духовного зрения можно было завоевать себя у себя же и следом подлинную духовную свободу, поставив материальное на службу духовному. Между бытом и бытием, между собой и собой, между временем и вечностью человек познавал себя, всходил к своей подлинной сущности, заново духовно рождался. Уважение к себе и к ближнему и к каждому живому существу, прежде всего, как к созданию Бога создавало атмосферу доброжелательства, взаимной терпимости и любви.

В неразрывном космогоническом кругу народного сознания, накопленного тысячелетиями, живут и персонажи чеченских сказок. Герои действуют в них на всех «этажах»: на земле, в подземных мирах, летают в небесах, путешествуют во времени и даже бывают в запредельных мирах. Некоторые персонажи способны поразить своими размерами самое изощренное воображение, достигая прямо-таки космических размеров. Как и во всех сказках мира в них, конечно же, побеждает добро. Благородством и великодушием веет из многогранных содержательных повествований чеченского эпоса, илли, фольклора, сказок. Ценой собственной жизни герои готовы прийти на помощь ближнему и незнакомому, заступиться за слабого, сберечь живое. И это далеко не полный ряд из перечисленных нами, из уцелевшего наследия в невероятных испытаниях, выпавших чеченскому народу. Много, слишком много исчезло в пожарах и пеплах, многое стерлось из памяти, но по-прежнему бессмертный чеченский язык хранит, рассказывая все. Что же касается обычаев чеченцев, то ими всегда восхищались и на Западе, и на Востоке.

В чрезвычайно плотном последнем времени, насыщенном событиями исторического характера, выдержать, устоять в катаклизмах и потрясениях помогла историческая гениальная память, длящаяся со дня Творения. Несмотря на то, что было сделано все, чтобы мы перестали осознавать себя как единую Духовную общность, она, вопреки всему, осознается и будет осознаваться с новой силой.

Чеченский космос начал формироваться с того самого мгновения, когда глиняная плоть первочеловека и пророка Адама воскресла к жизни от Духа Всевышнего. И узрел он свет «са» внутренним светом «са», и начал дышать «са дела», где «са» («душа-свет»), а «де – 1а» («дух Создателя»), жить. Не лишне будет повториться, что в день познания в человеке, бывшем до этого «как дитя», родилось, родив в нём человека нравственного, – чувство стыда. Ребенку, до известного возраста, нет стыда ходить в первозданной «адамовой» одежде. Сегодня и всегда, а сегодня как никогда активно наследники того, кто соблазнил наших прародителей вкусить запретного плода, хотели бы, чтобы человек утратил «эхь-бехк», чувство «вины-стыда», прекрасно осознавая, что, утратив это святое чувство, человек превращается в животное.

Говорят, труднее всего увидеть то, что лежит перед глазами. То же самое можно сказать не только о возрожденческом процессе, идущем в республике, но и о таком каждодневном слове-послании, как «Маршалла». Мы передаем его из уст в уста, порой даже не задумываясь о глубоком смысле этого традиционного пожелания, а между тем в нем, в этом одном емком слове, можно сказать, сконцентрирована философия чеченского миропонимания. В слове Маршалла заключены такие понятия, как Машар (Мир), Маршо, (Свобода) и Могшалла (Здоровье). На этой великой триаде покоится чеченское Вошалла (Братство).

Борьба человека за себя, за свое человеческое достоинство, по существу, не прекращается ни на минуту. В каждое мгновение мы осознаем долг оставаться человеком и опасность впасть в искушения. В своей великой милости Создатель наделил нас поистине необъятным космосом, который мы не в силах осознать в полной мере, но даже малая толика его осознания одухотворяет человека, дает колоссальную энергию, делает счастливым в постоянной возможности созидать, делать добро. Таким был чеченский космос, таким он и останется во все времена. И чем больше испытаний будет на его пути, тем выше будет подниматься его содержательный уровень, вмещающий в себя бескорыстие и подвижничество в служении высшему идеалу – нашему Творцу.

*К нашим иллюстрациям***Вдохновение Жизнью**

На обложке этого номера мы представляем работы заслуженного художника Чеченской Республики Усманова Нурлана Сайд-Алиевича. Родился он 11 августа 1954 года в Республике Казахстан Карагандинской области Жанар-Акинского района, в с. Атасу. С 1957 года проживает в селе Знаменское Надтеречного района, где в 1974 году и окончил среднюю школу. Детское увлечение рисованием выросло и окрепло под влиянием художников Э. Юсупова и Н. Астамирова, живших по соседству. Ребенком Нурлан часто наблюдал за процессом их работы, позировал художникам, постепенно увлекся и продолжил их дело. Но одной только живописью широкая и многообразная натура Нурлана не ограничилась. С 1975 по 1977 гг. он служил в рядах Вооруженных сил Советской Армии, где впервые открыл для себя новое направление – прикладное искусство, портретную живопись, оказавшую впоследствии судьбоносное влияние на его жизнь. С 1978 по 1982 гг. обучался в Абрамцевском художественно-промышленном училище. Среди

художников Усманов выделяет Васнецова, Поленова, Айвазовского. Современная живопись ему не понятна, общее восхищение направлением абстракционизма не разделяет. Впрочем, тут же добавляет, что вдохновляет его любое искусство, если оно искренне. Настоящее Искусство говорит на всех языках, понять его может каждый.

По окончании учебы Нурлан 6 лет посвятил путешествию по всей России вплоть до Читинской области, где в каждом регионе, в каждой республике задерживался на 1-2 месяца, проходя обучение у лучших мастеров и знакомясь с национальным орнаментом других республик. Многие настолько привязывались к молодому мастеру, что по окончании срока учебы каждый раз упрашивали остаться, а об оплате и слышать не желали. Именно в этот период Нурлан осознал, что необходимо развивать прикладное искусство своего народа. По возвращении из собственной Одиссеи он решил, что не вправе унести с собой накопленные знания и занялся обучением детей. Вначале давал бесплатные уроки на дому, позже было открыто Государственное унитарное предприятие «Учебно-производственный реабилитационный центр», руководителем которого Нурлан является с 2010 года. Обучая детей, Нурлан признается, что это не односторонний процесс, многому он сам у них учится. Бумага, краски, дерево, кость, камень или металл – каждый из материалов для него – неистощимый источник вдохновения. «Золото и глина одинаково ценны для меня. Не понимаю тех, кто отдает предпочтение чему-то одному. Необходимо ценить все материалы, созданные Всевышним», – делится Нурлан. Основные свои работы, правда, он посвящает дереву, мотивируя это тем, что дерево доступно детям, легко ими воспринимается. Работа над деревом и натолкнула на мысль о национальном орнаменте, разработкой которого Нурлан занимается уже около 30 лет.

С 1974 года Н. Усманов является участником всех республиканских выставок в области прикладного искусства. Его работы выставляются в музеях России, Санкт-Петербурга, Ставрополя, Волгограда, в Национальном музее ЧР. Им создано около семи тысяч рисунков, портретов, трех тысяч работ. С грустью Нурлан вспоминает о художественных работах, полностью сгоревших в мастерских Грозного во время печально известных событий девяностых годов.

В 1988 году получил звание народного мастера России, был принят в Союз художников СССР. О Нурлане Усманове снято около 30 фильмов, передач на федеральных и международных каналах, всех его званий не перечислить. Особой гордостью Нурлана являются также работы его учеников, непременно занимающие первые места на всех выставках, проходящих не менее 8-9 раз в год. Множество мастеров (270) подготовлено Нурланом Усмановым, из них трое в возрасте 18 лет приняты в Союз художников России, что является рекордом и по возрасту, и по количеству.

Мадина Абдулвагапова

Книжные новинки**«Топонимия Чечни»**

Монументальный труд, равный которому трудно припомнить как в науке, так и в книгоиздании, поэта, историка и краеведа Ахмада Сулейманова (1922–1995) переиздан в Грозненском книжном издательстве.

«Топонимия Чечни» – своего рода «паспорт территории», которую на протяжении веков отстаивал наш народ. Сам автор книги посвятил свою жизнь сбору и обработке топонимических названий на территории исторического проживания чеченского народа.

В ГУП «Книжное издательство», где и выпущен труд писателя, в 1976–1978 годы выходили первая и вторая часть книги, третья – в 1980 году. И уже объединенная книга издана в 1996 году. Это уже второе переиздание «Топонимии Чечни». В 2006 году ее выпускали с незначительными изменениями обложки. Книга всегда была востребована читателями, поэтому в этом

году ее тираж составил 2500 экземпляров.

«Мир просветителя»

В Грозном готовится к изданию уникальная книга «Мир просветителя» известного поэта, журналиста, переводчика и краеведа Азима Юсупова.

Книга выйдет в свет на чеченском языке. Автор, как исследователь литературного наследия, посвятил ее Шахабу Сугаипову – языковеду, поэту, мюриду одного из почитаемых и уважаемых эвлия Мани Шейха.

Читателю, заинтересованному историей своего народа, будет интересно взять в руки во многом уникальную книгу о Шахабе Сугаипове (1854–1931) – просветителе, который на основе арабской графики создал чеченскую азбуку. По утверждению некоторых языковедов, азбука была издана в 1924 году, по сведениям других – 1925. Однако в книге «Мир просветителя» автор точной датой выпуска азбуки называет 1923 год.

– Собранные в ней документы расскажут не только о жизни и творчестве удивительного и талантливого человека, но и откроют новые страницы истории чеченского народа, – рассказали в ГУП «Книжное издательство», где и готовится к выпуску этот труд.

Тираж книги составит 1000 экземпляров. «Мир просветителя» («Серланчин дуйненах») выйдет в свет в конце июля 2013 года.

Подготовила Мадина Абдулвагапова

Сведения об авторах и переводчиках

Муса Бексултанов (1954). Народный писатель Чеченской Республики (2005), главный редактор детского журнала «СтелаАад» («Радуга») с 2007 г. В 1977 г. окончил филологический факультет Чечено-Ингушского университета. Член Союза писателей России. Произведения Бексултанова переведены на русский, английский, французский, немецкий языки. Печатается с 1980 г. Автор книг: «Облаков журавли белые», 1985 г.; «И завтра, как вчера», 1988 г.; «Иногда, когда мне скучно», 2005; «И кто постучится в дверь твою в ночи», 2005 г.; повестей: «Это была не шутка», «Дорога возвращается к началу», рассказов, миниатюр, эссе на чеченском языке.

Адиз Кусаев (1938). Родился в с. Шуани Ножай-Юртовского района ЧИАССР. Окончил Ростовский госуниверситет (факультет журналистики). В поэзии и журналистике – с 1957 года. Издал сборники стихов, поэм и переводов: «Характер», «Дороги», «Необходимость», «Горный сокол», «Единство», «Весенний край». Выпустил книги художественной и документальной публицистики: «Писатели Чечни» (I и II книги), «Чечня: годы и люди», «Говорит и показывает Грозный. История чеченского радио и телевидения» и другие. Пишет на чеченском и русском языках.

Алвади Шайхиев (1947). Окончил филологический факультет ЧИГПИ в 1970 году. В 1977–79 гг. учился на Высших двухгодичных литературных курсах Союза писателей СССР при Литературном институте им. А. М. Горького в Москве. Поэт, писатель, переводчик. Член Союза писателей СССР с марта 1976 года. Публикуется в периодической печати с 1961 года. Первый сборник стихов «Чувство» увидел свет в 1969 году. В разные годы в Грозном и Москве выходили поэтические сборники: «Пламя любви», «Огонь в очаге», «Трава-мурава», «Пульс», «Совесть», «Башни мужества», «Ночные птицы», «Заповедь» и другие. Стихи Алвади Шайхиева печатались в журналах «Молодая гвардия», «Современник», «Звезда», «Дон» и других.

Валид Докаев (1968). Родился в селе Алхан-Юрт Чечено-Ингушской АССР. В 1996 году окончил филологический факультет ЧГУ. По окончании вуза несколько лет работал по специальности в средней школе. Также работал в качестве зам.редактора газеты «Кавказский дом» (1995–1996 гг.). Пишет стихи, прозу, статьи публицистического характера. Публикуется с 1989 года в местной периодической печати, а также в советской центральной газете «Красная звезда».

Майрбек Лулуев (1956). Родился в Казахской ССР. В 1983 году с отличием окончил Чечено-Ингушский госуниверситет по специальности «Преподаватель русского языка и литературы». Стихи пишет со школьной скамьи. Печатался в журнале «Орга», в районной газете «Колхозная жизнь». С 1993 года проживает в Саратовской области. Там же печатается в местной периодической печати.

Шаран Дашаев (1940). Родился в селе Урус-Мартан ЧИАССР. Окончил Чечено-Ингушский пединститут, Высшую партийную школу при ЦК КПСС. С 1960 по 1965 год работал учителем русского языка и литературы, чеченского языка и литературы, завучем, с 1965 года – корреспондентом радио, с 1966 года – в районной и республиканской газетах заведомом, замредактора, редактором. С 1999 по 2006 год – начальник отдела, заместитель и 1-й заместитель главы администрации г. Урус-Мартана. Его статьи, очерки, рассказы публиковались на страницах республиканских газет, журналов «Вайнах», «Орга».

Зура Итсмиолорд (псевдоним). Окончила факультет романо-германской филологии по специальности «Английский, французский языки и литература». Пишет на разных языках прозу, литературную критику. Переводит с чеченского на русский и иностранные языки. Искусствовед. Независимый эксперт в области живописи.

Муса Ахмадов (1956). В 1979 г. окончил филологический факультет ЧИГУ. С 2004 г. и по настоящее время – главный редактор журнала «Вайнах». Народный писатель ЧР, заслуженный работник культуры ЧР, лауреат премии «Серебряная сова» (2006 г.) Автор 9 художественных книг. Автор учебников, методических пособий и программ по этике и чеченскому языку для школ и вузов. В 2002 г. пьеса «Волки» была издана отдельной книгой на французском языке в Париже и поставлена на сцене театра «Дом восточно-европейской пьесы» (март 2006 г.). В 2011 г. в Швейцарии вышла книга рассказов и повестей на немецком языке «Чтобы свечу не задудло ветром». Произведения Ахмадова переведены также на английский и японский языки.

Тауз Исс (Тауз Исаев). Родился в 1951 г. Поэт, эссеист, прозаик. Окончил Московский литературный институт им. М. Горького (семинар поэзии). Автор поэтических сборников «Пространство души», «Горсть», «Линии»; эссеистики «Грани»; прозы: «Путешествие в полдень», романа «Имя Родины». Вице-президент Академии культуры Кавказа. Член СП Абхазии (2002), ЧР и РФ (2007).

Подписка на «Вайнах» в отделениях Почты России и в редакции журнала. Стоимость полугодовой подписки – 330 руб.